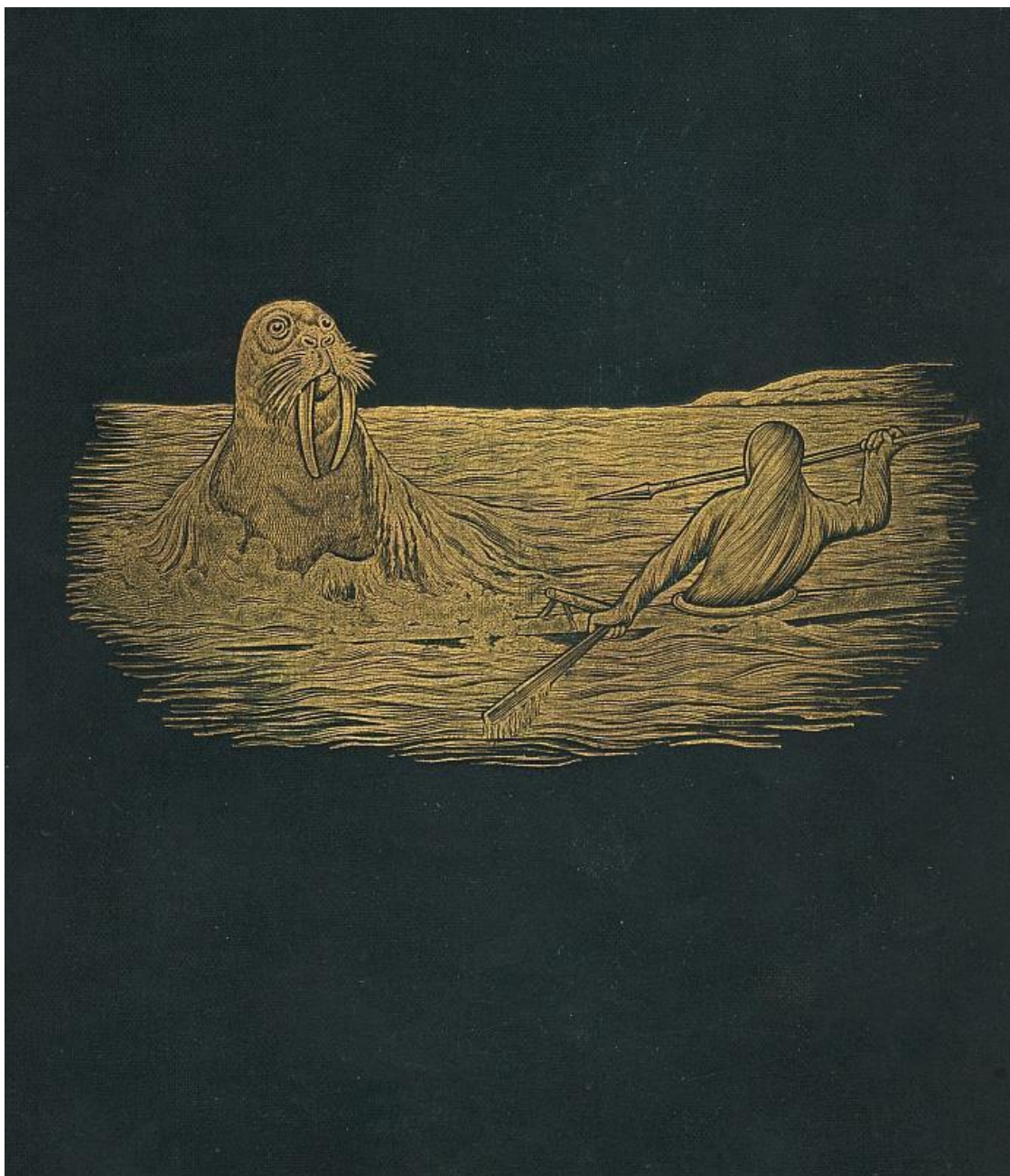

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ

Фритъоф Нансен

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни эскимосов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь эскимосов

Автор: Фритьоф Нансен

Переводчик: Уильям Арчер

Дата выхода: 26 сентября 2014 г. [Электронная книга № 46972]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Стивен Гиббс, Брайан Уилкоккс и команда онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ" ***

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ПЕРВОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРЕНЛАНДИИ

С многочисленными иллюстрациями и Картой

Дешевое издание. Корона 8в. 7с. 6д.

Лондон: LONGMANS, GREEN, AND CO.

и НЬЮ-ЙОРК: 16-я ВОСТОЧНАЯ УЛИЦА, 15

ОХОТНИК, ЕГО ЖЕНА И МОЛОДАЯ ДЕВУШКА (ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ГРЕНЛАНДИИ)

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ

ФРИТЬОФА НАНСЕНА,

АВТОРА КНИГИ "ПЕРВОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРЕНЛАНДИИ",

ПЕРЕВЕДЕННОЙ УИЛЬЯМОМ АРЧЕРОМ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ЛОНДОН

ЛОНГМАНС, ГРИН И КО.

И НЬЮ-ЙОРК: 15 EAST 16^{-я} УЛИЦА

1893

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Прежде чем передать свой 'Эскимолив' в мои руки для перевода, доктор Нансен очень тщательно переработал текст и сделал многочисленные сокращения и дополнения. Таким образом, будет обнаружено, что следующие страницы в нескольких деталях отличаются от норвежского оригинала. Я также попросил и получил разрешение доктора Нансена умолчать об одной или двух особенно отвратительных деталях эскимосских нравов, которые, казалось, не имели особого этнологического значения. Однако сокращения, сделанные по этому поводу, вероятно, не составят и половины страницы в целом.

Доктор Нансен предложил мне последовать примеру доктора Ринка из его 'Сказок и традиций эскимосов' и относиться к слову "эскимос" как к несклоняемому. Однако я рискнул отклонить его предложение. Существует прецедент как для 'эскимоса', так и для "эскимосок" как формы множественного числа; и там, где вообще есть какой-либо выбор, кажется разумным предпочесть обычное склонение.

В главах XIII. и XIV. Доктор Нансен, естественно, делает многочисленные ссылки на этот великий кладезь народных преданий Гренландии, книгу доктора Ринка 'Эскимосский сагн ог Эвентыр', которая была переведена и сокращена самим автором под вышеупомянутым названием. Там, где это было возможно, я давал ссылку на английское издание; но в тех случаях, когда текст был очень вольно сокращен или вычеркнут, я также ссылался на датский оригинал. Даже там, где я этого не делал, изучающим фольклор можно посоветовать вернуться к оригинальному тексту, который часто более полный и характерный, чем английская версия.

В. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

На целую зиму мы были отрезаны от мира и замурованы среди гренландцев. Я жил в их хижинах, принимал участие в их охоте и старался, как мог, жить их жизнью и выучить их язык. Но, к сожалению, одна зима — это слишком короткий срок, чтобы досконально изучить столь своеобразный народ, его цивилизацию и образ мыслей - для этого потребовались бы годы терпеливого изучения. Тем не менее, я попытался в этой книге описать впечатления, произведенные на меня эскимосом и его государством, и постарался, насколько это было возможно, подкрепить их цитатами из прежних авторов. Могут даже быть вещи, которые новичок видит более ясно, чем наблюдатель с многолетним стажем, живущий среди них.

Возможно, читатель по многим вопросам будет думать нетак, как я. Я, правда, не могу считать, что все, что есть, очень хорошо; я достаточно слаб, чтобы испытывать сострадание к угасающей расе, которой, возможно, уже ничем нельзя помочь, поскольку она уже ужалена ядом нашей цивилизации. Но я утешаю себя мыслью, что, по крайней мере, никакие мои слова не могут ухудшить участь этого народа, и я надеюсь, что читатель воспримет мои наблюдения в том духе, в каком они написаны. *Друг Платон, друг Сократ, magis amica veritas*- истина превыше всего. И если в некоторых моментах я покажусь неразумным, я должен сослаться в свое оправдание на то, что вряд ли возможно прожить какое-то время среди этих людей, не испытывая к ним привязанности - для этого одной зимы более чем достаточно.

Долгими темными вечерами, когда я сидел в низких земляных хижинах и смотрел на пламя железнодорожных масляных ламп, у меня было достаточно времени для размышлений. Мне часто казалось, что я вижу, как эти отважные дети Природы продвигаются на запад, этап за этапом, на своих собачьих упряжках и в своих замечательных каноэ из кожи, вдоль бесплодных ледяных берегов; я видел, как они прокладывают себе путь вперед и мало-помалу совершенствуют свои хитроумные орудия и достигают виртуозного мастерства в охоте. Проходили сотни, нет, тысячи лет, племя за племенем погибало, в то время как другие, более сильные племена выживали — и я преисполнился восхищения народом, который вышел победителем из борьбы с таким негостеприимным природным окружением.

Но в меланхолическом контрасте с этой вдохновляющей картиной прошлого настоящее и будущее предстали перед моими глазами — печальный, безнадежный туман.

В Гренландии эскимосы подружились с европейцами. Сначала это были наши норвежские предки древних времен; их они постепенно одолели. Но мы вернулись к атаке, на этот раз принеся с собой христианство и продукты цивилизации; затем они сдались и опускаются все ниже и ниже. Мир проходит мимо, с сожалением пожимая плечами.

- Что еще можно сказать? Кто хуже на грош
, Даже если нищий мертв?

Но у этого народа тоже есть свои чувства, как и у других; он тоже радуется жизни и Природе и истекает кровью под нашей железной пятой. Если кто-то сомневается в этом, пусть он понаблюдает за их симпатией друг к другу и их любовью к своим детям; или пусть он прочтет их легенды.

Всякий раз, когда я видел примеры страданий, которые мы навлекли на них, те остатки чувства справедливости, которые все еще можно найти в большинстве из нас, вызывали во мне негодование, и я преисполнялся жгучего желания донести правду до всего мира. Я думал, что если бы это однажды дошло до них, люди не могли бы не пробудиться от своего безразличия и сразу же загладить причиненное ими зло.

Бедный мечтатель! Тебе нечего сказать, чего бы не было сказано лучше раньше. О несчастной судьбе гренландцев, так же как и других 'коренных' рас, рассказывали многие, и всегда безрезультатно.

Но, тем не менее, я чувствовал, что должен облегчить свою совесть; мне казалось священным долгом добавить свой протест ко всему остальному. К несчастью, мое перо слишком слабое: мне не удалось выразить то, что я чувствую глубже всего: никогда еще я так сильно не

стремился к дарованию поэта. Я очень хорошо знаю, что и мой голос будет подобен крику, разнесшемуся над плоским пространством пустыни, где даже горы не смогут отозваться на него эхом. Моя единственная надежда - пробудить кое-где чувство сочувствия к эскимосам и скорби об их судьбе.

FRIDTJOF NANSEN.

Годтааб, Лайсакер:

ноябрь 1891 г..

Содержание.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ГРЕНЛАНДИЯ И ЭСКИМОСЫ	1
II. ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА	18
III. "КАЙАК" И ЕГО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	30
IV. ЭСКИМОС В МОРЕ	56
V. ЗИМНИЕ ДОМА, ПАЛАТКИ, ЖЕНСКИЕ ЛОДКИ И ЭКСКУРСИИ	78
VI. КУЛИНАРИЯ И ЛАКОМСТВА	89
VII. ХАРАКТЕР И СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ	100
VIII. ПОЛОЖЕНИЕ И РАБОТА ЖЕНЩИН	121
IX. ЛЮБОВЬ И БРАК	138
X. МОРАЛЬ	157
XI. СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО—ТАНЦЫ Под БАРАБАНЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ	186
XII. УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ—ИСКУССТВО—МУЗЫКА—ПОЭЗИЯ— ЭСКИМОССКИЕ РАССКАЗЫ	193
XIII. РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕИ	209
XIV. ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА	301
XV. ЕВРОПЕЙЦЫ И ТУЗЕМЦЫ	313
XVI. ЧЕГО МЫ ДОСТИГЛИ?	327
XVII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	341

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ТАРЕЛКИ.

Охотник, его жена и молодая девушка (Западное побережье Гренландии)

Фронтиспис

„Бескрайние снежные поля, спокойные и белые,

на первой

2

простирающиеся от моря до моря,,	<i>странице</i>	
, на которой изображен Каяк	" "	32
"Голова наполовину откинута назад, чтобы смотреть на море"	„	58
В море в поисках тюленей	„ „	60
Охота на тюленей	„ „	62
Против ветра	„ „	66
Человек-кайак, спасающий товарища	„ „	68
Человек-кайак, на которого напал морж	„	74
Ловля палтуса	„ „	76
Лагерь эскимосов	„ „	84
Летнее путешествие	„ „	86
Рыбалка	„ „	114
Гренландский танец	„ „	190
Пейзаж фиорда на Восточном побережье (в Тингмиармьоте)	„	328
Северное сияние—„Игра мертвых,,	„	348

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ В ТЕКСТЕ.

	СТРАНИЦА
Домашняя одежда Гренландии (Восточное побережье)—(1) Мужской костюм; (2) Женский костюм	26
Дротик с пузырем	34
Гарпун	36
Наконечник гарпуна	37
Копье	39
Метательная палка с дротиком-птицей	40
Брошенный дротик-птица	42
Метательная палка с гарпуном	43
Кайак, вид сверху	44
Кайак-рамка	44
Разреза Кайака	47
Весло	49
Полупальто	50
Цельнокроеная куртка	50
Эскимосская Венера и Аполлон	199

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ

ГЛАВА I

ГРЕНЛАНДИЯ И ЭСКИМОСЫ

Гренландия своеобразным образом ассоциируется с Норвегией и норвежцами. Наши предки были первыми европейцами, которые нашли путь к ее берегам. На своих открытых судах древние викинги совершали свои отважные путешествия сквозь бури и дрейфующие льды в эту далекую страну снегов, обосновались там на несколько столетий и присоединили ее к владениям норвежской короны.

После того, как память о его существовании практически стерлась, это снова был один из наших соотечественников^[1] который от имени норвежской компании основал второе европейское поселение в стране.

Она бедна, эта земля эскимоса, которую мы отняли у него; в ней нет ни леса, ни золота, чтобы предложить нам — она голая, пустынная, как ни одна другая земля, населенная человеком. Но, несмотря на всю свою неприкрытую бедность, как она прекрасна! Если Норвегия великолепна, Гренландия, по правде говоря, не менее великолепна. Когда человек однажды ее увидел, как дороги ему воспоминания о ней! Я не знаю, чувствуют ли другие то же, что и я, но для меня это соприкасается со всей сказочной красотой сказочной страны моего детского воображения. Мне кажется, что там я обнаружил повторение нашего собственного норвежского пейзажа в еще более благородных, чистых формах.

Она сильна и дика, эта Природа, как древняя сага, высеченная изо льда и камня, но с настроением лирической деликатности и утонченности. Он похож на холодную сталь, сквозь которую просвечивают переливы цвета освещенного солнцем облака.

Когда я вижу ледники и ледяные горы, мои мысли уносятся в Гренландию, где ледники обширнее, чем где-либо еще, где ледяные горы выдаются в море, покрытое айсбергами и дрейфующими льдами. Когда я слышу громкие восхваления прогресса нашего общества, его великих людей и их великих деяний, мои мысли возвращаются к бескрайним заснеженным полям, простирающимся непрерывной чередой от моря до моря, высоко над тем, что когда-то было плодородными долинами и горами. Возможно, когда-нибудь такое же снежное поле покроет всех нас.

"БЕСКРАЙНИЕ СНЕЖНЫЕ ПОЛЯ, ПРОСТИРАЮЩИЕСЯ СПОКОЙНЫМИ И БЕЛЫМИ ОТ МОРЯ ДО МОРЯ"

Все в Гренландии просто и великолепно — белый снег, голубой лед, голые черные скалы и вершины, и темное штормовое море. Когда я вижу, как солнце, сияя, погружается в волны, это напоминает мне гренландские закаты, когда островки и скалы как бы плавают по полированной поверхности гладкого, мягко колышущегося моря, в то время как в глубине материка ряд за рядом возвышаются вершины, отливающие вечерним светом. И иногда, когда я смотрю "Сетер-лайф"[2] дома и наблюдаю за сетер-девочками и пасущимися коровами, я думаю о жизни в палатках и стадах северных оленей на гренландских фьордах и нагорьях; я думаю о кричащих куропатках, вересковых пустошах и ивовых рощах, озерах и долинах среди гор, где эскимос живет своей жизнью. короткое лето.

Но ни на что другое не похожа зимняя ночь Гренландии с ее пылающим северным сиянием; это собственный мистический танец духов Природы.

Странна власть, которую эта земля оказывает на разум; но раса, населяющая ее, не менее примечательна, чем сама земля.

Эскимос больше, чем кто-либо другой, принадлежит побережью и морю. Он живет у моря, на нем он добывает пропитание, оно дает ему все необходимое для жизни, по нему он совершает все свои путешествия, будь то в своих кожаных каноэ летом или в своих собачьих упряжках, когда оно сковано льдом зимой. Таким образом, море оказывает сильнейшее влияние на жизнь эскимоса; что же тогда удивительного, если его душа отражает его настроения? Его разум меняется вместе с морем — могильным во время шторма; солнечным светом и спокойствием, полным ничем не сдерживаемого ликования. Он - дитя моря, бездумно веселое, как игривая волна, но иногда мрачное, как пенящийся шторм. Одно чувство вытесняет другое из его детского разума так же быстро, как когда утихает буря, волны утихают и само воспоминание о них исчезает.

Жизненные блага в этом мире распределены очень неравномерно. Для некоторых существование настолько легко, что им нужно всего лишь посадить в юности хлебное дерево, и вся их жизнь обеспечена. Другие, опять же, кажется, лишены всего, кроме силы бороться за жизнь; они должны трудом выжимать из враждебной Природы каждый глоток своего пропитания. Их посылают на аванпосты, этих людей; они образуют крылья великой армии человечества в его постоянной борьбе за подчинение природы.

Таким народом являются эскимосы, и он один из самых замечательных в мире. Они являются живым доказательством редкой способности человека приспосабливаться к обстоятельствам и распространяться по лицу земли.

Эскимосы образуют крайний форпост на пути к бесконечной тишине ледяных областей, и на всем протяжении, почти на всем протяжении нашего продвижения на север, мы находим следы, оставленные этой выносливой расой.

Трактаты, которые все остальные презирают, он создал своими собственными. Благодаря постоянной борьбе и медленному развитию он научился некоторым вещам, которые никто не изучал лучше. Там, где для других заканчивались условия, делающие жизнь возможной, для него начиналась жизнь. Он полюбил эти регионы; они стали для него миром, в котором он сам воплощает всю человеческую расу.^[3] Вне их пределов он существовать не мог.

Именно этим людям посвящены следующие страницы.

Взаимное сходство различных племен эскимосов не менее поразительно, чем их отличие от всех других рас в чертах лица, фигуре, орудиях труда и оружии, а также общем образе жизни.

Чистокровный эскимос из Берингова пролива настолько похож на гренландца, что ни на минуту нельзя усомниться в том, что они принадлежат к одной расе. Их язык также настолько схож, что эскимос Аляски и гренландец, вероятно, через некоторое время смогли бы общаться без особых трудностей. Капитан Адриан Якобсен, который путешествовал как по Гренландии, так и по Аляске, сказал мне, что на Аляске ему удавалось обходиться несколькими эскимосскими словами, которые он выучил в Гренландии. Эти два народа разделены расстоянием примерно в 3000 миль — что-то вроде расстояния между Лондоном и Афганистаном. Такое единство речи между столь широко разделенными расами, вероятно, уникально в истории человечества.

Сходство между всеми различными племенами эскимосов, а также их уединенное положение по отношению к другим народам и совершенство их орудий труда могут быть приняты за указание на то, что они принадлежат к очень древней расе, у которой все застыло в определенных формах, которые теперь могут лишь медленно изменяться. Однако другие указания, по-видимому, противоречат такой гипотезе и делают более вероятным, что изначально эта раса была малочисленной, которая лишь в сравнительно поздний период развилась до такой степени, на которой мы ее сейчас находим, и распространилась по странам, которые она населяет в настоящее время.

Если на первый взгляд покажется трудным понять, как они могли распространиться за сравнительно короткое время по этим обширным пространствам страны, не перемещаясь большими массами, как в случае более крупных миграций, нам нужно только вспомнить, что их нынешние негостеприимные места обитания вряд ли могли быть заселены, по крайней мере

постоянно, до того, как они ими завладели, и что, следовательно, им не с чем было бороться, кроме самой природы.

Регион, ныне населенный эскимосами, простирается от западного побережья Берингова пролива до Аляски, северного побережья Северной Америки, североамериканских групп арктических островов, западного побережья и, наконец, восточного побережья Гренландии.

Из-за своего абсолютно уединенного положения эскимос доставлял антропологам много хлопот, и относительно его происхождения высказывались самые противоречивые мнения.

Доктор Х. Ринк, посвятивший Гренландию и ее жителей изучению своей жизни и являющийся, вне всякого сравнения, величайшим авторитетом в этом вопросе, считает, что орудия труда и оружие эскимосов — во всяком случае, по большей части — ведут свое происхождение из Америки. Он считает вероятным, что эскимосы когда-то были расой, обитавшей во внутренних районах Аляски, где до сих пор проживает значительное количество внутренних эскимосов, и что они мигрировали оттуда к берегам ледяного моря. Далее он утверждает, что их речь наиболее тесно связана с примитивными диалектами Америки и что их легенды и обычаи напоминают индейские.

Однако среди прочих моментов, в которых эскимосы отличаются от индейцев, есть один - использование собачьих упряжек. За исключением инков Перу, которые использовали ламу в качестве вьючного животного, ни один из американских аборигенов не использовал животных ни для тащкы, ни для переноски. Таким образом, в этом эскимосы больше напоминают расы азиатских полярных регионов.

Но это завело бы нас слишком далеко, если бы мы занялись этим сложным научным вопросом, доказательства по которому еще ни в коем случае не были тщательно проанализированы. Только поэтому мы можем с какой—либо уверенностью заявить, что эскимосы в сравнительно недавнее время обитали на побережьях Берингова пролива и Берингова моря — вероятно, на американской стороне - и оттуда постепенно распространились на восток через Арктическую Америку до Гренландии.

По моему мнению, невозможно определить, в какое время они достигли Гренландии и навсегда поселились там. Из того, что уже было сказано, представляется вероятным, что этот период был сравнительно поздним, но мне не кажется установленным, как утверждалось в нескольких кругах, что мы можем заключить из исландских саг, что они впервые появились на западном побережье Гренландии в четырнадцатом веке. Определенно создается впечатление, что норвежские колонии Эстербигд и Вестербигд (*т.е.* Восточный и Западный районы или поселения) до этого периода не подвергались серьезным нападениям со стороны "скреллингов" или эскимосов, приходивших группами с севера; но это не исключает предположения, что они заняли определенные участки западного побережья Гренландии задолго до этого времени и задолго до открытия страны норвежцами. Они, по-видимому, не были заселены в южной части побережья в течение первых четырехсот лет норвежской оккупации, поскольку они не упоминаются в сагах; но ясно указано, что первые норвежцы (Эрик Рыжий и другие), пришедшие в страну, нашли как в Пасхальном, так и в Западном округах руины человеческих жилищ, фрагменты лодок и каменные орудия, которые, по их мнению, должны были принадлежать слабому народу, которого они поэтому называли 'скреллингами' (или 'слабаками'). Соответственно, мы должны заключить, что 'скреллинги' были там раньше; и

поскольку такие останки были найдены в обоих округах, кажется, что они вряд ли могли нанести им мимолетные визиты. Не исключено, что эскимосы могли просто пуститься наутек, когда в море появились корабли норвежских викингов; мы также видели, как они делали это на восточном побережье; но представляется совершенно маловероятным, что они могли исчезнуть так быстро, что норвежцы не успели их заметить. Вероятность в целом такова, что в то время постоянные поселения эскимосов находились дальше к северу от побережья, выше 68-го градуса северной широты, где в изобилии водятся тюлени и киты, и куда они впервые придут на своем пути с севера[4] (см. стр. 13). Из этих постоянных поселений они, вероятно, на эскимосский манер совершали частые более или менее продолжительные экскурсии в более южную часть западного побережья и там оставили после себя следы, которые были обнаружены впервые. Когда норвежские поселенцы начали продвигаться на север, они, наконец, вступили в контакт с эскимосами. Профессор Г. Шторм[5] придерживается мнения, что это, должно быть, впервые произошло в двенадцатом веке.[6] Мы читаем в 'Истории Норвегии', что охотники в незаселенных районах северной Гренландии наткнулись на низкорослых людей, которых они называли "скреллингами", и которые использовали каменные ножи и наконечники стрел из китового уса. Поскольку их более северные поселения стали перенаселенными, эскимосы, без сомнения, начали всерьез мигрировать на юг; и поскольку норвежцы часто плохо обращались с ними, когда они встречались, они, возможно, в конечном итоге взяли реванш в четырнадцатом веке, сначала (после 1341 г.) напав на Западный округ и опустошив его (?), а позже (1379 г.) предприняв экспедицию против Пасхального округа, который, по-видимому, в следующем столетии был полностью разрушен.[7] Соответственно, примерно в это же время эскимосы, вероятно, основали свои первые постоянные поселения в южных частях страны.

В легендах эскимосов также есть свидетельства о битвах между ними и древнескандинавами. Но из тех же легенд мы также узнаем, что между ними иногда поддерживались дружеские отношения; действительно, скандинавы несколько раз упоминаются с уважением. Это, по-видимому, показывает, что между двумя расами не было укоренившейся ненависти; и теория о том, что эскимосы вели настоящую войну на истребление против поселенцев, более того, кажется, находится в полном противоречии с их характером, каким мы его теперь знаем. Таким образом, вряд ли только такая война стала причиной падения колонии. Возможно, мы можем приписать это отчасти естественному упадку населения из-за изоляции от мира, отчасти поглощению расы, вызванному скрещиванием двух видов; ибо европейцы той эпохи, вероятно, были не более недоступны, чем современные, для соблазнов эскимосской красоты.

Относительно маршрута, по которому эскимосы добрались до западного побережья Гренландии, мнения сильно разошлись. Доктор Ринк утверждает, что после прохождения пролива Смита эскимосы не двинулись на юг вдоль западного побережья, что казалось бы их наиболее естественным курсом, а повернули на север, обогнули самую северную точку страны и спустились вдоль восточного побережья. Таким образом, они, должно быть, в конечном счете приблизились к западному побережью с юга, обогнув южную оконечность Гренландии. Это мнение в основном основано на вере в то, что Торгильтс Оррабейнсфостре встретился с эскимосами на восточном побережье и что это была первая встреча норвежцев с ними. В примечании на предыдущей странице я уже отмечал ненадежность этих свидетельств; и такая теория относительно маршрута иммиграции эскимосов, как мы знаем, находится в прямом противоречии с рассказами, приведенными в сагах, из которых явствует (как указано выше), что эскимосы пришли с севера, а не с юга, поскольку Западный округ был разрушен еще до Пасхального округа. Более того, похоже, что мы можем сделать тот же вывод из эскимосской

традиции, в которой описывается их первая встреча с древнескандинавами. Нам рассказывают, что в прежние времена, когда побережье было еще очень малонаселенным, лодка исследователей зашла в Годтааб-фиорд и увидела там большой дом, обитатели которого были им незнакомы, так как не были каладлитами, то есть эскимосами. Они неожиданно наткнулись на древних скандинавов. Те, со своей стороны, впервые увидели каладлитов и отнеслись к ним самым дружелюбным образом. Как мы увидим, это произошло в Годтааб-фиорде, который находился в древнем Западном округе, то есть в более северной колонии. Есть еще одно обстоятельство, которое, на мой взгляд, делает невероятным маршрут, предложенный доктором Ринком, и оно заключается в том, что если они огибали северную оконечность страны, то, находясь в этих высоких широтах, они должны были жить так, как живут сейчас так называемые арктические горцы, то есть эскимосы Кейп-Йорка и севернее; другими словами, они должны были существовать главным образом охотой на льду, должны были путешествовать на собачьих упряжках и, находясь на крайнем севере, не должны были использовать ни кайаков, ни женщин. — лодки, поскольку море, как правило, сковано льдом, практически не предоставляет возможностей для охоты на кайаков или катания на лодках любого рода. Само по себе не исключено, что, когда они продвинулись дальше на юг и снова достигли более свободных ото льда вод, они, возможно, овладели искусством строить женские лодки и кайаки, от которого в любом случае сохранилась бы какая-то традиция; но кажется невероятным, чтобы не сказать невозможным, что после того, как они утратили привычку охотиться на кайаков, они смогли овладеть им заново и развить его и все приспособления, к нему относящиеся, до более высокой точки совершенства, чем было достигнуто где-либо еще.

Наиболее естественным объяснением этого вопроса, на мой взгляд, является то, что эскимосы, пересекши пролив Смита (пока не может быть сомнений относительно их маршрута), направились на юг вдоль побережья, а затем прошли от западного побережья, обогнув южную оконечность страны, вверх по восточному побережью. Невозможно определить, достигли ли они восточного побережья и поселились ли там до того, как скандинавы пришли в Гренландию. Во время своего путешествия на юг от пролива Смита они, должно быть, действительно столкнулись с большим препятствием в виде ледника Мелвилл (примерно на 77 ° северной широты), который выступает прямо в море в месте, где побережье на большом расстоянии не защищено островами. Но, во-первых, они, возможно, были в состоянии продвигаться вперед с подветренной стороны дрейфующих льдов; и, во-вторых, эти трудности в худшем случае не так велики, как те, с которыми они, должно быть, столкнулись, огибая северную оконечность Гренландии. Более того, за последние годы несколько раз совершался переход на открытой лодке из пролива Смита на юг вдоль западного побережья Гренландии к датским колониям без каких-либо особых трудностей. В противовес этой теории, без сомнения, можно утверждать, что жители Восточной Гренландии владеют собачьими упряжками, которые не используются в южной части западного побережья, где для них недостаточно льда. Но если мы вспомним, с какой скоростью, сравнительно говоря, эскимосы путешествуют в своих женских лодках и как любили они в прежние времена бродить взад и вперед вдоль побережья - и если мы примем во внимание тот факт, что с незапамятных времен по всему западному побережью разводили собак, — это возражение, кажется, теряет свой вес.

Эскимосы в настоящее время расселены по всему западному побережью Гренландии, прямо от пролива Смита до мыса Фарвелл. В датской части западного побережья их численность составляет почти 10 000 человек. На восточном побережье, как мы узнаем из отчета датской экспедиции на женской лодке 1884-1885 годов под командованием капитана Хольм, эскимосы

живут так далеко на север, как район Ангмагсалик (66 ° северной широты), их численность осенью 1884 года составляла всего 548 человек. Дальше на север, как сообщили эскимосы капитану Холму, насколько им было известно, постоянных поселений не было. Однако они часто совершали экскурсии на север, возможно, до 68-го или 69-го градуса широты; а годом или двумя раньше в этом направлении отплыли две женские лодки, и больше о них никто никогда не слышал. Неясно, не обитают ли эскимосы на восточном побережье севернее 70-го градуса широты. Известно, что Клаверинг нашел одну или две семьи из них в 1823 году примерно на 74 ° северной широты; но с тех пор ни одну из них не видели; а немецкая экспедиция, исследовавшая это побережье в 1869-70 годах и зимовавшая там, нашла дома и другие останки, но не людей, и поэтому предположила, что они, должно быть, вымерли. Датская экспедиция 1890 года в пролив Скорсби под командованием лейтенанта Райдера сообщает о том же опыте. Поэтому представляется вероятным, что они либо вымерли, либо покинули эту часть Гренландии. Однако это не кажется мне абсолютно определенным. В этих северных районах могут быть небольшие и замкнутые эскимосские колонии, или может быть несколько кочевых семей, с которыми пока никто не сталкивался. Эта часть восточного побережья, по моему мнению, должна быть совершенно специально приспособлена для проживания эскимосов, поскольку она очень богата дичью. Поэтому мне кажется странным, что, однажды прибыв туда, эскимосы снова ушли; также не представляется вероятным, что они могли вымереть в таких превосходных охотничьих угодьях. Если на этом северо-восточном побережье и есть эскимосы, то их уединенное положение, лишаящее их всякого общения, прямого или косвенного, с внешним миром, должно делать их, с этнологической точки зрения, одним из самых интересных людей на свете.

ГЛАВА II

ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА

Когда я сейчас сажусь описывать этих людей, находясь на таком расстоянии от них и от пейзажа, среди которого мы жили вместе, как живо моя первая встреча с ними на восточном побережье Гренландии стоит перед моим мысленным взором! Я вижу два смуглых смеющихся лица, окруженных длинными, угольно-черными волосами, сияющих даже среди льда от яркого удовлетворения как собой, так и миром и полных самого дружелюбного добродушия, смешанного с неподдельным изумлением при появлении удивительных незнакомцев.

Чистокровный эскимос на первый взгляд большинству из нас, европейцев, показался бы каким угодно, только не красивым.

У него круглое, широкое лицо с крупными, грубыми чертами; маленькие, темные, иногда довольно раскосые глаза; плоский нос, узкий между глазами и широкий у основания; круглые щеки, заплывшие жиром; широкий рот; тяжелые, широкие челюсти; которые вместе с круглыми щеками придают нижней части лица большое значение в физиономии. Когда рот растягивается в маслянистой улыбке, обнажаются два ряда крепких белых зубов. В целом создается впечатление о замечательном жевательном аппарате, передающем приятные намеки на

обильное и вкусное поедание. Но в то же время в этих чертах, особенно у женщин, прослеживается определенный оттенок заискивающей ласковой мягкости.

С нашей точки зрения, такое лицо вряд ли можно назвать красивым; но сколько предрассудков в наших представлениях о красоте! Вскоре я пришел к выводу, что эти смуглые лица, сияющие здоровьем и упитанностью, действительно приятны. Они отражали свободную жизнь природы и вызвали в моем воображении картины синего моря, белых ледников и сверкающего солнечного света.

Однако это впечатление производили в основном молодые, а они скоро стареют. Сморщенные, с затуманенными глазами, безволосые старухи, напоминавшие подмороженные яблоки, определенно не были красивы; и все же в них тоже был определенный стиль. Тяжелый труд оставил свои следы на их морщинистых лицах, но также и жизнь в грубом достатке и привычка к добродушному, безнадёжному смирению. В нем не было ничего от той стекловидной твердости или иссушенного достоинства, которые жизненная школа так часто оставляет на лицах пожилых людей в других частях света.

Раса метисов, возникшая на западном побережье от смешения европейской и эскимосской крови, по нашим представлениям, должна быть красивее чистокровных эскимосов. У них, как правило, несколько южная внешность: темные волосы, темные брови и глаза, смуглый цвет лица. Иногда у них появляется удивительно еврейский оттенок лица. Типы настоящей красоты ни в коем случае не редки — как мужские, так и женские. И все же в этих полукровках есть что-то слабое. Чистокровные эскимосы, несомненно, кажутся более искренними и здоровыми.

У нас в Европе распространено заблуждение считать эскимосов миниатюрной расой. Хотя они, без сомнения, меньше скандинавских народов, их следует отнести к расам среднего роста, и я даже обнаружил среди представителей самых чистокровных племен мужчин почти шести футов ростом. Их каркас в целом производит впечатление прочности, особенно верхняя часть тела. У мужчин широкие плечи, сильные, мускулистые руки и хорошая грудь; но, с другой стороны, бросается в глаза, что их бедра сравнительно узкие, а ноги не особенно сильные. Поэтому, когда они становятся старше, у них склонна быть неуверенная походка, со слегка согнутыми коленями. Это неправильное развитие нижних конечностей должно быть приписано, по большей части, ежедневному заключению в тесном каяке.

Примечательной физической характеристикой этих женщин, как мне показалось, были их сравнительно узкие бедра, которые мы склонны рассматривать как несовместимые с типом женской красоты. Они, конечно, показались мне значительно уже, чем у европейских женщин; но трудно сказать, насколько этот эффект можно объяснить разницей в одежде. Эскимосские женщины, однако, примечательны своими очень маленькими и хорошо сформированными руками и ногами. Их телосложение в целом вызывает симпатию и удовольствие.

Цвет лица чистокровного гренландца коричневатый или серовато-желтый, и даже у метисов безошибочно различим определенный коричневатый-желтый оттенок. Однако этот естественный оттенок кожи, как правило, значительно усиливается, особенно у мужчин и пожилых женщин, из-за полного отсутствия чистоты. В качестве указания на их привычки в данном конкретном случае будет достаточно, если я процитирую краткое описание, данное нашим достопочтенным

соотечественником Хансом Эгедом, метода мытья, применяемого, в частности, мужчинами: "Они соскребают пот со своих лиц ножом".

Кожа новорожденных детей светлая, и это не только потому, что они еще не успели испачкаться. Ханс Эгед Соби давно заметил в своем журнале[8], что у детей на пояснице есть синевато-черное пятно размером примерно с монету в шесть пенсов, от которого темный цвет кожи, кажется, распространяется по мере взросления. Холм делает замечание на тот же счет в своем отчете о восточном побережье.[9] Я не могу говорить по этому вопросу, основываясь на личном наблюдении. Возможно, стоит отметить, что нечто подобное относится и к японским детям.

Большинство моих читателей, вероятно, составили некоторое представление об эскимосском костюме по картинкам (см. [Фронтиспис](#)). Они, вероятно, знают, что его самая примечательная особенность заключается в том, что женщины одеваются почти так же, как мужчины. Их костюмы, безусловно, намного красивее и разумнее, чем наша уродливая и неуклюжая женская мода.

В Южной Гренландии мужчины носят на теле то, что называется *тимьяк*. Он сделан из птичьих шкурок, с вывернутыми внутрь перьями или пухом, по форме очень похож на наши шерстяные трикотажные изделия и, как и они, натягивается на голову. Тимьяк снабжен капюшоном, который используется в качестве головного убора на открытом воздухе; в другое время он откидывается назад и образует, благодаря стоячей кромке из черной собачьей шкуры, что-то вроде ошейника на шее. На запястьях тимьяк также оторочен черной собачьей шкурой, похожей у нас на эффектное меховое пальто. Поверх тимьяка надевается верхняя жилетка (*анорак*), теперь по большей части сделанная из хлопка. На ногах штаны из тюленьей кожи или из европейского сукна; на ступнях особого рода обувь, *камики*, сделанные из тюленьей кожи. Они состоят из двух слоев: внутреннего носка из кожи с мехом, вывернутым вовнутрь, и внешней обуви из безволосой водонепроницаемой кожи. В подошву, между носком и внешней частью ботинка, укладывается слой соломы или пузырчатой осоки.[10] В этих камиках засовывают голую ногу.

Костюм женщин очень похож на костюм мужчин. В Южной Гренландии на тело надевают куртку из птичьей шкуры, у которой, однако, нет капюшона, закрывающего голову, но вместо него высокий стоячий воротник, отороченный черной собачьей шкурой, которая должна как можно больше блестеть; а поверх этого воротника часто носят широкое ожерелье из стеклянных бусин, переливающееся всеми цветами радуги. Запястья тоже обтянуты черной собачьей кожей. Хлопчатобумажный жилет поверх этого предмета одежды, конечно, окрашен как можно ярче, в красный, синий, зеленый, желтый цвета, и по его нижнему краю обычно проходит широкая пестрая полоса из хлопка или, по возможности, из шелка. На ногах носят штаны, обычно из пятнистой тюленьей кожи, но иногда и из оленьей. Они значительно короче мужских брюк, доходят лишь немного выше колена, но спереди богато украшены яркой кожаной вышивкой и белыми полосками из оленьей или собачьей шкуры. Камики длиннее, чем у мужчин, и доходят выше колен; обычно они окрашены в красный, но иногда в синий, фиолетовый или белый цвета. Спереди к ним пришита лента с разноцветной вышивкой.

Помимо вышеупомянутой одежды, есть еще одна, которой пользуются женщины, кормящие грудью детей. Он называется *амаут* и напоминает обычный анорак, за исключением того, что сзади имеется большое расширение или сумка, в которой носят ребенка весь день, какой бы

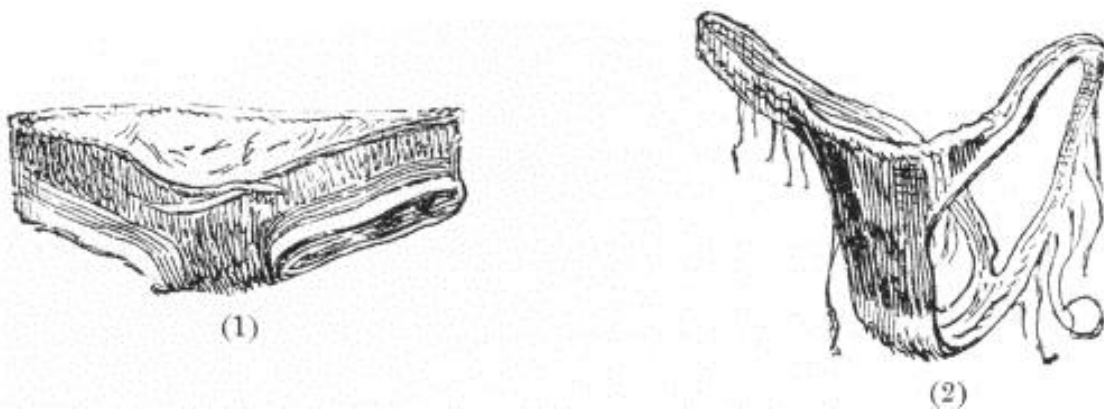
работой он ни занимался. Поскольку амаут изнутри и снаружи обшит кожей северного оленя или тюленя, из этого мешочка получится приятное теплое гнездышко для ребенка.

Поскольку в Гренландии не издается ни одной модной газеты, мода среди эскимосов не так изменчива, как у нас. Однако даже в этом отношении они не просто варвары, как покажет следующий пример:

В прежние времена женские анораки и жакеты были такой же длины, как мужские; но после того, как европейцы ввезли такую экстравагантную роскошь, как ношение белого льна, они почувствовали, что такая замечательная ткань слишком красива и эффективна, чтобы ее можно было скрыть. Однако вместо того, чтобы обрезать лифы сверху, как у наших красавиц дома, они начали снизу и сделали свои анораки такими короткими, что между ними и брючной лентой, которой позволили соскользнуть прямо на бедра, образовался зазор шириной в ладонь или больше, в котором стала видна рассматриваемая ткань. Несколько оригинальный стиль 'низкого платья', это.

Эскимосы восточного побережья носят костюмы, практически аналогичные описанным здесь, за исключением того, что они почти всегда используют для своих курток тюленью шкуру вместо птичьих. В Северной Гренландии также широко используются для изготовления этой одежды тюленья и оленья шкуры, и то же самое было в прежние времена по всему западному побережью.

На восточном побережье преобладает удивительная привычка, а именно, что в своих домах и палатках мужчины, женщины и дети разгуливают совершенно голыми — по крайней мере, мне так казалось. Балто, однако, без сомнения, после более тщательного изучения заверил меня, что у всех взрослых мужчин и женщин вокруг чресел была узкая полоска - деталь, которую моя застенчивость не позволила мне заметить. Это замечательное наблюдение нашего друга Балто подтверждается большинством путешественников, проводивших исследования на эту тему, так что я вынужден им верить. Эта группа, которую путешественники извоили назвать подпольщиками - насколько она заслуживает такого названия, я предоставляю читателю судить по прилагаемой иллюстрации, — как мне сказали, гренландцы называют *натит*.

ДОМАШНЯЯ ОДЕЖДА ГРЕНЛАНДИИ (ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ).

(1) Мужской костюм. (2) Женский костюм.

В прежние времена эту простую домашнюю одежду носили по всей Гренландии, вплоть до самых северных поселений на заливе Смита, где она, действительно, используется до сих пор.

Эта легкая одежда, конечно, очень полезна, поскольку многочисленные слои шкур в верхней одежде сильно препятствуют испарению влаги, и поэтому естественный импульс заставляет эскимосов снимать ее в теплых помещениях, где она была бы особенно антисанитарной. Однако, когда в страну приехали европейцы, этот свободный обычай оскорбил их чувство приличия, и миссионеры выступили против него. Так получилось, что национальная домашняя одежда была отменена на западном побережье. Привело ли это к улучшению нравственности, я не могу сказать — у меня есть сомнения. Я могу без колебаний заявить, что это не способствовало санитарии.

Эскимосы, однако, все еще очень неискушенны в том, что касается обнажения своей личности. Многие женщины, это правда, делают некоторые попытки скрыть свою наготу, когда европеец входит в их дома; но я очень боюсь, что это скорее притворство, которое, как они думают, доставит нам удовольствие, чем результат настоящей скромности; и когда они обнаруживают, что на нас непроизводят большого впечатления их попытки, они очень скоро отказываются от них. По отношению к своим соотечественникам они проявляют очень мало скромности.

Волосы эскимосов угольно-черные, жесткие и прямые, как конский волос, и мужчины позволяют им расти буйно. На восточном побережье их обычно вообще не срезают, даже считая опасным потерять что-либо из них; они убирают их с лица с помощью ленты или ремешка. Иногда им приходит в голову стричь детей, и дети, с которыми обращаются таким образом, должны продолжать стричь их всю свою жизнь, а также соблюдать определенные установленные формальности в этом вопросе; например, они должны стричь уши и хвосты своим собакам, пока те щенки. Железо ни в коем случае не должно соприкасаться с волосами, которые, следовательно, отпиливаются вместе с челюстной костью гренландской акулы.

Женщины завязывают волосы в пучок на макушке. Для этого они плотно собирают его со всех сторон и перевязывают на восточном побережье ремешком, на западном - разноцветными лентами. Незамужние женщины носят красную ленту, которую они меняют на зеленую, если у них родился ребенок. Замужние женщины носят синюю, а вдовы - черную ленту. Если вдова захочет снова выйти замуж, она, вероятно, смешает немного красного с черным; пожилые вдовы, которые отказались от всякой мысли о замужестве, часто носят белую ленту. Если вдова рождает ребенка, она тоже должна надеть зеленую ленту.

Ее топ-узел - гордость гренландской женщины, и он должен держаться как можно более туго и прямо в воздухе. Это, конечно, особенно важно для молодых женщин на выданье, и поскольку они едва ли менее тщеславны, чем их европейские сестры, они так туго стягивают волосы, что они постепенно убираются со лба, висков и шеи, из-за чего они часто становятся более или менее лысыми, будучи еще сравнительно молодыми. Это не сильно добавляет им привлекательности, но, тем не менее, является красноречивым доказательством тщеславия человеческой натуры.

Чтобы тщательно уложить волосы и в то же время придать им блестящий вид, который ценится как красота, у них, кроме того, есть привычка вымачивать их в моче перед укладкой, таким образом делая их влажными и их легче затягивать.

Матери вылизывают своих детей вместо того, чтобы мыть их, или, по крайней мере, делали это в прежние времена; а что касается насекомых, с которыми они сталкиваются в процессе, их принцип таков: "Они кусаются, следовательно, их нужно кусать".

Если кого-то оскорбляют эти особенности в манерах и обычаях гренландцев, им следует задуматься о том, что их собственные предки не так уж много поколений назад вели себя не так уж сильно по-другому. Пусть они прочтут рассказы о домашней жизни тевтонских народов несколько веков назад, и они узнают много такого, что их удивит.

ГЛАВА III

"КАЙАК" И ЕГО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Поверхностное изучение некоторых деталей внешней жизни эскимосов может легко привести к ошибочному выводу, что они стоят на низкой ступени цивилизации. Когда мы берем на себя труд присмотреться к нему повнимательнее, мы вскоре видим его в другом свете.

Многие люди в наши дни находятся под огромным впечатлением от величия нашего века, от всех изобретений и прогресса, о которых мы ежедневно слышим и которые, бесспорно, возвышают высокоодаренную белую расу намного над всеми остальными. Эти люди многому научились бы, уделяя пристальное внимание развитию эскимосов, а также орудиям труда и изобретениям, с помощью которых они добывают предметы первой необходимости для жизни в естественной среде, предоставляющей в их распоряжение такие ничтожно малые средства.

Представьте себе народ, оказавшийся на таком пустынном и негостеприимном побережье, как Гренландия, отрезанный от внешнего мира, без железа, без огнестрельного оружия, без каких-либо ресурсов, кроме тех, что дает Природа на месте. Они состоят исключительно из камня, небольшого количества плавника, шкур и костей; но для того, чтобы добыть последние, они должны сначала убить животных, от которых их добывают. Мы на их месте неминуемо пошли бы к стенке, если бы не получили помощи из дома; но эскимосу не только удается выжить, но он живет в довольстве и счастье, в то время как общение с остальным миром для него не означало ничего, кроме разорения.

Чтобы читатель мог яснее представить, на каком накоплении опыта зиждется цивилизация этого народа, я попытаюсь в общих чертах обрисовать способ, которым, как мы должны понимать, она возникла.

Давайте тогда предположим, что предки эскимосов, по мнению доктора Ринка, жили в давно минувшие века где-то в глубине Аляски. Во всяком случае, они должны были быть выходцами с суши где-то и когда-то, либо в Америке, либо в Азии. Помимо того, что эти эскимосы были сухопутными охотниками, они, должно быть, также ловили рыбу на озерах и реках в каноэ из бересты, как это делают по сей день эскимосы Аляски и индейцы Северо-Запада. Однако со временем некоторые из этих внутренних эскимосов, должно быть, либо соблазнились богатствами моря, либо подверглись давлению враждебных и более воинственных индейских племен, так что они, должно быть, мигрировали на своих каноэ вниз по течению реки к

западному и северному побережьям. Чем ближе они подходили к морю, тем скуднее становился запас дров, и им пришлось раздобыть какой-нибудь другой материал, кроме бересты, чтобы покрыть свои каноэ. Нет ничего невероятного в том, что перед тем, как покинуть реки, они проводили эксперименты со шкурами водных животных, поскольку мы до сих пор видим примеры этого у нескольких индейских племен.

Однако только после того, как эскимос столкнулся с бурным морем в устьях рек, ему пришло в голову снабдить свою лодку настилом и, наконец, полностью закрыть ее и прикрепить к ней свою кожаную куртку, чтобы все стало водонепроницаемым. Теперь каяк был завершен. Но даже эти изобретения, которые кажутся такими простыми и прямолинейными сейчас, когда мы видим их доведенными до совершенства, — каких огромных шагов прогресса они не должны были означать в свое время, и скольких трудов и скольких неудач они не должны были стоить!

ПОКРЫВАЮЩИЙ КАЙАК

Прибыв на морское побережье, эти эскимосы прошлого вскоре обнаружили, что их существование почти полностью зависело от поимки тюленей. На это они и направили всю свою хитрость, и каяк привел их к открытию множества замечательных инструментов для охоты на тюленей, которые они довели до все более высокого совершенства и которые действительно самым поразительным образом доказывают, какими изобретательными животными на самом деле являются многие из нас, людей.

С луком и стрелами, которыми они пользовались на суше, они не могли обращаться в стесненном положении в каяке; поэтому им пришлось прибегнуть к метательному оружию.

Идею этих дротиков они тоже позаимствовали из Америки, применив в первую очередь индейские дротики с рулевым оперением, которые они сами использовали при охоте на суше. Маленькие гарпуны или дротики такого типа до сих пор используются эскимосами южной части западного побережья Аляски.

ДРОТИК ИЗ МОЧЕВОГО ПУЗЫРЯ

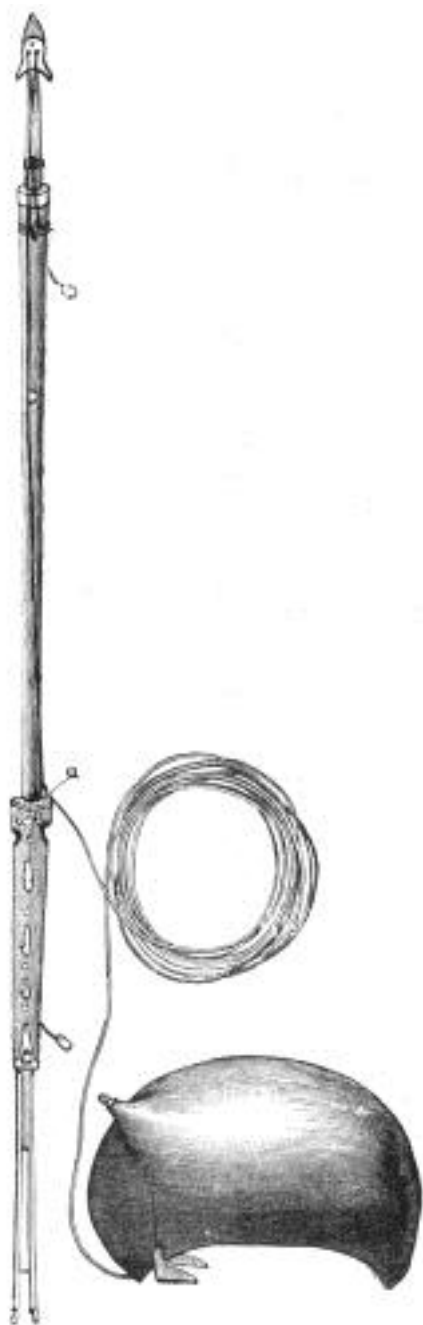
Однако по мере продвижения на север вдоль этого побережья перья вскоре исчезают, а на их месте появляется маленький пузырек, прикрепленный к древку копья. Это устройство было признано необходимым для того, чтобы предотвратить ныряние и плавание тюленей с гарпуном. Кроме того, было сочтено необходимым так расположить наконечник дротика, чтобы он не мог быть сломан яростными усилиями пломбы избавиться от него, а вместо этого отсоединялся (в точке *c* на прилагаемой гравировке) и оставался подвешенным к линии (от *c* до *b*), прикрепленной (в точке *b*¹) к середине древка дротика, которое, таким образом, принимает поперечное положение, и еще больше затрудняет движения пломбы, когда она уносится с

собой. Таково было происхождение так называемого *пузырчатого дротика*, известного всем эскимосским племенам, живущим у моря.

Мочевой пузырь делается из пищевода чайки или баклана, надутый и высушенный. Он крепится к древку копья с помощью кусочка кости с просверленным в нем отверстием для раздувания мочевого пузыря. Это отверстие закрывается маленькой деревянной пробкой.

Из этого пузырьчатого дротика, вероятно, произошло основное охотничье оружие эскимосов — хитроумный гарпун с пузырем и леской. Чтобы справиться с более крупными морскими животными, размер пузыря, несомненно, постепенно увеличивали; но недостаток этого — тот факт, что он оказывал слишком сильное сопротивление воздуху, чтобы его можно было выбрасывать далеко и с силой, — должен был вскоре дать о себе знать. Затем пузырь отделяли от копья и прикрепляли только к его острию с помощью длинной и прочной лески - гарпуна. Гарпун, который теперь стал больше и тяжелее первоначального копья, отныне метался сам по себе, но за ним тянулась леска. Мочевой пузырь, прикрепленный к другому концу лески, оставался в каяке до тех пор, пока животное не было проткнуто, после чего его выбросили за борт.

Этот гарпун, при всей его изобретательности конструкции, считается, наряду с каяком, высшим достижением эскимосского разума.[\[11\]](#)

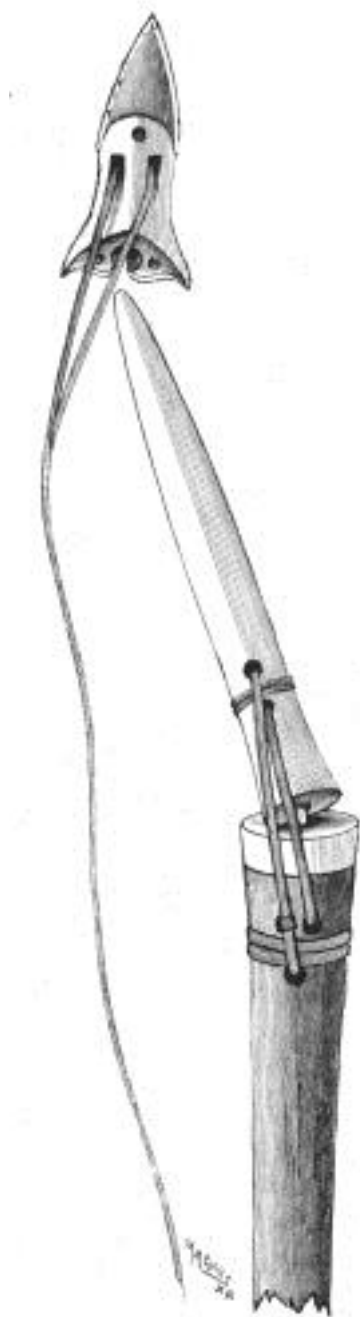
ГАРПУН

Его древко изготовлено в Гренландии из красного дрейфующего дерева — разновидности сибирской ели, занесенной полярным течением через Полярное море, — которое тяжелее белого дрейфующего дерева, используемого для изготовления небольших и легких снарядов. Верхний конец древка снабжен толстой и прочной костяной пластиной, на верхней части которой закреплен длинный костяной наконечник, обычно сделанный из бивня моржа или нарвала, который крепится к древку с помощью соединения ремней, так что сильное давление или удар сбоку вместо разрушения древка приводит к его отломке в месте соединения. Этот наконечник точно входит в отверстие в самой головке гарпуна, которая сделана из кости, обычно из бивня моржа или нарвала. Теперь он всегда снабжен острием или, скорее, острым

лезвием из железа; в прежние времена они использовали кремнь или просто кость.

Наконечник гарпуна крепится к гарпунной леске с помощью отверстия, просверленного в ней, и снабжен зазубринами или крючками, чтобы он прочно держался везде, куда проникает. Более того, он отрегулирован таким образом, что входит в плоть поперек, когда раненый тюлень тянет за леску. Она прикрепляется к древку гарпуна путем надевания на вышеупомянутую переднюю часть, после чего леска зацепляется за колышек, расположенный на некотором расстоянии от древка гарпуна (на *a*), с помощью перфорированного куска кости, закрепленного на соответствующем расстоянии. Таким образом, головка и стержень прочно удерживаются вместе.

Когда гарпун попадает в цель и тюлень начинает погружаться, костяная передняя рукоятка мгновенно ломается в суставе (см. [иллюстрацию](#)), и головка гарпуна с прикрепленной к ней леской отсоединяется от древка, которое всплывает на поверхность и подбирается его владельцем, в то время как тюлень бросается прочь, увлекая за собой леску и мочевой пузырь. Я думаю, следует признать, что трудно представить себе более хитроумное приспособление, изготовленное из таких материалов, как кость, тюленья кожа и сплавное дерево; и мы можем быть уверены, что оно стоило труда многих поколений.

НАКОНЕЧНИК ГАРПУНА

В Гренландии используются две формы этого гарпуна. Один из них называется *унак*; его торцевой конец заканчивается всего лишь костяным набалдашником, и он длиннее и тоньше другого. Он называется *эрнангнаки* и имеет на торце два выступа или крылышка из кости, которые сейчас обычно изготавливают из китового ребра, предназначенные для увеличения веса гарпуна и направления его по воздуху. Это один из них, который представлен на стр.36.^[12]

В Годтаабе больше всего использовался эрнангнак; но я слышал, как старые охотники жаловались, что при ветре им забрасывать труднее, чем унаком, поскольку боковой порыв ветра слишком сильно цеплялся за костяные выступы и заставлял гарпун крутиться.

Леска для гарпуна изготавливается из шкуры либо тюленя-бородача (*Phoca barbata*), либо молодого моржа. Обычно он имеет длину от 15 до 18 ярдов и добрую четверть дюйма (около 7 миллиметров) в толщину.

Для мочевого пузыря они используют шкуру молодого кольчатого тюленя (*Phoca foetida*). Кожу снимают, насколько это возможно, целиком, удаляют шерсть, отверстия на голове, передних и задних конечностях перевязывают так, чтобы не пропускать воздух, и все это высушивают.

Леска наматывается на подставку для каякинга, которая устанавливается перед человеком. Это служит для того, чтобы удерживать катушку высоко над морем, которое всегда оmyвает палубу; и, таким образом, леска всегда готова выйти без загрязнения при броске гарпуна.

Проткнутого гарпуном тюленя убивают с помощью копья (*ангугивак*). Он состоит из деревянного древка (обычно изготавливаемого из светло-белого плавника, чтобы его можно было хорошо переносить), длинного костяного переднего древка и наконечника с железным лезвием. В прежние времена вместо железа использовался камень. Древко обычно делали из рога северного оленя или бивня нарвала. Чтобы уплотнение не могло отломить его, оно крепится к древку с помощью соединения, подобного тому, которым крепится цевье к гарпуну.

КОПЬЕ

У эскимосов есть также так называемый птичий дротик (*нуфит*). Его древко также изготовлено из белого плавника. Его острие состоит из длинного узкого шипа, ныне изготовленного из железа, но в прежние времена из кости; кроме того, к середине древка прикреплены три наклонных вперед шипа, сделанных из рога северного оленя и снабженных большими зазубринами. Идея состоит в том, что если конец дротика не пронзает птицу, древко должно скользить вдоль нее, и один из этих выступающих шипов должен ударить и пронзить ее; и именно таким образом, фактически, птица обычно сбивается с ног. Еще одно изобретение, за обладание которым никому не нужно краснеть.

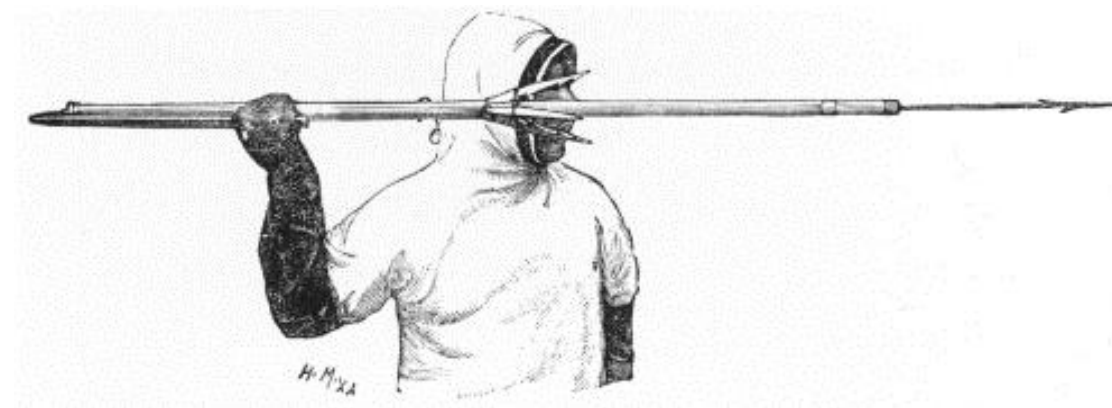
Все эти снаряды, как я показал выше, восходят к индийскому дротику из перьев.

Но для того, чтобы метать свое оружие дальше и с большей силой, эскимосы изобрели приспособление, которое отличает их от всех окружающих рас, будь то американских или азиатских. Это изобретение - *метательная палка*. Как ни странно, это замечательное приспособление, которое благодаря своему пращевидному действию значительно увеличивает длину и силу руки, известно в очень немногих частях света — вероятно, только в трех. В очень примитивной форме он встречается в Австралии, у конибо и пурису в Верховьях Амазонки, где он едва ли более развит, чем в Австралии, и, наконец, у эскимосов, где он достиг своего наивысшего совершенства.^[13] Мы едва ли можем предполагать, что палка для метания, появляющаяся в местах, столь удаленных друг от друга, имеет какое-либо общее происхождение, и поэтому мы должны принять ее эскимосскую форму как оригинальное изобретение этой конкретной расы. Обычно его делают в Гренландии из красного плавника, и его длина составляет около половины ярда (в моем распоряжении четырнадцать палочек длиной от 42 до 52 сантиметров). На своем нижнем и более широком конце он имеет около 3 дюймов (7 или 8 сантиметров) в ширину и является плоским, толщиной более половины дюйма

(около 1½ сантиметра). По бокам, на нижнем и более широком конце, есть углубления для удобства захвата — с одной стороны для большого пальца, с другой для указательного; в то время как на верхней плоской стороне по всей длине палки проходит длинная канавка для размещения дротика или гарпуна. [14] Метательная палка встречается в двух формах. Один из них чаще всего используется для дротика-пузырька и дротика-птицы; на верхнем узком конце у него есть набалдашник, который входит в углубление в костяной пластинке, прикрепленной к торцу дротика. (Сравните иллюстрации на стр. 40 и 42). Другая форма используется для гарпунов и копий; у нее есть отверстие на верхнем узком конце, в которое вставляется наклонный назад выступ на боковой стороне гарпуна или древка копья, и, кроме того, у нее есть еще одно отверстие ниже и рядом с рукоятью, в которое вставляется другой наклонный выступ. (Сравните иллюстрацию, стр. 43). Метательные палки такого рода используются на Севере, например, в Суккертоппене, также для метания дротиков.

Третья форма метательной палки используется в самой южной части Гренландии и на восточном побережье для изготовления эрнангнака, или фланцевого гарпуна. На верхнем узком конце этой формы имеется небольшой набалдашник, как у палки для метания дротиков, и этот набалдашник входит в углубление на торце гарпуна между костяными выступами; с другой стороны, на нижнем конце древка, рядом с рукоятью, есть одно или даже два отверстия, в которые вставляются костяные набалдашники на боковой стороне древка гарпуна, как описано выше.

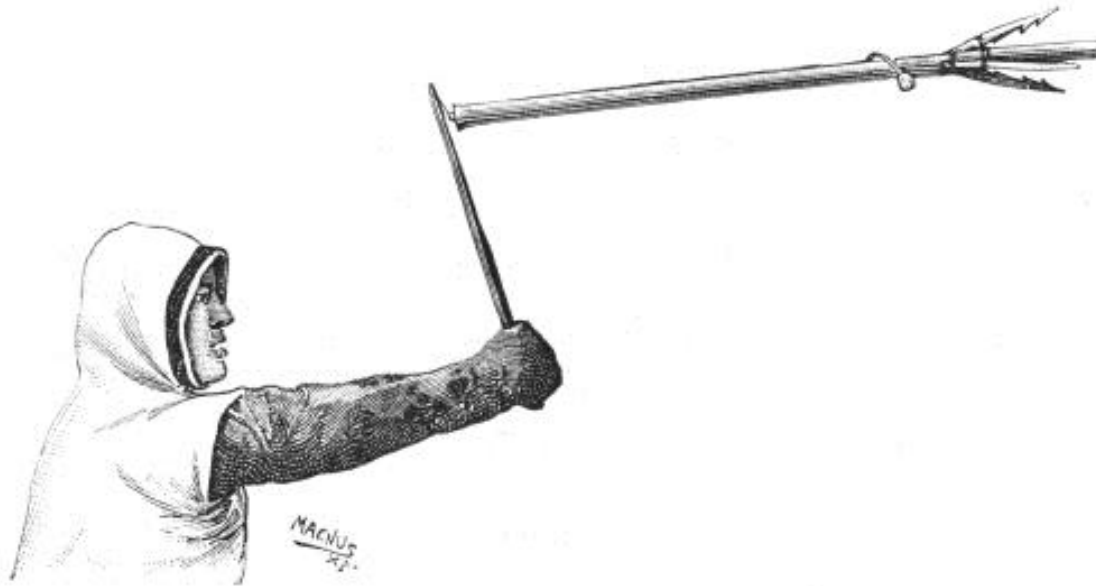
Когда нужно метнуть гарпун или дротик, метательную палку, какой бы формы она ни была, захватывают рукояткой и отводят назад вместе с оружием в горизонтальном положении. (См. [Иллюстрацию](#), стр. 40); при последующем сильном рывке вперед его нижний конец отрывается от дротика или гарпуна, в то время как верхний конец все еще прикреплен к набалдашнику или колышку (см. Иллюстрации на [этой](#) и [следующей](#) странице), метатель отбрасывает оружие на значительное расстояние и с большой точностью. Это чрезвычайно простое и эффективное изобретение.

МЕТАТЕЛЬНАЯ ПАЛКА С ПТИЧЬИМ ДРОТИКОМ

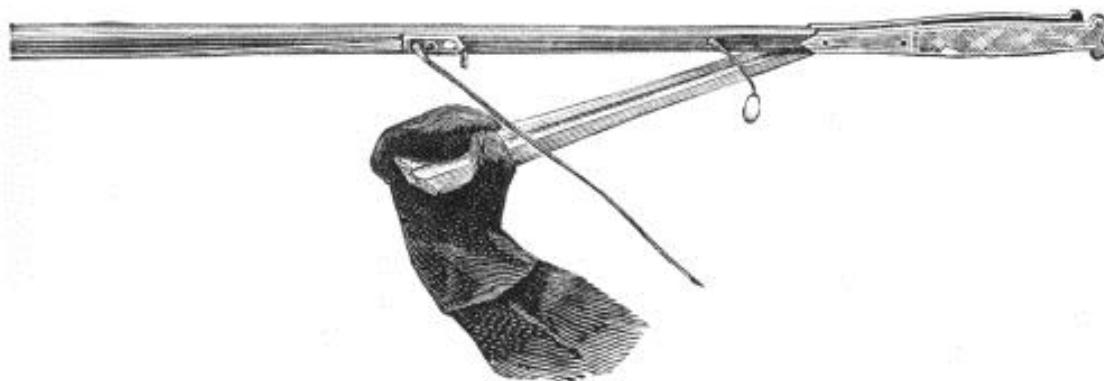
Помимо вышеупомянутого оружия, эскимос, отправляясь на охоту, носит при себе в кайаке нож с рукояткой длиной около 4 футов (1 · 20 метров) и заостренным лезвием размером около 8 дюймов (20 сантиметров). Это используется для нанесения завершающего удара котику или другой дичи. Кроме того, у него есть нож поменьше, лежащий перед ним в кайаке; он

используется, среди прочего, для прокалывания отверстий в тюлене, через которые пропускаются костяные выступы буксирного троса, с помощью которого тюлень крепится к кайаку и буксируется к берегу. С этой целью он также всегда носит с собой один или несколько буксирных баллонов, которые надувает и прикрепляет к тюленю, чтобы удерживать его на плаву. Эти мочевые пузыри сделаны из мешочка мелких китов (*например, грампуса*).

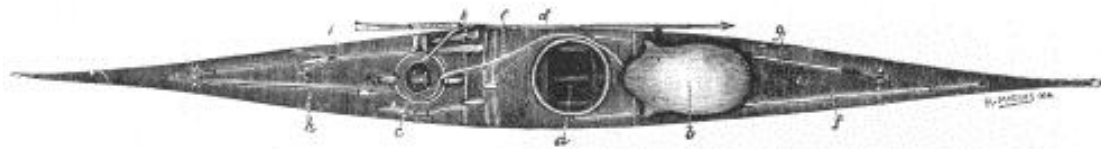
БРОШЕННЫЙ ПТИЦЕЙ ДРОТИК

Чтобы завершить это описание, я должен также упомянуть костяной нож, который является частью снаряжения человека-кайака, особенно зимой, и который в основном используется для соскабливания льда с кайака.

МЕТАТЕЛЬНАЯ ПАЛКА С ГАРПУНОМ

Из прилагаемого рисунка читатель сможет составить представление о том, как все это оружие крепится к кайаку в полной охотничьей комплектации: *a* - отверстие для кайака; *b* - гарпунный патрон; *c* - подставка для кайака со свернутой леской для гарпуна (*e*); *d* - гарпун, висящий на своем месте; *f*, копье; *g*, нож для кайака; *h*, дротик из мочевого пузыря; *i*, дротик из птицы; *k*, его метательная палочка.

КАЙАК, ВИД СВЕРХУ

[Увеличенное изображение \(168 кБ\)](#)

КАЙАК-РАМКА

[Увеличенное изображение \(105 кБ\)](#)

Но остается самое важное из всего, и это описание самого каяка.

Он имеет внутренний каркас из дерева. Это, о чем читатель, я надеюсь, сможет составить некоторое представление из прилагаемого рисунка, раньше всегда делалось из плавника, обычно из белой древесины, которая самая легкая. Для приготовления ребрышек иногда использовались ивовые заросли, которые растут далеко по фьордам. В более поздние времена у них вошло в привычку покупать европейские доски из ели или шотландской пихты в колониях западного побережья, хотя сплавная древесина по-прежнему считается предпочтительнее, особенно из-за ее легкости.

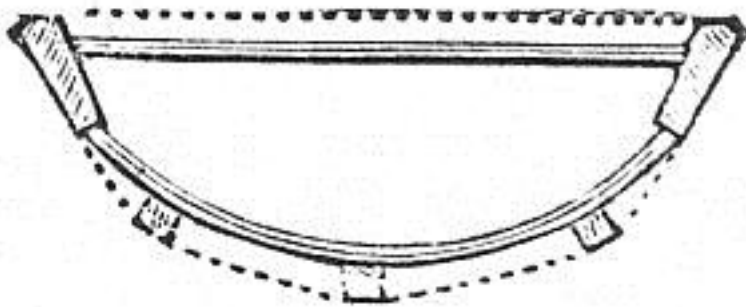
Этот каркас снаружи покрыт шкурами, как правило, кожей седлового тюленя (*Phoca groenlandica*) или тюленя с пузырчатым носом или капюшоном (*Cystophora cristata*). Последнее не такое прочное и водонепроницаемое, как первое; но кожа молодого носорога, в которой поры еще не очень большие, считается достаточно хорошей. Те, кто может себе это позволить, используют шкуру бородатого тюленя (*Phoca barbata*), которая считается самой лучшей и прочной; но, поскольку она также используется для изготовления гарпунных лесок, как правило, только на южном и восточном побережье она встречается в таких количествах, что ее можно широко использовать для покрытия каяка. Кожа большого кольчатого тюленя (*Phoca foetida*) также используется, но не так часто.

Приготовление шкурок каяка будет описано позже, в главе VIII. Обычно их сразу добавляют в каяк в сыром виде; но если они уже были высушены, их необходимо тщательно размягать в течение нескольких дней, прежде чем их можно будет использовать. Смысл в том, чтобы сделать их как можно более влажными и податливыми, чтобы их можно было тщательно растянуть, и когда они высохнут, они оставались такими же напряженными, как барабанная головка. Приготовление шкурок, а также сшивание и натягивание их на каяк принадлежит женскому отделению; это не очень легкая работа, и горе им, если шкура плохо сидит или слишком провисает! Они считают это большим позором.

Все или, по крайней мере, очень многие женщины деревни обычно присутствуют при накрывании каяка; для них это большое развлечение, тем более что в награду за их помощь владелец каяка часто угощает их кофе. Стоимость развлечения варьируется, в зависимости от его достатка, от трех-четырех пенсов до шиллинга и более.

В середине палубы "кайака" есть отверстие, достаточно большое, чтобы человек мог просунуть в него ноги и сесть; его бедра почти полностью заполняют отверстие. Таким образом, требуется много практики, прежде чем можно будет с какой-либо легкостью входить в каяк или выходить из него. Отверстие окружено кольцом каяка, которое состоит из деревянного обруча. Он возвышается чуть более чем на дюйм (3 или 3½ сантиметра) над палубой "какая", и, как мы сейчас увидим, поверх него натянута водонепроницаемая куртка. В том месте, где сидит гребец, на дно, поверх ребер, укладываются куски старой кожи каяка, а также кусок медвежьей шкуры или другого меха, чтобы сделать сиденье мягче.

Как правило, каждый охотник изготавливает свой каяк для себя, и он подогнан по размеру человека точно так же, как одежда. Каяк для гренландца среднего размера в окрестностях Годтааба составляет около 6 ярдов (5½ метров) в длину. Наибольшая ширина палубы перед каяк-ринг составляет около 18 дюймов (45 сантиметров) или чуть больше; но лодка значительно сужается ко дну. Ширина, конечно, варьируется в зависимости от ширины бедер мужчины и, как правило, не больше, чем просто для того, чтобы позволить ему проскользнуть внутрь. Я должен, однако, отметить, что каяки в Годтаабских фьордах — как, например, в Сардлоке и Карноке — были длиннее и уже, чем каяки на морском побережье, например, в Кангеке, очевидно, по той причине, что на открытом побережье они подвергаются воздействию более сильных волн, и поэтому должны быть более жесткими и легкими в обращении. Более короткие и широкие каяки являются лучшими морскими судами и пропускают меньше воды.

УЧАСТОК КАЙАКА

(Пунктирная линия обозначает кожу).

Глубина каяка от палубы до дна обычно составляет от 5 до 6½ дюймов (12-15 сантиметров), но перед кольцом для каяка она на дюйм или два больше, чтобы освободить место для бедер и позволить гребцу легче занять свое место. Дно каяка довольно плоское, скошенное под очень тупым углом (вероятно, около 140 °) посередине. Каяк равномерно сужается как в носовой, так и в кормовой части и заостряется на обоих концах. У него нет киля, но его нижняя часть с обоих концов обычно снабжена костяными выступами, по большей части из китового ребра, предназначенными для защиты кожи от разрывов дрейфующим льдом или камнями, когда каяк выбросит на берег. Оба острия обычно снабжены костяными набалдашниками, частично для украшения, частично также для защиты.

Поперек палубы, перед кольцом каяка, обычно крепятся шесть ремней, а за спиной гребца - от трех до пяти. Под эти ремни вставляются оружие и приспособления, чтобы они лежали безопасно и были удобны в использовании. В ремни вставляются кусочки кости, отчасти для того, чтобы скреплять их вместе, отчасти для того, чтобы они немного возвышались над

палубой, чтобы оружие можно было легче и быстрее просунуть под них, а отчасти также для украшения. К некоторым из этих ремешков крепится попа. Головы птиц просовываются под них; тюлени, киты или палтусы прикрепляются буксировочными тросами к ремням сбоку каяка; а более мелкую рыбу вообще не прикрепляют, а либо просто кладут на заднюю часть палубы, либо заталкивают под нее.

ВЕСЛО

Каяк настолько легкий, что его без труда можно пронести на голове со всеми его принадлежностями по суше на несколько миль.

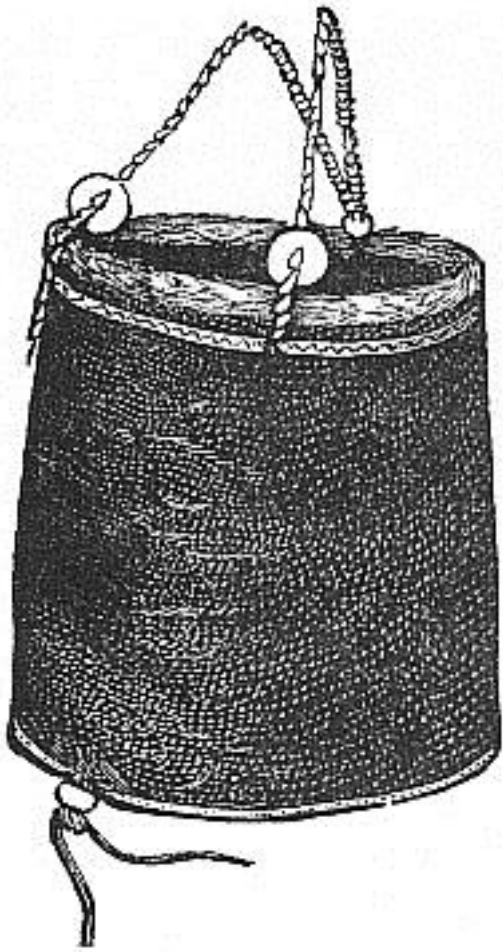
Он приводится в движение двухлопастным веслом, которое держат посередине и опускают в воду по очереди с каждой стороны, подобно веслам, которые мы используем в каноэ. Вероятно, он был разработан на основе однолопастных весел индейцев. Среди эскимосов юго-западного побережья Аляски распространено однолопастное весло; только к северу от реки Юкон мы находим двухлопастные весла, и даже там чаще встречается однолопастное. Далее на север и восток вдоль американского побережья встречаются обе формы, пока, наконец, две лопасти не вошли в исключительное употребление к востоку от реки Маккензи.

Алеуты, как ни странно, знакомы только с двухлопастным веслом,^[15] и это также относится, насколько я могу судить, к азиатским эскимосам.^[16]

В хорошую погоду человек-кайак носит так называемую *полупальто* (*акулиусак*). Он сделан из водонепроницаемой кожи с удаленными волосами и прошит сухожилиями. По его нижнему краю проходит шнурок, или, скорее, завязка, с помощью которой край куртки может быть настолько плотно прилегающим к кольцу каяка, что его можно прижать и натянуть поверх него только с небольшими трудностями. После этого полупальто образует, так сказать, водонепроницаемое продолжение каяка. Верхний край куртки у каякмена доходит почти до подмышек и поддерживается подтяжками или ремнями, которые перекидываются через плечи и могут быть удлинены или укорочены с помощью удобных бегунов или костяных пряжек, настолько простых и в то же время настолько изобретательных, что мы, со всеми нашими металлическими пряжками и так далее, не можем с ними сравниться.

Свободные рукава из кожи натягиваются на руки и закрепляются на предплечье и запястье, таким образом предотвращая намокание руки. На руки натягиваются водонепроницаемые кожаные рукавицы.

Этого полупальто достаточно, чтобы уберечься от небольших волн, захлестывающих каяк. С другой стороны, в более тяжелом море используется *цельная оболочка* (*tuilik*). Он сделан так же, как и полупальто, и, как и оно, плотно прилегает к кольцу каяка, но сверху длиннее, к нему прикреплены рукава, а капюшон надевается прямо на голову. Он туго завязан вокруг лица и запястий, так что в нем каякмен может проходить прямо через буруны, переворачиваться и снова выпрямляться, не промокая и не допуская попадания в каяк ни капли воды.

ПОЛУПАЛЬТО

Легко понять, что нелегко сидеть на таком судне, как кайак, не опрокинувшись, и что требуется много практики, чтобы освоить его особенности. Я видел, как мой друг в Норвегии, проводя свой первый эксперимент с моим каяком, перевернулся четыре раза в течение двух минут; как только мы поставили его на ровный киль и отпустили, он снова встал на голову, подняв нижнюю часть каяка в воздух.

Но когда человек на практике овладевает каяком и двухлопастным веслом, он может плавать по воде в любую погоду с поразительной скоростью. "Кайак" - это, вне всякого сравнения, лучшая лодка для гребца-одиночки, когда-либо изобретенная.

Чтобы стать совершенным каяком, нужно начинать как можно раньше. Гренландские мальчики часто начинают практиковаться в отцовском каяке в возрасте от шести до восьми лет, а когда им исполняется десять или двенадцать, предусмотрительный гренландец дарит своим сыновьям собственные каяки. Во всяком случае, таково было правило в прежние времена. Ларс Далагер даже говорит: "Когда им от восьми до десяти лет, они всерьез берутся за работу в маленьких каяках".

ЦЕЛЬНОКРОЕНЫЙ

С этого возраста молодой гренландец остается тружеником моря. Сначала он обычно ограничивается рыбной ловлей, но вскоре распространяет свои действия и на более сложную охоту на тюленей.

Вы не можете считаться опытным каякменом, пока не овладеете искусством выпрямления после опрокидывания. Чтобы сделать это, вы берете один конец весла в руку, а другой рукой хватаетесь за древко как можно ближе к середине; затем вы размещаете его вдоль борта каяка так, чтобы свободный конец был направлен вперед, к носу; и после этого, резко отводя конец весла в сторону,^[17] и сильно наклоняя свое тело вперед, к палубе, вы поднимаете весло. себя сильными круговыми взмахами весла. Если вы не подниметесь сразу, может потребоваться второй удар.

Настоящий каякист может также выпрямиться без весла с помощью своей метательной палки или даже без нее, с помощью одной руки. Вершина мастерства достигается, когда ему даже не нужно использовать ладонь плашмя, он может сжать ее; и чтобы показать, что он действительно это делает, я видел человека, который взял камень в сжатую руку, прежде чем упасть, и поднялся, все еще держа его в руке.

Один эскимос рассказал мне о другом, который был настолько необычайно искусен в выпрямлении, что мог делать это всеми возможными способами: с веслом или без него, с метательной палкой или без нее, или сжатой в кулак рукой. Единственное, чем он не мог привести себя в порядок, был его язык; и мой информатор высунул этот член и скорчил им несколько ужасных гримас, чтобы проиллюстрировать, каких усилий ему стоило бы прийти в себя с помощью такого неудобного приспособления.

В прежние времена на западном побережье Гренландии каждый мало-мальски способный человек-кайак был способен исправиться; но в наши более поздние дни, с приходом европейской цивилизации и последующим вырождением расы, это искусство пришло в упадок, как и все остальное. Однако он все еще довольно распространен во многих местах. Например, я могу утверждать по своим собственным сведениям, что в Кангеке, недалеко от Годтааба, им обладали почти все охотники. На восточном побережье, по словам капитана Холма, это кажется обычным явлением, но не в такой степени, как это было в прежние времена на западном побережье. В этом нет ничего удивительного, поскольку это гораздо более необходимо на западном побережье, где дрейфующих льдов мало, а штормовые волны - обычное дело.

Человек-кайак, полностью овладевший искусством выпрямления, может противостоять практически любой погоде. Если он перевернется, то через мгновение снова будет на ровном киле и сможет играть, как морская птица, с волнами и рассекать их прямо насквозь. Если море очень бурное, он опирается на него широким бортом своего каяка, держит весло плашмя с наветренной стороны, прижимая его к палубе, наклоняется вперед и позволяет волне перекатываться через него; или же он бросается на бок навстречу волне, опираясь на свое плоское весло, и снова выпрямляется, когда волна проходит. Самый прекрасный подвиг мореплавания, о котором я когда-либо слышал, - это то, к чему, как мне сказали, прибегают некоторые рыболовы среди непреодолимых волн. Когда море захлестывает их, они добровольно переворачиваются, принимают его на дне каяка, а когда оно проходит, снова выпрямляются. Я думаю, трудно было бы назвать более бесстрашный метод борьбы с бурным морем.

Если вы не можете выпрямиться самостоятельно и под рукой нет никакой помощи, вы потеряете всякую надежду, как только опрокинетесь. Это может произойти достаточно легко — это может сделать волна или даже обрыв лески гарпуна при ударе тюленя. Так же часто это происходит из-за неосторожного движения в тихую погоду или в моменты, когда кажется, что опасности нет.

Многие эскимосы каждый год находят свою смерть именно таким образом. Например, я могу заявить, что в датской Южной Гренландии в 1888 году из 162 смертей (из которых 90 были мужского пола) погибли 24, или около 15 процентов. (то есть более четвертой части мужской смертности) были вызваны утоплением в каяках.

В 1889 году в Южной Гренландии из 272 смертей (из которых 152 были мужского пола) 24, или около 9%, были вызваны той же причиной. И это при населении в 5614 человек, из которых 2591 были мужчинами.

ГЛАВА IV

ЭСКИМОС В МОРЕ

Часто приходится слышать, как эскимосов обвиняют в трусости. Это, без сомнения, главным образом связано с тем фактом, что его обвинители видели его только на суше или в хорошую погоду на море; и потом, он слишком добродушен и покладист, чтобы проявить какую-либо храбрость. Возможно также, что они не потрудились выразить сочувствие его взгляду на жизнь; или же они, возможно, призвали его делать вещи, которых он не понимал и о которых не заботился.

Если под храбростью мы понимаем тигриную свирепость, которая сражается до последней капли крови даже против превосходящих сил, — ту храбрость, которая, как говорит Спенсер, несомненно, наиболее распространена среди низших рас людей и особенно характерна для многих видов животных, — то следует признать, что эскимосы не обладают большой долей этого. Например, они слишком миролюбивы и добродушны, чтобы нанести ответный удар, когда на них нападают; и поэтому европейцы, еще со времен Эгед и первых миссионеров, могли безнаказанно наносить им удары и называть их трусами. Но такого рода мужество не пользуется большим уважением у туземцев Гренландии, и я боюсь, что они тем более не уважают нас, потому что мы проявляем его в избытке. Они испокон веков уважали прекрасное христианское учение о том, что если мужчина ударит вас по правой щеке, вы должны подставить ему и левую.

Но из этого было бы несправедливо делать вывод, что эскимос труслив.

Чтобы оценить ценность человека, вы должны увидеть его за работой. Следуйте за эскимосом в море, наблюдайте за ним там, где лежит его призвание, и вы скоро увидите его в другом свете; ибо, если мы понимаем под храбростью ту способность, которая в минуты опасности спокойно разрабатывает свои планы и выполняет их с готовностью, или которая встречает неизбежную опасность и даже верную смерть с непоколебимым самообладанием, тогда мы найдем в Гренландии людей такого мужества, которое мы редко встречаем где-либо еще.

Охота на кайака сопряжена со многими опасностями.

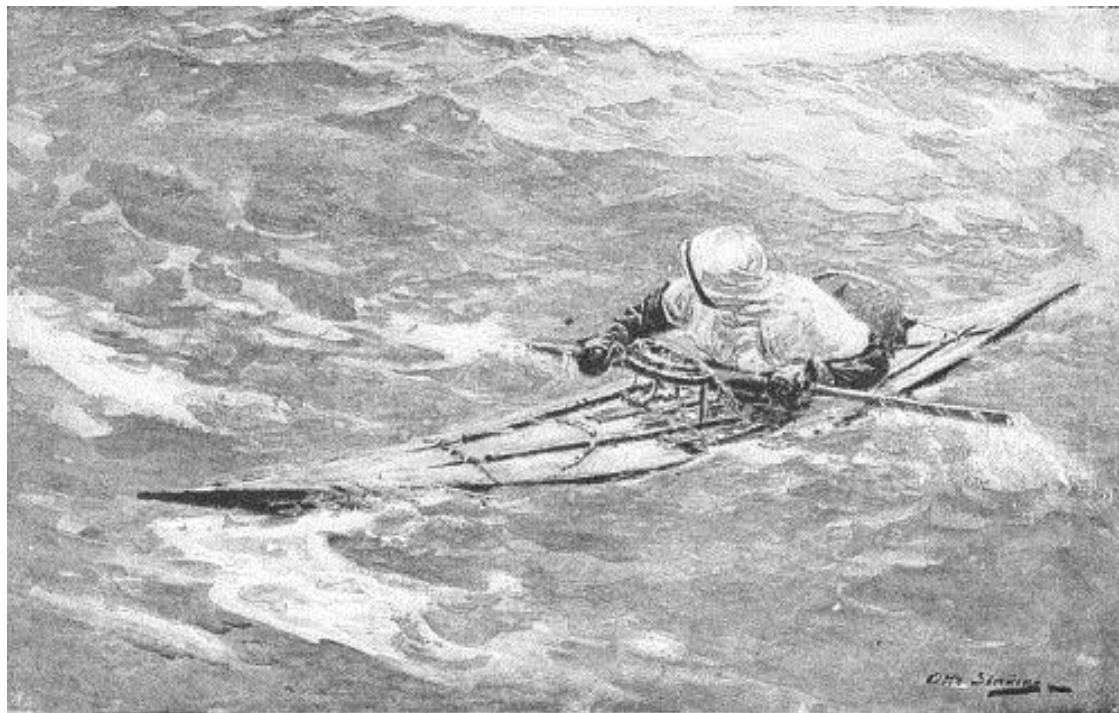
Хотя его отец, возможно, погиб в море, а также, весьма вероятно, его брат и друг, эскимос, тем не менее, спокойно выполняет свою повседневную работу, как в шторм, так и в штиль. Если погода слишком ужасная, он может поостеречься выходить в море; опыт научил его, что в такую погоду многие гибнут; но, оказавшись на воле, он идет вперед, как будто все это самое безразличное в мире.

Это благородное занятие, эта охота на кайака; это похоже на спортивный танец с морем и со смертью. Невозможно представить себе более прекрасное зрелище, чем видеть, как кайак-ман расправляется с тяжелыми валами, которые, кажется, полностью поглощают его. Или когда, застигнутые штормом на море, кайаки бегут к берегу, они появляются подобно черным штормовым птицам, несущимся наперегонки с ветром и волнами, которые, подобно катящимся горам, несутся за ними по пятам. Весла вращаются в воздухе и воде, тело немного наклонено вперед, голова часто наполовину запрокинута назад, чтобы наблюдать за морем; все это жизнь и дух, в то время как море вокруг воняет, как кипящий котел. И тогда может случиться так, что в разгар игры перед ними высунет голову тюлень. Быстрее, чем можно было подумать, гарпун

выхватывается и пронзает пену со смертельной целью; тюлень бросается прочь, увлекая за собой мочевой пузырь, но вскоре его ловят и убивают, а затем буксируют дальше. Все делается с тем же виртуозным мастерством и с тем же спокойным поведением. Эскимосу и в голову не приходит, что он совершает героические подвиги.

Вот он велик, а мы? Ах, в таком окружении мы склонны казаться очень маленькими.

Давайте последуем за эскимосом на однодневную охоту.

"ГОЛОВА НАПОЛОВИНУ ОТКИНУТА НАЗАД, ЧТОБЫ СМОТРЕТЬ НА МОРЕ"

За несколько часов до рассвета он стоит на обзорной скале над деревней и осматривает море, чтобы убедиться, что погода будет благоприятной. Убедившись в этом, он медленно спускается к своему дому и достает свою куртку-кайак. В старые добрые времена его завтрак состоял из глотка воды; теперь, когда европейская изнеженность дошла и до него, это обычно одна или две чашки крепкого кофе. Он ничего не ест по утрам; он заявляет, что во время каяка ему становится не по себе и что без него он более вынослив. Он также не берет с собой никакой еды — только фунт табаку.

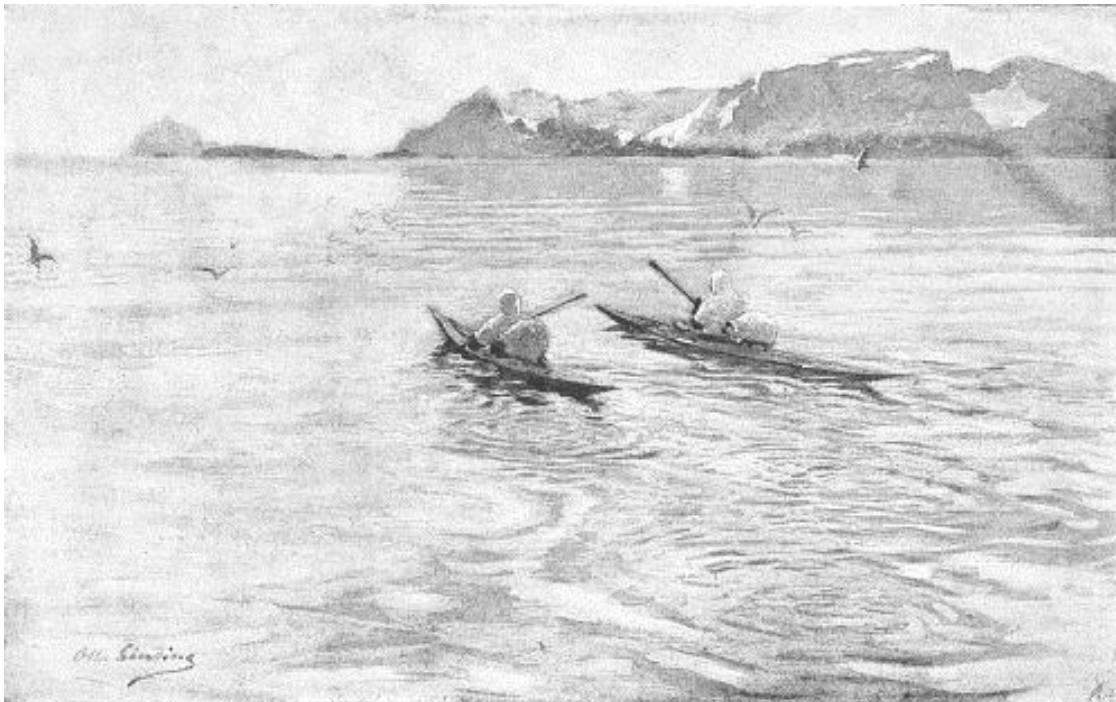
Когда каяк вынесен на берег и охотничье оружие расставлено по местам, он проскальзывает в отверстие для каяка, застегивает куртку поверх кольца и выходит в море. В это же время из других домов в деревне выходят и его соседи. Сегодня они охотятся за пузырьчатым носом, а охотничьи угодья находятся на берегу в девяти милях от открытого моря.

Здесь спокойно, гладкое море вздымается длинной волной к скалистым островкам, окаймляющим берег, легкая дымка все еще скрывает звуки между ними, а морские птицы, плавающие на поверхности, кажутся вдвое больше своих естественных размеров. Каяки прокладывают себе путь вперед бок о бок, создавая лишь тихую рябь; весла качаются в ровном

ритме, в то время как мужчины поддерживают непрерывный поток разговоров и время от времени раздражаются веселым смехом. Дротики-птички в спорте бросают то один, то другой, чтобы тренировать зрение и руку. Вскоре в пределах досягаемости одного из них появляется гагара; дротик проносится по воздуху, и птица, пораженная, пытается, сильно хлопая крыльями, нырнуть, но в следующее мгновение задерживается на острие дротика. Острие вытаскивается, охотник захватывает клюв птицы зубами и сильным рывком ломает ей шею, затем прикрепляет ее к задней части каяка.

Вскоре они оставляют позади звуки и островки и направляются прямо в открытое море.

После нескольких часов гребли они наконец достигли охотничьих угодий. Видны огромные тюленьи головы, выглядывающие из воды во многих направлениях, и охотники разбегаются в поисках своей добычи.

В МОРЕ В ПОИСКАХ ТЮЛЕНЕЙ

Боас, один из лучших охотников деревни, увидел вдалеке большого тюленя и поплыл к нему; но тот нырнул, и он лежит и ждет его появления. Вон там! чуть поодаль от него появляется его круглая черная голова. Он сильно наклоняется вперед, в то время как бесшумными и осторожными поглаживаниями подталкивает каяка к тюленю, который лежит мирно и безмятежно, вытянув шею и раскачиваясь вверх-вниз на волне. Но внезапно она насторожилась; она мельком увидела сверкающую лопасть весла и теперь смотрит прямо на него своими большими круглыми глазами. Он мгновенно прекращает грести и сидит неподвижно, в то время как путь на каяке бесшумно несет его вперед. Тюлень не обнаруживает ничего нового, вызывающего тревогу, и возвращается к своему прежнему спокойствию. Он запрокидывает голову назад, держит морду прямо в воздухе и купается в лучах утреннего солнца, которые поблескивают на его черной влажной шкуре. Тем временем каяк быстро

приближается; каждый раз, когда тюлень смотрит в ту сторону, Удав сидит неподвижно и не шевелит ни единым мускулом; но как только он снова отворачивает голову, он бросается вперед со скоростью молнии. Он приближается на расстояние выстрела; он извлекает свой гарпун, видит, что леска должным образом намотана на подставку; еще один взмах, и пора забрасывать — когда тюлень тихо исчезает под водой. Оно не испугалось и, следовательно, появится снова на небольшом расстоянии. Оно лежит неподвижно и ждет. Но минуты тянутся; тюлень может оставаться под водой невероятно долго, и тому, кто поджидает свою добычу, это кажется еще дольше. Но эскимос одарен замечательным терпением; он лежит абсолютно неподвижно, если не считать головы, которой он следит по сторонам. Наконец голова тюленя снова появляется над водой, немного в стороне. Он осторожно разворачивает каяк, оставаясь незамеченным своей добычей, и снова устремляется к нему над зеркальным морем. Но внезапно она снова замечает его, на мгновение пристально смотрит на него и ныряет. Однако он знает ее привычки и на полной скорости мчится к тому месту, где она исчезла. Не проходит и нескольких мгновений, как он снова высовывает голову, чтобы осмотреться. Теперь он в пределах досягаемости: хватает гарпун и заносит его обратно через плечо, затем сильным движением, словно подброшенный стальной пружиной, он со свистом вылетает из метательной палки, закручивая за собой леску. Тюлень делает резкий выпад, но в тот момент, когда он выгибает спину, чтобы нырнуть, гарпун вонзается ему в бок и погружается по самое древко. Несколько судорожных взмахов его хвоста взбивают воду в пену, и он уходит, волоча за собой гарпунную леску на глубину. Тем временем Боаш зажал в зубах метательную палку и быстрее, чем думал, выбросил пузырь из каяка позади себя. Он танцует над поверхностью моря, время от времени кажется, что он вот-вот исчезнет, что в конце концов и происходит. Вскоре, однако, она снова появляется в поле зрения, и он гонится за ней так быстро, как только позволяет весло, подхватывая по пути древко своего гарпуна, всплывшее на поверхность. Копье готово к использованию. В следующий момент тюлень выныривает; разъяренный своей неспособностью убежать, он поворачивается к своему преследователю, нападает сначала на мочевого пузырь, который разрывает на куски, а затем направляется прямо к каяку. Снова Боас оказывается в пределах досягаемости; животное выгибает спину и бросается вперед с разинутой пастью, так что вода вокруг него пенится. Промах теперь может стоить ему жизни; но он спокойно поднимает свое копье и со страшной силой вонзает его в пасть тюленя и выходит из задней части его шеи. По нему пробегает дрожь, и его голова опускается; но в следующее мгновение он поднимается в воде перпендикулярно, изо рта у него льется пена, он дико разевает рот и издает сдавленный рев, в то время как капюшон на его носу раздувается до поразительных размеров. Он трясет головой так, что древко копья дрожит и раскачивается взад и вперед; но ему не удается сломать его или освободиться от него. Еще мгновение, и второе копье Боаса пронзает одну из его передних лап в легкие; тюлень падает, и бой окончен. Он подплывает к нему сбоку и, поскольку оно все еще немного шевелится, наносит завершающий удар своим ножом с длинной ручкой. Затем он спокойно вытаскивает свои копья и вставляет их обратно в каяк, достает буксирный трос и надувает буксирный пузырь, который прикрепляет к тюленю, вырезает головку гарпуна и снова прикрепляет ее к древку, наматывает леску на подставку, вынимает новый пузырь и кладет его позади себя. Затем щитки тюленя крепятся вплотную к его телу с помощью специально предназначенного для этой цели ремня, и животное прикрепляется с помощью буксирного троса к одной стороне каяка, так что его можно легко тащить на буксире, при этом его голова прикрепляется к передней паре ремней на палубе, а хвост - к самой задней. Теперь Боаш готов оглядеться в поисках новой дичи. Ему повезло, и он не успел далеко отплыть, как заметил другого тюленя. В одно мгновение он отпускает уже

убитого, которого удерживает на плаву буксирный пузырь, а сам снова пускается в погоню. Этого он тоже убивает после некоторого осторожного выслеживания и нетерпеливого ожидания; он берет его на буксир и возвращается за своей первой добычей. Два огромных животного привязаны по одному с каждой стороны каяка. Теперь у него хороший груз, и он не может очень быстро передвигаться по воде, но это не мешает ему увеличивать свой багаж. Как только появляется в поле зрения еще одна печать, те, что уже закреплены, освобождаются, и когда убивают следующую, она закрепляется позади остальных. Таким образом, один человек иногда будет тащить на буксире до четырех тюленей, а в крайнем случае и больше.

ОХОТА НА ТЮЛЕНЕЙ

Тем временем Тобиасу, еще одному из лучших охотников деревни, повезло меньше, чем Боасу. Он начал с того, что погнался за тюленем, который нырнул и больше не выныривал в пределах видимости. Затем он отправился за другим; но когда он скользил над морем по направлению к нему, огромная голова покрытого капюшоном тюленя[18] внезапно появляется прямо перед каяком и в одно мгновение оказывается загарпунированным. Он страшно барахтается и ныряет, леска для гарпуна вырывается, но внезапно запутывается под палкой для метания дротиков; нос каяка уходит под воду с непреодолимым рывком, и прежде чем Тобиас понимает, где он находится, вода доходит ему до подмышек, и от него ничего не видно, кроме головы, плеч и кормы каяка, которая торчит прямо в воздух. Похоже, с ним все кончено; те, кто находится рядом с ним, изо всех сил гребут ему на помощь, но со слабой надеждой прибыть вовремя, чтобы спасти его. Тобиас, однако, первоклассный каякмен. Несмотря на свое трудное положение, он держится ровно на киле, пока тюлень тащит его по воде, который делает все возможное, чтобы полностью погрузить его на дно. Наконец оно появляется снова, и через мгновение он хватается свое копьё и, метя в цель, пронзает его прямо в голову. Слабое движение, и оно мертво. Остальные подходят как раз вовремя, чтобы застать Тобиаса за быстрым приготовлением своей добычи и забрать из нее кусочки жира.[19] Они не могут сдержать своего восхищения его хладнокровием и мастерством и долго потом говорят об этом. Однако Тобиас и

Боас - лучшие охотники в деревне. О них рассказывают, что в молодости они были такими мастерами своего дела, что даже пренебрегали использованием мочевого пузыря. Они привязывали леску от гарпуна к своей талии или к кольцу каяка, и если загарпуненный тюлень не был убит с первого удара, они позволяли ему тащить себя и каяка за собой вместо мочевого пузыря. Гренландцы рассматривают это как вершину возможного достижения, но очень немногие достигают такого мастерства.

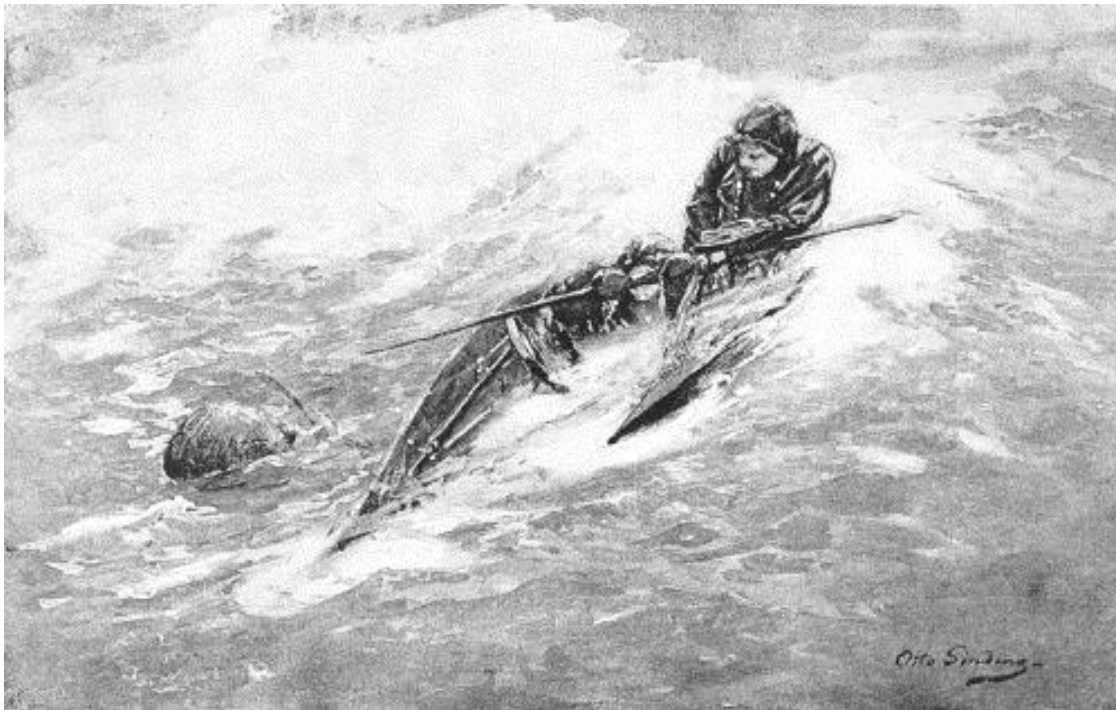
До сих пор погода стояла прекрасная, зеркальная гладь моря мягко колыбалась под лучами восходящего солнца. Но в течение последнего часа или двух черные и угрожающие гряды облаков начали собираться над южным горизонтом. Как раз в тот момент, когда Тобиас закрепляет свою печать, слышится отдаленный рев и видно что-то вроде пара, поднимающегося над морем к югу. Это приближающийся шторм, а пар - это летящие брызги, которые он гонит перед собой. Из всех ветров гренландцы больше всего боятся южного ветра (*нигек*), потому что он всегда сильный и поднимает волнение на море.

ПЕРЕД ВЕТРОМ

Теперь главное - как можно быстрее уйти под землю. Тем, у кого нет тюленей на буксире, достается лучшее, но они стараются держаться вместе с остальными. Один освобождает Удава от одной из его печатей. Они не успели далеко отплыть, как на них обрушился шторм; приближаясь, он взбивает воду до пены, и люди каяка чувствуют его на своих спинах, словно великан поднимает и швыряет их вперед. Теперь этот вид спорта стал серьезным; вскоре моря вздымаются, превращаясь в водяные горы, и обрушиваются на них с шумом. Они направляются к берегу при ветре почти в борт; но они все еще далеко, они ничего не видят вокруг из-за брызг, и почти каждая волна захлестывает их так, что над гребнями пены видны только несколько голов, рук и кончики весел.

Вот приближается гигантский каток — они могут видеть, как он сияет черно-белым вдали. Он возвышается так высоко, что небо почти скрыто. Через мгновение они просунули свои весла под ремни с наветренной стороны и наклонились вперед так, что гребень волны обрушился им на спины. На секунду почти все исчезает; те, кто дальше с подветренной стороны, в тревоге ждут своей очереди; затем волна проходит, и каяки снова скользят вперед, как и прежде. Но такое море не приходит поодиночке; следующее будет еще хуже. Они держат свои весла прижатыми к палубе и выступающими с наветренной стороны, наклоняют свои тела вперед, и в тот момент, когда белый водопад с грохотом обрушивается на них, они бросаются прямо в его пасть, тем самым несколько ослабляя его силу. На мгновение они снова исчезли - затем один каяк всплывает ровным килем, и вскоре другой появляется дном вверх. Это Педерсуак (*то есть* большой Питер), который перевернулся. Его товарищ подбегает к нему, но в тот же миг третья волна накрывает их, и он должен позаботиться о себе сам. Слишком поздно — два каяка лежат, вздымаясь днищем кверху. Второму удастся выпрямиться, и его первая мысль - о своем товарище, к которому он снова спешит на помощь. Он ведет свой каяк рядом с другим, кладет весло поперек обоих, наклоняется так, чтобы ухватиться под водой за руку своего товарища, и рывком подтягивает его к себе, чтобы он тоже мог ухватиться за весло и в одно мгновение встать на ровный киль. Водонепроницаемая куртка немного отстала от кольца с одной стороны, и внутрь попало немного воды; впрочем, не так много, но он все еще может держаться на плаву. Остальные тем временем выныривают; они хватаются за потерянное весло, и все снова могут продвигаться вперед.

ЧЕЛОВЕК-КАЙАК, СПАСАЮЩИЙ ТОВАРИЩА

Тем, у кого на буксире тюлени, становится все хуже и хуже; они сильно отстают, и огромные звери лежат, вздымаясь и сотрясаясь, у боков каяков. Они думают о том, чтобы пожертвовать своей добычей, но одно трудное море проходит за другим, и они все равно будут пытаться продержаться какое-то время. Самые гордые моменты в жизни охотника - это те, когда он возвращается домой, таща на буксире свою добычу, и видит счастливые лица своей жены,

дочери и служанки, сияющие ему с берега. Далеко в море он уже видит их мысленным взором и радуется, как ребенок. Неудивительно, что он не бросит свою добычу, разве что в крайнем случае.

Пройдя через множество уродливых валов, они, наконец, оказались под землей. Здесь они в некоторой степени защищены группой островов, лежащих далеко на юге. Волны становятся менее бурными, и по мере того, как они постепенно заходят все дальше, они быстрее продвигаются к дому по более гладкой воде.

Тем временем женщины дома были в сильнейшем беспокойстве. Когда начинался шторм, они бежали на обзорную скалу или на мыс и стояли там группами, жадно вглядываясь в бушующее море в поисках своих сыновей, мужей, отцов и братьев. Так они стоят, наблюдая и дрожа, пока их глаза не становятся острее от тревоги, и они наконец не различают то, что кажется черными точками, приближающимися от горизонта, и вся деревня отзывается единым радостным криком: 'Они идут! Они приближаются! Они начинают считать, сколько их; не хватает двоих! Нет, один из них! Нет, они все там! Они все там!'

Вскоре они начинают узнавать отдельных людей, частично по их способу гребли, частично по каякам, хотя пока они немногим больше крошечных точек. Внезапно раздается дикий крик радости: 'Боасе калигпок!' ('Боас буксирует') — его они легко узнают по его размеру. Эта радостная весть передается от дома к дому, дети носятся вокруг и кричат об этом в окна, а группы людей на скалах танцуют от радости. Затем раздается новый крик: 'Ама Тобиасе калигпок!' ('Тобиас тоже буксирует'); и эта новость также передается из дома в дом. Затем раздается: 'Ама Симо калигпок!' 'Ама Дэвид калигпок!' И вот снова выходит другой рой женщин из домов и поднимается на скалы, чтобы посмотреть на море, белеющее на фоне островков и утесов, где время от времени вдали среди перекатывающихся масс воды можно увидеть одиннадцать черных точек, медленно приближающихся.

Наконец передовые каяки устремляются в небольшую бухту перед деревней. Это те, у кого нет тюленей. Легко и с уверенной прицельностью они один за другим выбегают на плоский пляж, высоко взлетая на гребни волн. Женщины готовы принять их и провести дальше.

Затем идут те, у кого на буксире тюлени; они должны действовать несколько осторожнее. Сначала они бросают свою добычу и следят, чтобы она попала в руки женщин на берегу. Затем они сами направляются к суше. Выбравшись из каяка, они, как и первые пришельцы, не обращают внимания ни на что, кроме себя и своего оружия, которое они несут к своим местам выше отметки прилива. Они даже не смотрят на свою добычу, лежащую на берегу. С этого времени вся работа, связанная с "добычей", ложится на долю женщин.

Мужчины идут по домам, снимают мокрую одежду и надевают домашнее платье, которое, как мы видели, в языческие времена было чрезвычайно воздушным, но теперь стало более заметным.

Затем, наконец, подается первое блюдо дня; но всерьез оно не начинается до тех пор, пока дневная "порция" не сварится и не будет подана на огромном блюде, поставленном посреди пола. Затем исчезают невероятные количества мяса и сырого жира.

Когда голод утолен, женщины всегда берутся за какую-нибудь домашнюю работу, шитье или тому подобное, в то время как мужчины предаются заслуженной лени или немного ухаживают за своим оружием, развешивают сушиться гарпунную леску и так далее.

Затем охотники начинают рассказывать о событиях прошедшего дня, семья внимательно слушает, особенно мальчики. Повествование трезвое, без какого-либо хвастовства или стремления произвести на слушателей преувеличенное представление о преодоленных трудностях, которым мы, европейцы, при аналогичных обстоятельствах часто предавались бы.

Но в то же время он живой и живописный, с особой широтой колорита. Переживания описываются наглядными жестами, и, как говорит Далагер: “Когда они зашли в истории так далеко, что нужно изобразить актерский состав, они размахивают правой рукой в воздухе, в то время как левую вытягивают прямо, изображая животное. Затем демонстрация продолжается следующим образом: ‘Когда пришло время использовать гарпун, я посмотрел на него, я взял его, я схватил его, я вцепился в него, я крепко держал его в руке, я уравновесил его’ — и так далее. Только это может продолжаться в течение нескольких минут, пока, наконец, рука не опускается, изображая бросок; и после этого они не забывают отмечать последние подергивания, производимые котиком”.

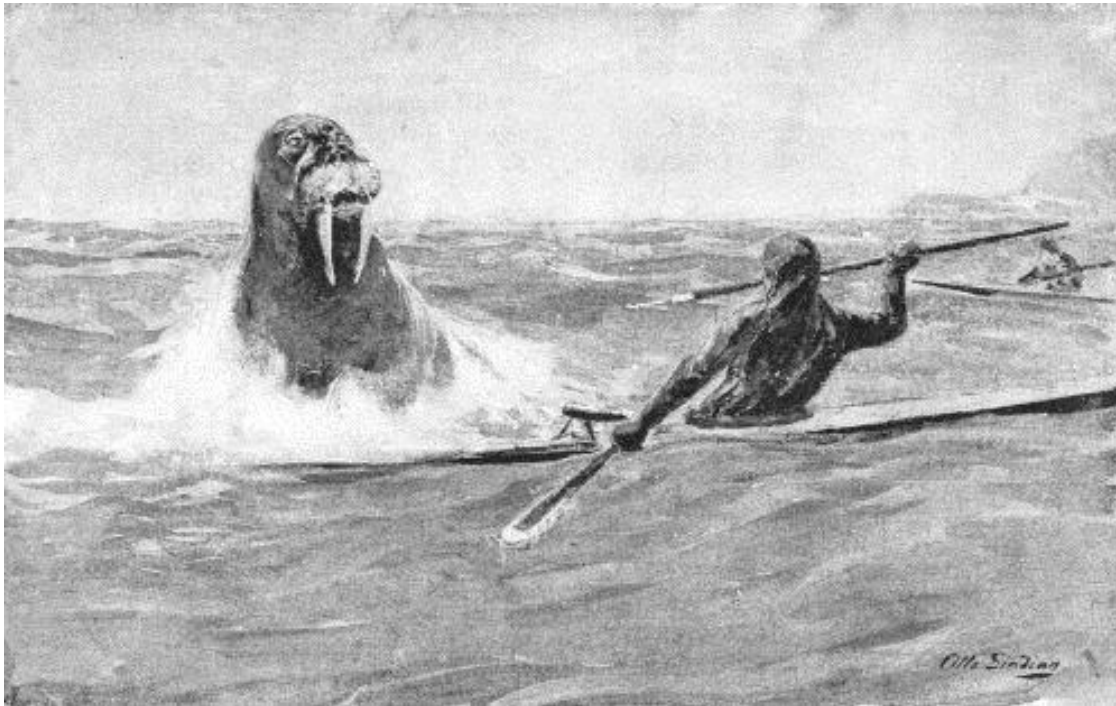
В других случаях самые примечательные события описываются в нескольких словах. Но как только представляется возможность, в повествование проникает широкий юмор, который неизменно вознаграждается взрывами смеха нетерпеливых слушателей. Более совершенной картины счастливой семейной жизни невозможно себе представить.

Так проходят дни для эскимоса. Хотя в подобных переживаниях нет ничего необычного, они имеют для него особую привлекательность. Его лучшие мысли связаны с морем, тяжелая жизнь на нем является для него смыслом существования, и когда он вынужден оставаться дома, на сердце у него тяжело. Но когда он состарится — ах, тогда сага закончится. В старости всегда присутствует меланхолия, и нигде больше, чем здесь. Эти добрые старики также в свое время познали силу и молодость — времена, когда они были столпами своего маленького общества. Теперь у них остались только воспоминания о той жизни, и они должны позволить другим кормить себя. Но когда молодые люди возвращаются домой со своей добычей, они тоже ковыляют к берегу, чтобы встретить ее; даже если это всего лишь бедный иностранец вроде меня, они были рады помочь мне сойти на берег с моим каяком. А затем, когда наступает вечер, они приступают к рассказыванию историй; приключение следует за приключением, прошлое снова оживает, и молодые люди побуждаются к действию.

Охота часто бывает более опасной, чем описанная выше. Легко понять, что из-за своего ограниченного положения в каяке, которое не позволяет сильно поворачиваться, охотник не может бросать назад или вправо. Таким образом, если раненый тюлень внезапно нападет на него с этих сторон, потребуются как умение, так и присутствие духа, чтобы ускользнуть от него или развернуться так быстро, чтобы нанести в него смертельный бросок до того, как он успеет нанести ему урон. Так же плохо, когда на него нападают снизу или когда животное внезапно подскакивает вплотную к нему сбоку, потому что его движения молниеносны и ему не хватает ни смелости, ни силы. Если он однажды заберется на каяк и перевернет его, надежды на спасение мало. Он часто нападает на охотника под водой или бросается на дно каяка и проделывает в нем отверстия. В таком затруднительном положении требуется очень необычное самообладание, чтобы сохранить хладнокровие, необходимое для восстановления равновесия

и возобновления борьбы с разъяренным противником. И все же иногда случается, что после такого переворачивания человек-кайак с триумфом приносит тюленя домой.

Еще более страшным противником является морж; поэтому, когда они отправляются охотиться на моржей, их обычно бывает несколько в компании, так что один может поддержать другого, если что-нибудь случится. Но также достаточно часто охотник-одиночка нападает на этого монстра и побеждает его.

ЧЕЛОВЕК-КАЙАК, НА КОТОРОГО НАПАЛ МОРЖ

Едва ли нужно говорить, что морж - огромное животное, достигающее 16 футов (5 метров) в длину, с толстой и прочной шкурой, глубоким слоем жира, ужасно твердым черепом и мощным телом. Значит, нужна уверенная и сильная рука, чтобы убить его. Морж имеет привычку, как только на него нападают, набрасываться на нападающего и часто своими уродливыми клыками делает себя чрезвычайно неприятным. Если в стае несколько моржей, они, скорее всего, окружают его и нападут все сразу.

Даже норвежские охотники, которые охотятся на моржа в больших, прочных лодках, в каждой из которых много людей, вооруженных ружьями, пиками и топорами, — даже они испытывают перед ним большой трепет.

Насколько больше мужества и умения требуется эскимосу, чтобы атаковать его в своем утлом кожаном каноэ, с помощью своих легких хитроумных снарядов — и в одиночку!

Но для эскимосов в этом нет ничего необычного. Он вступает в схватку со своим опасным противником; спокойно, с копьем, готовым к метанию, он ожидает его атаки и, хладнокровно пользуясь своим преимуществом, в нужный момент вонзает оружие в его тело.

Хладнокровие как никогда важно при охоте на моржей, поскольку могут возникнуть самые непредвиденные трудности, а катастрофы ни в коем случае не редкость. В Кангамиуте

несколько лет назад каяк подвергся нападению снизу, и длинный моржовый бивень внезапно вонзился в его днище, в бедро человека и прямо сквозь палубу. Его товарищи немедленно бросились ему на помощь, и мужчина был спасен и помог выбраться на берег.

Помимо этих животных, эскимос также нападает на китов со своего маленького каяка. В частности, есть один вид, который более опасен, чем любой другой, — грампус, или, как он его называет, *ардлук*. С его силой, стремительностью и ужасными зубами, если ему случится перейти в наступление, он может покончить с каяком в одно мгновение. Даже эскимос боится его, но это не мешает ему нападать на него, когда представится возможность.

В прежние времена они охотились и на более крупных китов, используя, однако, большие женские лодки, в которых находилось много людей, как мужчин, так и женщин. Для такого рода охоты на китов, говорит Ханс Эгед, "они наряжаются в свои самые пышные наряды, как будто готовятся к свадьбе, потому что в противном случае кит будет избегать их; он не выносит нечистоты". Кита протыкали гарпуном, или, скорее, большим копьем, с носа, и иногда случалось, что взмахом хвоста он раздавливал лодку или переворачивал ее. Люди часто были настолько смелы, что запрыгивали киту на спину, когда тот начинал выдыхаться, чтобы нанести ему последний удар. Этот метод охоты сейчас необычен.

Эскимосы подвергаются опасности не только из-за крупных животных. Даже при обычной рыбной ловле — например, палтуса - могут произойти катастрофы. Если кто-то не позаботился о том, чтобы леска оставалась чистой, и она запуталась в том или ином месте, в то время как сильная рыба делает внезапный рывок ко дну, кривошипный каяк достаточно легко опрокидывается. Многие встретили свой конец таким образом.

ЛОВЛЯ ПАЛТУСА

Но мы не должны слишком долго заикливаться на теневых сторонах жизни. Надеюсь, мне удалось составить у читателя некоторое представление о жизни эскимосов в море и о

некоторых опасностях, с которыми они сталкиваются ежедневно, — возможно, достаточное, чтобы убедить его, что эта раса не испытывает недостатка ни в мужестве, когда дело доходит до крайней необходимости, ни в выносливости и хладнокровии.

Но у эскимоса есть нечто большее; когда его настигает беда, он часто проявляет редчайшую выносливость. Несмотря на множество опасностей и страданий, неотделимых от его профессии, он с радостью посвящает себя ей. Если бы история эскимосов когда-либо была написана, это была бы одна длинная череда подвигов мужества и стойкости; и сколько трогательного самопожертвования и преданности другим пришлось бы описать! Сколько героических поступков было безвозвратно забыто! И это те люди, которых мы, европейцы, называли никчемными и трусливыми и считали себя вправе презирать.

ГЛАВА V

ЗИМНИЕ ДОМА, ПАЛАТКИ, ЖЕНСКИЕ ЛОДКИ И ЭКСКУРСИИ.

Зимой гренландцы живут в домах, построенных из камней и дерна. Они возвышаются всего на четыре-шесть футов (полтора-два метра) над уровнем земли, а пол несколько заглублен под него. Крыша плоская или слегка сводчатая. Снаружи все сооружение в целом выглядит как незначительный земляной холмик.

В этих домах только одна комната, и в ней обычно живут вместе несколько семей — мужчины и женщины, молодые и старые. Крыша настолько низкая, что человек любого роста едва может стоять прямо. Помещение имеет форму продолговатого четырехугольника. Вдоль всей длинной стены, напротив двери, тянется главная спальная скамья шириной около шести футов шести дюймов, на которой спят женатые люди со взрослыми незамужними дочерьми и маленькими мальчиками и девочками. Здесь они лежат в ряд, бок о бок, ногами к стене, а головами наружу, в комнату.

Ханс Эгgede Соби пишет в своем вышеупомянутом Дневнике, что они устраивают свое брачное ложе под спальней скамьей. Я не увидел ничего, что указывало бы на то, что какая-либо подобная практика сейчас существует где-либо в округе Годтааб.

Неженатые мужчины обычно ложатся на скамейки поменьше под окнами, которые находятся в противоположной длинной стене и которых здесь одно, два или три, в зависимости от размера дома. Раньше окна были заполнены обшивкой из кишок или каким-либо подобным материалом; но в настоящее время на западном побережье широко используется стекло. У боковых стен — более коротких стен — также обычно стоят скамейки. Они, или скамейки у окна, как правило, предназначены незнакомцам в качестве спальных мест.

Когда несколько семей, как это обычно бывает, проживают в одном доме, главная спальная скамья разделена на стойла — по одному на каждую семью. Кабинки отделены деревянными столбами, приставленными к внешнему краю скамьи и достигающими до крыши, от которой к задней стене тянутся низкие перегородки. Невероятно, насколько мало места им отведено. Капитан Холм описывает дом на восточном побережье, который имел размеры примерно

двадцать семь футов на четырнадцать с половиной и в котором жили восемь семей, состоявших в общей сложности из тридцати восьми человек. В одном стойле, шириной в четыре фута, жил мужчина с двумя женами и семьей детьми. Здесь не так много места для каждого.

Они используют тюленьи или оленьи шкуры для того, чтобы лежать, а также, в прежние времена, в качестве постельного белья, ложась спать полностью обнаженными, за исключением вышеупомянутой домашней одежды. В настоящее время на западном побережье пуховые одеяла широко используются в качестве постельного белья.

В прежние времена стены дома внутри всегда были обиты шкурами. Пол представлял собой голую землю, частично вымощенную плитами. В наши дни, с тех пор как появилось так много европейской роскоши, на западном побережье начали обшивать стены досками и настилать деревянные полы. У них даже, в определенной степени, вошло в привычку мыть полы — причем несколько раз в год.

В дом можно попасть через длинный и узкий проход, частично вырытый ниже уровня земли и, как и дома, обнесенный стенами из камней и дерна. Вы спускаетесь в него с уровня земли через отверстие. Он, как правило, настолько низок и узок, что приходится пробираться через него на корточках, и крупному мужчине достаточно трудно проникнуть внутрь. В Сардлоке мне рассказали о толстом лавочнике из Годтааба, который застрял в труднодоступном месте в проходе, ведущем к дому Теркеля. Там он застрял, сопротивляясь и ревя, но не мог продвинуться вперед, а тем более отступить. В конце концов, ему пришлось позвать на помощь четырех маленьких мальчиков: двое толкали его сзади, а двое, изнутри дома, тащили его впереди за руки. Они трудились и надрывались в поте лица, но человека зажало так же крепко, как пыж в ружейном стволе, и возникла мысль снести стены прохода, чтобы освободить его, прежде чем ему наконец удалось протиснуться. Если я правильно помню, пришлось выбить окно, чтобы снова выпустить его из дома.

Из коридора вы входите в дом через небольшое квадратное отверстие, обычно в длинной передней стене, которое закрывается дверью или люком.

Цель этого прохода - предотвратить попадание холодного воздуха внутрь и выход теплого легкого воздуха наружу. Именно с этой целью он расположен ниже дома; за счет этого также обеспечивается небольшая вентиляция, поскольку тяжелый неприятный воздух может в некоторой степени проникать в него и выходить наружу.

В гренландских домах старого образца нет каминов; они обогреваются и освещаются масляными лампами, которые горят днем и ночью. Их оставляют гореть на всю ночь, не только ради тепла, но и потому, что эскимосы чрезвычайно суеверны и поэтому боятся даже спать в темноте. Вы можете услышать, как они рассказывают в качестве доказательства крайней бедности, что той или иной семье, бедняжкам, приходится спать по ночам без горящей лампы.

Лампы представляют собой большие плоские открытые блюда из мыльного камня. Они имеют полукруглую форму, а вдоль прямой стороны проходит фитиль, который изготавливается из сухого мха или, в наши дни, из хлопка. Эти лампы стоят на деревянной подставке и

устанавливаются на маленький столик или возвышение перед спальном скамьей. Обычно в каждой семье есть по одному такому настольному светильнику. Если в одном доме проживает несколько семей, то ламп много, на каждую семью приходится хотя бы одна горящая, и, как правило, больше.

В прежние времена пищу готовили над этими лампами в горшках из мыльного камня, которые свисали с крыши. Приготовление пищи, как и любое другое дело в жизни, конечно, происходило в общей комнате.

Так обстоит дело и по сей день на восточном побережье. На западном побережье современная цивилизация претерпела изменения настолько, что теперь еду обычно готовят в специальной комнате с камином, построенной сбоку от коридора, ведущего в дом. В качестве топлива в этих каминах используется торф, а также комочки высушенного помета чаек. Железные кастрюли, тоже купленные в магазинах колоний, теперь используются вместо горшков из мыльного камня.

Более того, многие жители Западной Гренландии стали настолько искушенными, что купили печи, которыми они обогревают свои дома вместо керосиновых ламп. Используемое топливо такое же, как упомянутое выше. Однако в то же время незаменимые лампы продолжают гореть хотя бы ради света, если не по какой-либо другой причине.

В прежние времена дома, как правило, были большими, и в каждом проживало по несколько семей. Благодаря этому они смогли сэкономить на топливе и жили в тепле и комфорте, в то время как во многих других отношениях совместное проживание было признано выгодным. В этом вопросе влияние европейцев оказалось неудачным. Они поощряли распределение семей по отдельным маленьким домикам и даже предлагали призы за строительство домов; считалось таким великим делом, что каждая семья должна иметь свой собственный дом для себя. Результатом было то, что дома стали беднее и холоднее, для обогрева и освещения требовалось пропорционально больше материалов — материалов, которые не всегда можно было достать, — и преимущества старой системы частичного коммунизма были принесены в жертву; так что разделение привело к большому дискомфорту для большего числа людей.

Зимой, когда все сильно промерзает, в этих домах все в порядке; но летом, когда влага сочится из оттаивающих стен, а крыша протекает и иногда проваливается внутрь, они совсем не похожи на здоровые жилища. Поэтому, как только наступает весна, в апреле месяце, гренландцы в прежние времена всегда покидали свои дома, часто сами снимая крыши, чтобы их можно было хорошенько проветрить и промыть осенними дождями — чрезвычайно простой метод уборки в доме.

Все лето и большую часть осени (до сентября или октября) гренландцы жили в палатках, у каждой семьи, как правило, были свои. Эти палатки имеют своеобразную полукруглую форму, с входной дверью на высокой плоской стороне. Внутренне они устроены очень похоже на дома, со спальным скамьей, идущей вдоль изогнутой задней стены напротив двери, которая закрыта занавеской из полупрозрачной обшивки. Стенки палатки состоят из внешнего слоя водонепроницаемой кожи со снятым волосом (как правило, используются старые лодочные шкуры) и внутреннего слоя из шкуры северного оленя или тюленя, вывернутой мехом внутрь. В этих палатках сносно тепло, и в них, как и в своих домах, они ходят без одежды.

Женщина-лодка неразрывно связана с этой летней палаточной жизнью. Эти лодки длиной от 30 до 40 футов (10-12 метров) получили свое название от европейцев, потому что, в отличие от каяков, ими управляют женщины.

ЭСКИМОССКИЙ ЛАГЕРЬ

Это полностью открытые лодки, состоящие из деревянного каркаса, обтянутого тюленьей кожей, узкие пропорционально своей длине и плоскодонные. На них легко грести, но их форма делает их неисправными и неудобными морскими судами, так что, как только поднимается хоть какой-нибудь ветер, гренландцы отправляются на них к берегу. Обычно у них небольшой парус, который можно установить на носу, чтобы плыть при попутном ветре; но нетрудно понять, что это не очень хорошие парусные лодки. Парусный спорт - это, в целом, занятие, в котором эскимос мало что понимает и которое ему не очень нравится.

В этих лодках найдется место для всех мирских благ семьи — палаток, домашней утвари, собак, детей, женщин и так далее. Ими управляют до полудюжины гребчих, и когда ими так хорошо 'управляют', они развивают хорошую скорость. Пробег в пятьдесят английских миль в день - вовсе не редкость. Ими обычно управляют отцы семейства, в то время как другие самцы семейства следуют за ними на своих каяках.

Гренландцы все лето переезжали из одних охотничьих угодий в другие на своих женских лодках. На один или два месяца они всегда уходили далеко вглубь фиордов в поисках северных оленей и там питались плодородной землей.

В те дни они часто совершали длительные путешествия вверх и вниз по западному побережью, как делают это и по сей день на восточном побережье. Чтобы показать, насколько длительными иногда бывают эти путешествия, я могу упомянуть, что на восточном побережье семьи путешествуют из района Ангмагсалик, расположенного на $65\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты, до торговых поселений к западу от мыса Прощания и обратно - расстояние около 500 миль. Обычно они

путешествуют небыстро; одна из двух женских лодок, которые мы встретили на восточном побережье у мыса Билле в 1888 году, направляясь на юг, достигла Памягдлука, расположенного к западу от мыса Прощания, только два года спустя, в 1890 году - и это всего лишь расстояние в около 180 миль, которое мы с нашими лодками, без сомнения, могли бы преодолеть за неделю или две. Но как только эскимосы добираются до места, где водится много тюленей, они выходят на берег, разбивают свой лагерь, начинают охотиться и живут в свое удовольствие. С приближением осени и зимы они выбирают хорошее место и строят зимний дом, продолжая свое путешествие весной или летом, как только позволит лед. Женская лодка, о которой идет речь, таким образом, потратила три года на переход из Умивика, и, без сомнения, потребуется почти столько же времени, чтобы вернуться. Другая женская лодка, плывшая на юг от мыса Билле, добралась до Нанусека, примерно в 65 милях от торговых поселений к западу от мыса Фарвелл, и там остановилась на зимовку; но затем умер отец семейства, и они развернулись и пустились в долгий обратный путь в Ангмагсалик, так и не достигнув своей цели, торговых поселений, или выполнив свое поручение.

ЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Путешествия вдоль западного побережья были, конечно, легче и быстрее, поскольку дрейфующие льды там не представляли препятствий.

Благодаря этой привычке к странствиям они избежали пагубных последствий слишком большого уединения в отдельных деревнях; они встречались вместе и поддерживали общение с другими людьми, так что в течение всего лета существовала определенная жизнь и движение, из которых они извлекали много пользы. Их умы были оживлены, интерес к охоте стимулировался, а мастерство развивалось многими различными способами, не говоря уже о том факте, что частая смена охотничьих угодий приносила гораздо больше дичи в пределах их досягаемости.

Этим летом жизнь в сравнительно чистых, воздушных палатках, помимо того, что была чрезвычайно приятной, была, как мы легко можем понять, гораздо полезнее, чем заключение в тесных, дурно пахнущих земных хижинах. Неудивительно поэтому, что самые прекрасные мечты гренландцев о счастье были связаны с женщиной-лодкой и палаткой.

Увы, и здесь тоже! мы, европейцы, вызвали печальные перемены. Ханс Эгед, действительно, горько жаловался на то, как трудно заставить гренландцев прекратить свои вечные скитания и мирно обосноваться в одном месте, чтобы он мог беспрепятственно проповедовать им христианство; он даже предложил насильно приучить их к менее кочевому образу жизни. Если бы этот благочестивый человек, который не думал ни о чем, кроме продвижения Царства Божьего, был жив сейчас, он мог бы в какой-то мере быть счастливым, ибо современные гренландцы-христиане вообще почти не путешествуют. Из-за великого обнищания, которое мы навлекли на них, с каждым днем остается все меньше и меньше охотников, которые могут добыть достаточно шкур, чтобы сделать женскую лодку и палатку, которые, конечно, необходимы для путешествия. Они все больше и больше вынуждены проводить круглый год в нездоровых зимовьях, которые, конечно, являются просто рассадниками бактерий и всевозможных заразных болезней, в то время как мужчины, таким образом, не могут менять свои охотничьи угодья и должны оставаться в одних и тех же местах из года в год. Таким образом, 'добыча', конечно, значительно уменьшается, пища, следовательно, становится гораздо менее обильной, а незаменимых тюленьих шкур становится все меньше и меньше. Как только все гренландское сообщество опустится до уровня идеала Эгед и полностью откажется от своих миграционных привычек, оно окажется почти, если не совсем, вне пределов спасения. Спад в этом направлении в последние годы был очень тревожным.

ГЛАВА VI

КУЛИНАРИЯ И ЛАКОМСТВА

Одна из особенностей повседневной жизни гренландцев, которая нам кажется достаточно странной, заключается в том, что у них нет определенного времени приема пищи; они просто едят, когда голодны, если есть что поесть. Как уже упоминалось, охотники часто целый день обходятся без всякой еды. Они обладают замечательной способностью обходиться без пищи, но чтобы восполнить это, они могут потреблять за один присест поразительное количество мяса, жира, рыбы и т.д.

Их кулинария проста и ее легко освоить.

Мясо и рыбу едят иногда сырыми или замороженными, иногда вареными, иногда сушеными; а иногда мясу дают подвергнуться своего рода разложению или ферментации, когда оно называется *микиак*, и его едят без дополнительной подготовки. Блюдо этого сорта, которое очень высоко ценится, - тухлые тюленьи головы.

Жир тюленей и китов обычно употребляют в пищу сырым. Мои утонченные читатели, конечно, содрогнутся при одной мысли о том, чтобы есть сырой жир, но я могу заверить их, что он очень хорош, особенно в свежем виде. У него сладковатый, возможно, довольно приторный вкус,

напоминающий сливки, без того, что мы назвали бы маслянистым или рыбным привкусом; он не дает о себе знать до тех пор, пока жир не будет сварен или обжарен, или пока он не протухнет. Несомненно, до сих пор есть люди, которые верят, что эскимосы имеют привычку пить паровозное масло, хотя даже Ханс Эгедэ указал, что это ошибка. Однако в том, что они не всегда отказываются от него, когда оно встает у них на пути, я смог убедиться в Годтаабе; потому что я всегда видел, как наша старая служанка Розина отпивала глоток-другой из нашей лампы, когда она чистила ее утром, и, как она обычно делала, наполняла сосуд чуть полнее обычного. Казалось, это нисколько не противоречило ее мнению.

Они также консервируют стебли дягиля в жире, готовя их, по словам Соби, следующим необычным способом: 'Женщина набирает полный рот жира, пережевывает его и выплевывает, и так продолжается до тех пор, пока она не решит, что съела достаточно. Когда стебли дягиля на некоторое время пропитаются этой жидкостью, их вынимают и с большим аппетитом едят в качестве десерта.

Из растительной пищи первобытные гренландцы употребляли несколько видов; в дополнение к дягилю я могу упомянуть одуванчики, щавель, бруснику, чернику и различные виды морских водорослей. Одним из их величайших деликатесов является содержимое желудка северного оленя. Если гренландец убивает северного оленя и не может унести большую часть его с собой домой, он, я полагаю, прежде всего обезопасит желудок; и последнее, что эскимосская женщина предписывает своему возлюбленному, когда он отправляется на охоту на северного оленя, - это чтобы он приберег для нее желудок своей добычи. Несомненно, именно потому, что они нуждаются в растительной пище, они так высоко ценят ее, а также потому, что на самом деле это отборный набор лучших мхов и трав, которые *гурман*, северный олень, выбирает для себя сам. Он подвергся своего рода тушению в процессе полупереваривания, в то время как желудочный сок дает несколько острый и ароматный соус. Многие, без сомнения, скорчат гримасу при мысли об этом блюде, но им совсем не обязательно это делать. Я попробовала его и нашла вполне съедобным, хотя и немного кисловатым, как кисломолочное. В качестве блюда для особо торжественных случаев его подают с кусочками жира и брусникой.

Еще одно блюдо, которое, несомненно, шокирует многих европейцев, - это внутренности куропаток. В этом случае они не ограничиваются желудками, а в мгновение ока пожирают внутренности вместе с их содержимым. Оставшуюся часть куропатки они продают торговцам за пенни или меньше (от 5 до 8 эре). Это причина, по которой в Гренландии никто никогда не видит куропаток целыми, за исключением тех, кого застрелил сам.

Однажды, когда мы отправились на охоту вверх по Амералик-фиорду и с нами был гренландец Джоэл, он потратил целый день на то, чтобы выпотрошить внутренности у всех наших куропаток; но так как их насчитывалось гораздо больше сотни, он не смог сожрать их целиком на месте и собрал остатки в большой мешок. Съев его восхитительное содержимое, которое, должно быть, превратилось в нечто вроде каши еще до того, как он добрался домой, он, без сомнения, намеревался полакомиться им в компании своей горячо любимой Анны Корнелии. Надеюсь, читатель простит мне мою неспособность рассказать ему о вкусе этого блюда; это был единственный гренландский деликатес, о котором я не мог решиться написать эссе.

Среди других деликатесов я должен упомянуть кожу (*матак*) различных видов китов, особенно белухи и морской свиньи, которая считается верхом деликатесности. С мяса снимается кожица, а рядом с ней слой жира, и его едят сырым без дальнейших церемоний. Я должен искренне

поздравить эскимосов с изобретением этого блюда. Я могу заверить читателя, что сейчас, когда я пишу об этом, у меня текут слюнки при одной мысли о матаке с его неописуемо нежным вкусом орехов и устриц в смеси. И потом, у него есть то преимущество перед устрицами, что кожица у него жесткая, как индийская резина, при пережевывании, так что наслаждение можно растягивать до любой степени. Даже датчане в Гренландии очень любят это лакомство, однако, как правило, они готовят его таким образом, что оно получается желеобразной консистенции и легко пережевывается. Вкус орехов и устриц полностью исчезает.

Нежным блюдом, которое, однако, не сравнится с матаком, является сырая кожа палтуса. У него есть то же преимущество, что из-за своей прочности оно долго сохраняется. Я могу с уверенностью рекомендовать его как чрезвычайно вкусное, особенно зимой.

Гренландцы также очень любят сырую тюленью кожу с жиром. Вкус его был вполне сносным, но я не мог вполне примириться с волосками и поэтому позволил себе снова выплюнуть их после нескольких тщетных попыток проглотить.

Они едят мясо тюленей, китов, северных оленей, птиц, зайцев, медведей, даже собак и лис. Насколько я знаю, единственные существа, которых они презирают, - это вороны; поскольку эти птицы в какой-то степени питаются навозными кучами, они считаются, как и растения, которые там растут, нечистыми.

Нежирное мясо их совершенно не интересует, поэтому они предпочитают, например, морских птиц куропаткам. Однажды случилось так, что в одной из колоний Южной Гренландии священник, только что прибывший в страну, пригласил кое-кого из своей паствы на вечеринку, и его жена угостила их величайшим из известных ей деликатесов, а именно жареной куропаткой. Гренландцы ели его очень скудно, хотя хозяйка гостеприимно угостила их. Наконец она спросила, не любят ли они куропаток. О да, ответили они, иногда они это ели — когда был голод.

Сказанного мной выше, несомненно, будет достаточно, чтобы доказать, что эскимосы отнюдь не так легко приспособляются к своему рациону, как это обычно предполагается. Однако в голодные времена они готовы есть практически все. Далагер уверяет нас, что они, например, "разрежут шкуры из своих палаток на куски и сварят из них суп", и нередко можно услышать о ком-то, кто сварил суп из своих старых кожаных штанов.

Способ подачи блюда значительно отличается от того, который используется в Европе. В гренландском доме нет столов, поэтому блюдо ставят посреди пола, а люди садятся на скамейки вокруг и макают в него вилки, предоставленные Природой. Им редко приходит в голову ставить блюдо на ящик или любое другое возвышение; им кажется почти необходимым наклоняться. Пример этого можно найти в анекдоте о молодой датчанке, которая вскоре после своего прибытия в Гренландию пригласила к себе в дом нескольких эскимосок для стирки. Войдя в прачечную, она увидела, что они склонились над корытами, стоявшими на полу, и, сочтя это неудобным положением, принесла им несколько табуретов, чтобы поставить корыта. Вскоре после этого она снова вошла посмотреть, как у них идут дела, и, к своему удивлению, обнаружила их стоящими на табуретках и, конечно, еще более неуклюже склоняющимися над кадками, которые остались на полу. *Se non è vero è ben trovato*.

Из всех многочисленных деликатесов, с которыми мы их познакомили, гренландцы-христиане больше всего любят кофе, и пристрастие к нему на западном побережье стало почти пороком.

Они заваривают его крепким и редко выпивают меньше двух больших чашек за раз; и для них нет ничего необычного в том, что они пьют кофе четыре или пять раз в день — он такой приятный на вкус и поднимает им настроение. Однако они не безразличны к его пагубному воздействию, и поэтому молодым мужчинам разрешается употреблять его мало или вообще не употреблять, чтобы это не испортило им охоту. Головокружение, от которого иногда страдают пожилые мужчины и которое заставляет их нетвердо стоять во время каяка, они во многом приписывают кофе. Это любопытным образом согласуется с результатами недавних физиологических экспериментов, которые показали, что самые опасные яды, содержащиеся в кофе, — cafeonet и др. — поражают именно ту часть нервной системы, от которой зависит равновесие.

Помимо кофе, они посвящены табаку и хлебу. На западном побережье табак по большей части курят или жуют, в то время как нюхательный табак - слабость жителей Восточной Гренландии. Женщины на западном побережье тоже склонны нюхать табак, и часто бывает неприятным сюрпризом наблюдать, как привлекательная молодая женщина обильно подкрашивает ноздри и верхнюю губу. Они сами растирают нюхательный табак плоскими камнями из недомятого самокрутки, которую мелко нарезают и сушат над лампой. Для придания аромата остроты его иногда смешивают с каменной пудрой и хранят в рожках разного размера. На восточном побережье нюхательный табак выполняет определенную социальную функцию. У эскимосов нет слов для обозначения 'доброго дня' или "добро пожаловать", и они восполняют этот пробел, предлагая свои рожки для нюхательного табака любому незнакомцу, который кажется им приемлемым, на что вновь прибывший отвечает, предлагая взамен свой рожок. Когда они расстаются, повторяется та же церемония.

Жители Западной Гренландии готовят свой жевательный табак способом, который нам кажется несколько удивительным. Глубокая датская фарфоровая трубка наполовину заполняется курительным табаком, который затем тщательно смачивается водой, после чего трубка до краев наполняется сухим табаком; затем ее курят до тех пор, пока огонь не достигнет влажного табака и не погаснет. Затем золу выбивают и соскребают как можно больше масла с масляной ячейки, стержня трубки, старых наростов в чашке для трубки и т.д. И добавляют к уже хорошо пропитанной массе на дне чаши, которая затем считается готовой к пережевыванию. Этот особо крепкий препарат особенно ценится для использования на борту *kaiak*.

К счастью, правительство запретило продажу бренди гренландцам. Европейцам, однако, разрешено заказывать его на дом, и они могут угостить им гренландцев. Очень часто им дают выпить по рюмочке, когда они служат гребцами на борту лодок европейцев, путешествующих летом, и после того, как с ними заключена какая-либо сделка. Более того, было мудро установлено, что *кифаки*, или те, кто состоит на службе у Датской компании, получают каждый свою порцию каждое утро; в то время как охотники, которые должны быть более способными и лучшими людьми, чем *кифаки*, не могут получить ни капли, не поступив на службу к европейцам или не продав им что-нибудь.

Они страстно любят бренди — как женщины, так и мужчины, — не потому, как они часто признавались мне, что им нравится его вкус, а потому, что это так восхитительно - быть пьяными; и они напиваются всякий раз, когда представляется возможность, что, к счастью, случается не очень часто. То, что опьянение действительно является главной целью, о которой идет речь, видно также из того факта, что *кифаки* не очень ценят свою утреннюю порцию, потому что этого недостаточно, чтобы опьянеть. Поэтому некоторые из них согласились

разделить свои порции на общие, и один из них выпил все сегодня, другой - послезавтра и так далее по очереди. Таким образом, они могли спокойно напиваться через определенные промежутки времени. Однако, когда власти обнаружили эту практику, они приняли меры, чтобы остановить ее.

В отличие от своих сестер здесь, в Европе, эскимосские жены, как правило, находят своих мужей очаровательными и получают огромное удовольствие от их вида. Действительно, я должен признаться, что эскимосы, как мужчины, так и женщины, показались мне, за немногими исключениями, значительно менее отталкивающими и, конечно, значительно более миролюбивыми в состоянии алкогольного опьянения, чем склонны быть европейцы в аналогичных условиях.

Когда европейцы впервые приехали в страну, местные жители совершенно не могли понять действие бренди. Когда приближалось Рождество, они пришли и спросили Нильса Эгед, когда его люди "сойдут с ума"; поскольку они думали, что "безумие" было неотъемлемым сопровождением праздника, и повторяющийся пароксизм стал для них вехой в календаре. Впоследствии они установили, что это произошло из—за этого напитка, который они поэтому называли *силаэрунарток*- то есть то, от чего люди теряют рассудок; но теперь они обычно называют его *снапсемик*.

ГЛАВА VII

ХАРАКТЕР И СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Когда я вижу все эти споры и грубую брань оппонентов, которые составляют основу различных партийных газет у нас дома, я время от времени задаюсь вопросом, что сказали бы эти достойные политики, если бы они что-нибудь знали об эскимосском сообществе, и не покраснели бы они перед людьми, которых этот Божий человек, Ханс Эгед, характеризует следующим образом: 'Эти невежественные, хладнокровные существа, живущие без порядка и дисциплины, не знающие ни о каком богослужении, в звериной глупости'. С каким полным правом эти "дикари" смотрели бы на нас свысока, если бы знали, что здесь, даже в публичной печати, мы применяем друг к другу самые низкие оскорбительные термины, как, например, "лжец", "предатель", "клятвопреступник", "грубиян", "дебошир" и т. Д., В то время как они никогда не произносят ни слова оскорбления, сам их язык не изобилует словами этого класса, которыми так богат наш.

Этот контраст олицетворяет радикальное различие характеров. Гренландец - из всех Божьих созданий, одаренный наилучшим характером. Добродушие, миролюбие и уравновешенность характера - наиболее характерные черты его характера. Он стремится быть в как можно более хороших отношениях со своими собратьями и поэтому воздерживается от того, чтобы оскорблять их и, тем более, от использования грубых выражений. Он очень неохотно противоречит другому, даже если тот говорит то, что, как он знает, является ложью; если он делает это, он заботится о том, чтобы выразить свое возражение в как можно более мягкой форме, и ему действительно было бы очень трудно прямо сказать, что другой лжет. Он остерегается говорить другим людям правду, которая, по его мнению, будет им неприятна; в

таких случаях он выбирает самые расплывчатые выражения, даже применительно к таким безразличным вещам, как, например, ветер и погода. Его миролюбие доходит даже до того, что, когда у него что-то крадут, что случается редко, он, как правило, не возвращает это, даже если знает, кто это украл. "Дай всякому просящему у тебя; и у того, кто отнимает имение твое, больше не проси" (Луки vi. 30).

В результате между ними редко или вообще никогда не бывает ссор. Гренландцы не могут позволить себе тратить время на споры между собой; борьба за то, чтобы вырвать у природы все необходимое для жизни, эта великая проблема человечества, стоит здесь труднее, чем где-либо еще, и поэтому этот маленький народ согласился продолжать ее без ненужных разногласий.

В целом гренландец - счастливое существо, его душа легка и жизнерадостна, как у ребенка. Если его настигнет печаль, он, возможно, какое-то время будет горько страдать; но вскоре это забывается, и он снова так же лучезарно доволен существованием, как и раньше.

Это его счастливое легкомыслие избавляет его от долгих размышлений о будущем. Если у него есть достаточно еды на данный момент, он ест это и счастлив, даже если впоследствии ему приходится испытывать нужду — что сейчас, к сожалению, часто случается, и с каждым годом становится все чаще.

Его беспечность часто становилась предметом горьких упреков в его адрес. Миссионеры заявляют, без сомнения справедливо, что это делает его недоступным для цивилизации, и пытались призвать его к большей предусмотрительности и бережливости. Они совершенно упускают из виду тот факт, что написано: 'Не думайте о завтрашнем дне.... Взгляните на птиц небесных: ибо они не сеют, и не жнут, и не собирают в житницы; но Отец ваш Небесный кормит их'.

Это легкомыслие ума имеет и свою светлую сторону; в некотором смысле оно даже является главной силой эскимосов.

Бедность и нужда имеют для нас два последствия. Самое непосредственное - это, конечно, физическое страдание; но вместе с ним и после него приходят душевные страдания, "заботы о хлебе насущном", непрестанная тревога, которая преследует человека днем и ночью, даже во сне, и отравляет каждый час жизни. В большинстве случаев это, вероятно, то, что больше всего сказывается на наших бедных людях; если бы не это, телесные страдания, которые, в конце концов, обычно преходящи, были бы легко перенесены. Но именно от этой фазы страданий эскимоса спасает его упругий дух. Даже длительный период голодания и выносливости сразу забывается, как только он насытился; и память о прошлых страданиях может разрушить его радость и счастье не больше, чем страх перед тем, что может принести завтрашний или послезавтрашний день. Единственное, что действительно делает его несчастным, - это видеть других в нужде, и поэтому он делится с ними всякий раз, когда ему есть чем поделиться.

Что больше всего ранит эскимосов в самое сердце, так это видеть, как их дети умирают от голода; "и поэтому, — говорит Далагер, - они дают пищу своим детям, даже если сами готовы умереть с голоду; ибо они живут каждый день надеждой на счастливую перемену судьбы - надеждой, которая действительно поддерживает жизнь многих из них".

Чтобы получить более четкое представление о радикальном отличии эскимосского характера от нашего, нам следует изучить эскимосов в их социальных отношениях.

Нет ничего необычного в том, что люди выражают мнение о том, что эскимосское сообщество лишено закона и порядка. Это ошибка.

Напротив, первоначально все было на редкость хорошо упорядочено. У него были свои обычаи и установленные правила для всех возможных обстоятельств, и эти обычаи и правила передавались из поколения в поколение и почти всегда соблюдались; ибо люди действительно невероятно доброжелательны, что даже сам Эгgede, который, как мы видели, так резко писал о них, не может не признать в таком отрывке, как, например, следующий; "Удивительно, в каком мире и единстве они живут друг с другом; ибо о ссорах и раздорах, ненависти и алчности среди них редко можно услышать.^[20] И даже если одному из них случается питать неприязнь к другому, он не показывает этого и, из-за их большой нежности друг к другу, не позволяет себе открыто нападать на него с насилием или оскорблениями, поскольку в их языке действительно нет необходимых слов.' Обратите внимание, что это говорит язычный миссионер, который, следовательно, не мог развить в себе такого миролюбивого настроения под влиянием христианства.

Затем пришли европейцы. Не зная и не понимая ни народа, ни его требований, они исходили из предположения, что он нуждается во всевозможных улучшениях, и, следовательно, принялись за работу, направленную на нарушение и ниспровержение всего общественного порядка. Они пытались навязать эскимосам совершенно новый характер, в одно мгновение дали им новую религию и сломали их уважение к их старым обычаям и традициям, конечно, не имея возможности дать им взамен новые. Миссионеры думали, что смогут превратить этот дикий, свободный народ охотников в цивилизованную христианскую нацию, ни на минуту не подозревая, что в глубине души эти люди были во многих отношениях более христианами, чем они сами, и, среди прочего, подобно очень многим первобытным людям, применяли на практике христианское учение о любви (милосердии) гораздо полнее, чем любая христианская нация. Короче говоря, европейцы вели себя в Гренландии точно так же, как они привыкли поступать везде, где выступают во имя христианской религии, чтобы 'сделать бедных язычников участниками благословений вечной истины'.

Очень характерным для этой точки зрения является следующее высказывание Эгgede, о котором я уже упоминал: 'Врожденная глупость гренландцев, их ленивое и грубое воспитание, их бродячий и неустойчивый образ жизни, несомненно, представляют собой большие препятствия для их обращения, и их следует, насколько это возможно, устранить'. Какое непонимание! Только подумать, хотеть устранить и исправить кочевую жизнь племени охотников! Что бы им осталось? Я могу добавить, что в другой раз он предлагает достичь этой цели посредством "наказания и дисциплины".

Эскимосы сначала с удивлением слушали незнакомцев. До сих пор они были очень довольны собой и всем своим образом жизни; они не знали, что человек и его жизнь на земле так несчастны, как снова и снова уверяли их миссионеры. У них не было, как говорит Эгgede, "сколько-нибудь справедливого осознания собственной глубокой испорченности", и им было очень трудно понять религию, настолько жестокую, что обрекала людей на вечный огонь. Они вполне могли признать "первородный грех" общей чертой *кавдлунаков* (европейцев), поскольку

было достаточно ясно, что многие из них были плохими; но *каладлиты* (эскимосы) были хорошими людьми и должны были без каких-либо проблем попасть на небеса.

Когда в 1728 году несколько датских мужчин и женщин прибыли в Годтааб, чтобы колонизировать страну, многие из них сильно оскорбили язычников своими злыми обычаями, так что они "часто спрашивали, как получилось, что так много наших людей были такими плохими. Женщины (то есть гренландские женщины), по их словам, от природы тихие и скромные; но эти (европейки) были шумными, наглыми и лишенными всяких женских приличий. И все же все они, несомненно, знали Божью волю.' И гренландцы смотрели свысока и смеялись над глупыми, самодовольными европейцами, которые так тонко проповедовали, но так мало практиковали то, что они проповедовали, и которые, кроме того, ничего не знали об охоте или обо всех вещах, которые эскимосы считали самыми важными в жизни.

Сила, порождаемая более высоким уровнем развития, постепенно взяла верх над европейцами, так что с течением времени они привели к полному нарушению первобытного общественного строя и заменили его неопределенной смесью эскимосских и современных европейских привычек и цивилизации; в то же время они произвели прискорбное смешение пород и произвели, без помощи духовенства, чрезвычайно беспородное население.

Но, поскольку эскимосы - очень консервативный народ, мы все еще можем найти много важных следов их первобытного состояния.

Гренландцы, как и все охотничьи нации, обладают очень ограниченным чувством собственности; но было бы ошибкой полагать, что его полностью не существует.

В отношении подавляющего большинства вещей преобладает определенный коммунизм; но это всегда ограничено более широкими или узкими кругами в зависимости от природы рассматриваемой вещи. Поднимаясь от отдельного человека, мы находим в семье самый узкий социальный круг; затем идут соседи по дому и ближайшие родственники, а затем все семьи деревни. Частная собственность наиболее полно признана в каяке, одежде каяка и охотничьем оружии, которые принадлежат только охотнику и к которым никто не должен прикасаться. На них он поддерживает себя и свою семью, и поэтому он всегда должен быть уверен, что найдет их там, где он их в последний раз положил; редко бывает, что их даже одалживают другим. В прежние времена у хороших охотников часто было бы два каяка, но сейчас это редко случается. Снегоступы можно рассматривать почти как принадлежащие к охотничьему снаряжению; но поскольку они были введены европейцами, они не считаются частной собственностью в той же степени; так что, хотя эскимос редко или вообще никогда не прикасается к чужому оружию, он вряд ли дважды подумает, прежде чем воспользоваться чужими снегоступами, не спросив разрешения.

Рядом с одеждой и охотничьими принадлежностями идут инструменты, используемые в домах, такие как ножи, топоры, пилы, коженные резак и т.д. Многие из них, особенно материалы для женского шитья, считаются полностью частной собственностью.

Другие предметы домашнего обихода являются общей собственностью семьи или даже всех жильцов дома. Женская лодка и палатка принадлежат отцу семейства или семье в целом. Дом принадлежит семье, и если несколько семей живут вместе, они владеют им совместно.

Эскимосы ничего не знают о частной собственности на землю; однако, по-видимому, существует общепризнанное правило, согласно которому никто не должен ставить палатку или строить дом в месте, где уже поселились люди, без получения их согласия.

В качестве примера их уважения друг к другу в этом отношении я могу привести обычай, который Ларс Далагер описал так более ста лет назад: 'Летом, когда они берут с собой свои палатки и багаж и думают поселиться там, где живут другие гренландцы, они очень медленно гребут к берегу, а когда подплывают к нему на расстояние ружейного выстрела, останавливаются и налегают на весла, не говоря ни слова. Если те, кто на берегу, также молчат и не подают никаких знаков, вновь прибывшие думают, что их не ждут, и поэтому гребут как можно быстрее в какое-нибудь незанятое место. Но если те, кто на берегу, как это обычно бывает, встречают их комплиментами, такими как: "Посмотрите сюда! здесь хорошие места для ваших палаток, хороший пляж для ваших женских лодок — приходите отдохнуть после дневных трудов!" Они, немного подумав, причаливают к берегу, где остальные стоят, готовые принять их и помочь с выгрузкой багажа. Но когда они снова отправляются в путь, местные жители ограничиваются тем, что помогают спустить на воду женскую лодку, а остальным занимаются сами незнакомцы, если только они не являются очень хорошими друзьями или близкими родственниками, и в этом случае их провожают с теми же знаками почета, с которыми они были приняты, и с некоторыми такими фразами, как эта: "Ваш визит останется для нас приятным воспоминанием"'.^[21]

Возможно, мы можем найти зачатки концепции частной собственности на землю в том факте, что там, где на лососевых реках были построены плотины для сбора рыбы, не считается правильным, если приезжают незнакомцы и разрушают плотины или ловят рыбу сетями в запруженных водоемах, как часто делали европейцы в прежние времена. Об этом тоже упоминает Далагер.

Плавник принадлежит тому, кто первым найдет его плавающим в море, где бы он ни оказался. Чтобы сохранить свое право на него, нашедший обязан отбуксировать его на берег и разместить выше линии прилива, по возможности обозначив его тем или иным способом. К этой форме собственности эскимосы относятся с величайшим уважением, и тот, кто оставил на берегу кусок плавника, может быть уверен, что найдет его снова даже через несколько лет, если только за это время не появятся европейцы. Любой, кто возьмет его, будет считаться негодяем.

Что касается их обычаев давать займы и торговать, я могу снова процитировать Далагера: 'Если один человек одалживает другому что-либо, например лодку, гарпун, леску или другие морские орудия, и это приводит к ущербу — если, например, тюлень уносит гарпун, или рыба обрывает леску, или рыба или тюлень наносит лодке ущерб, — владелец должен понести убытки, а заемщик не возмещает ущерб. Но если кто-либо одалживает дротики или орудия труда без ведома владельца и им причиняется вред, заемщик обязан возместить ущерб. Это случается очень редко, потому что гренландца нужно сильно подтолкнуть, прежде чем он побеспокоит своего соседа одолжить ему что-нибудь, опасаясь, что с этим что-нибудь случится.

"Когда человек совершает покупку у другого и товары ему не подходят, он может вернуть их даже по истечении значительного времени".

"Если кто-то покупает у другого такие дорогие вещи, как лодка или ружье, и покупатель не в состоянии удовлетворить продавца наличными, ему предоставляется кредит до тех пор, пока он

не сможет расплатиться. Но если должник за это время умрет, кредитор никогда не предъявит никаких требований. Это, - добавляет Далагер, - неудобная привычка для торговцев колонии, которые всегда обязаны предоставлять кредит; с чем у меня было несколько случаев, особенно в этом году, когда многие из моих должников ушли из жизни, и это привело меня в немалое замешательство".

Когда он пожаловался "некоторым влиятельным и разумным гренландцам", они посоветовали ему "немедленно зарегистрировать свой иск, но дать вшам этого человека умереть в могиле (как они выразились), прежде чем приступить к казни".

Помимо перечисленных выше статей, [22] гренландец, согласно своим примитивным обычаям, может обладать немногим. Даже если бы у него была способность накапливать богатства, которой он очень редко обладает, его более нуждающиеся товарищи имели бы право предъявить претензии на то из его имущества, которое не было необходимо для него самого. Таким образом, мы обнаруживаем в Гренландии такое прискорбное положение вещей: европейские иммигранты, которых на самом деле поддерживают местные жители, часто богатеют и живут в достатке (во всяком случае, согласно представлениям эскимосов), в то время как сами местные жители находятся в нужде.

У гренландца нет даже неограниченных прав на игру, которую он сам себе обеспечивает. С незапамятных времен существовали твердые правила, в соответствии с которыми она делилась, и есть только несколько видов животных, которых он может довольно хорошо содержать для себя и своей семьи. К ним относятся *атак*, или гренландский тюлень; но даже в этом случае он должен дать порцию жира каждому из кайаков, которые присутствуют при его приеме, и точно так же деревенские дети, когда он возвращается домой, получают по маленькому кусочку жира каждый. Существуют твердые правила для других видов игр, в соответствии с которыми все животное делится между теми, кто присутствовал при его убийстве, или даже между всеми домами деревни. Это особенно верно в отношении моржа и некоторых видов китов, как, например, белый кит; из них охотник получает лишь сравнительно небольшую часть, даже если он убил его без помощи других. Говорят, что когда кита любого размера вытаскивают на берег, это довольно ужасное зрелище - видеть, как все жители деревни, вооруженные ножами, бросаются на него, чтобы получить каждый свою долю, пока он еще в воде.

Сцена настолько кровавая, что Далагер заявляет, что он "никогда не видел и не слышал о разделке кита без того, чтобы кто-то другой не был изувечен или, по крайней мере, тяжело ранен, настолько велико небрежное рвение, с которым несколько сотен человек бросаются на рыбу, каждый делает все возможное для себя, и, следовательно, очень мало обращает внимания на то, куда он наносит удар своим ножом". Однако характерно для их дружелюбия то, что "когда одному из них причиняется вред, он не держит зла на человека, который причинил ему вред, но рассматривает это как несчастный случай".

Такие правила справедливы не только по отношению к более крупным животным; они применимы и к некоторым рыбам. Таким образом, если пойман палтус, рыболов обязан отдать другим охотникам-кайкакам по куску кожи для раздела между собой; и в дополнение к этому, когда он возвращается домой, он обычно отдает часть животного своим соседям по дому. [23]

РЫБАЛКА

Даже когда гренландец выполняет все вышеперечисленные законы, он не всегда может оставить себе свою долю добычи. Например, если он добывает добычу в то время, когда в деревне дефицит или голод, его долгом считается либо устроить пир, либо разделить добычу между другими семьями, которым, возможно, долгое время приходилось обходиться без свежего мяса.

После хорошей добычи они устраивают пир и едят столько, сколько могут. Если не все съедено, а в других домах тоже есть в изобилии, то остатки запасаются на зиму; но во времена дефицита считается долгом тех, у кого что-нибудь есть, помогать тем, у кого ничего нет, даже до последнего остатка еды. После этого они голодают в компании, а иногда и умирают от голода. То, что одни люди живут в достатке, в то время как другие терпят нужду, как мы видим, это происходит ежедневно в европейских сообществах, является неслыханным явлением в Гренландии; за исключением того, что европейские поселенцы, с присущей нашей расе предусмотрительностью, часто имеют запасы продовольствия, в то время как гренландцы голодают.

Из сказанного следует, что тенденция закона заключается в том, чтобы, насколько это возможно, позволить всей деревне пользоваться захваченной добычей, чтобы ни одна семья не была полностью зависима от ежедневной "добычи" тех, кто ее обеспечивает. Это законы, которые выработались на основе опыта долгих веков и закрепились в привычке многих поколений.

Гренландец в целом подобен сочувствующему ребенку по отношению к нуждам других; *его первый социальный закон - помогать ближнему*. От этого и от их привычки держаться вместе,

несмотря ни на что, зависит существование маленькой гренландской общины. Тяжелая жизнь научила эскимоса тому, что каким бы способным он ни был и, как правило, способным постоять за себя, могут наступить времена, когда без помощи своих братьев ему пришлось бы идти ко всем чертям; поэтому лучше всего помогать другим. 'Поэтому все, что бы вы ни хотели, чтобы люди делали с вами, делайте и вы так же с ними' — эту заповедь, одну из первых и важнейших в христианстве, сама природа вложила в гренландца, и он всегда действует в соответствии с ней, чего едва ли можно утверждать о христианских нациях. К сожалению, по мере того, как он продвигается в развитии цивилизации, эта заповедь, кажется, теряет над ним свою власть.

Гостеприимство к незнакомцам у эскимосов является не менее обязательным законом, чем готовность помочь соседям. Путешественник входит в первую попавшуюся хижину и остается там столько, сколько ему удобно. Его доброжелательно принимают и развлекают тем, что может предложить дом, даже если он враг. Когда он отправляется в путь, он часто берет с собой запас еды; я видел, как люди-кайаки выходили из домов, где они несколько дней простояли, защищенные от непогоды, нагруженные мясом палтуса, которое им подарили при отъезде. За развлечения никогда не платят. Европейца тоже везде радушно принимают, хотя гренландцам и в голову не придет предъявлять подобные претензии к его гостеприимству. Европейцы, однако, часто в качестве компенсации угощают своих артистов кофе и другими деликатесами, которые у них могут быть с собой.

То, что гостеприимство считается очень важной обязанностью на восточном побережье Гренландии, явствует из нескольких замечательных примеров, рассказанных капитаном Холмом. Я могу отослать читателя к тому, что он рассказывает об убийце Маратуке, убившем своего отца. Он был плохим человеком, и его никто не любил; тем не менее, когда он появился в доме ближайших родственников убитого, его долго принимали и развлекали — но они плохо отзывались о нем, когда он ушел.

Гостеприимство, конечно, навязано им природой; ибо часто случается, что вдали от дома их настигают бури, так что они вынуждены искать убежища в ближайшем жилище.

К сожалению, похоже, что в последние годы гостеприимство на западном побережье пришло в упадок. Несомненно, что пример снова дают европейцы. И тот факт, что люди уже ни в коем случае не так состоятельны, как в прежние времена, и поэтому менее способны принимать незнакомцев, несомненно, имеет тенденцию в том же направлении.

Многие из моих читателей, вероятно, придерживаются мнения, что я несправедлив к нам, европейцам; но это далеко от моих намерений. Если европейцы не оказали наилучшего влияния, этот факт не всегда можно прямо возложить на них; обстоятельства сделали это неизбежным, несмотря на благие намерения с их стороны. Например, они добросовестно трудились над воспитанием чувства собственности у гренландцев, поощряя их копить часть своей добычи, вместо того чтобы расточать ее за границей обычным для них способом, и так далее; принцип состоит в том, что более развитое чувство собственности является первым условием цивилизации. Является ли это выгодой, многим может показаться сомнительным; что касается меня, то я в этом не сомневаюсь. Я, конечно, должен признать, что цивилизация предполагает гораздо большую способность к приобретению мирских благ, чем у эскимосов; но чего я не могу понять, так это того, какое отношение эти бедные люди имеют к цивилизации.

Это, несомненно, не делает их счастливее, это разрушает то, что есть прекрасного и достойного восхищения в их характере, делает их слабее в борьбе за существование и неизбежно ведет их к бедности и несчастью. Но подробнее об этом при более поздней возможности.

Законы, на которых зиждется языческая община Гренландии, насколько это возможно, воплощены в жизнь при социализме. В этом отношении, соответственно, они более христиане, чем представители любой христианской общины. Современные социальные реформаторы могли бы многому научиться в этих высоких широтах.

Спенсер в одной из своих книг указал, что у человечества есть две религии. Первым и наиболее естественным является инстинкт самосохранения, который побуждает индивида защищать себя от любого внешнего противодействия или враждебного вмешательства. Это он называет религией вражды. Другой - это инстинкт ассоциации, который побуждает людей вступать в общение со своими ближними; и к нему мы относим христианское учение о том, что вы должны любить своего ближнего, как самого себя, и даже должны любить своих врагов. Это он называет религией дружбы. Первая - религия прошлого, вторая - будущего.

Именно эту религию будущего эскимосы, по-видимому, сделали своей в особой степени.

Мужчины одних племен или рас вынуждены объединяться друг с другом под давлением врагов-людей, других - из-за негостеприимного природного окружения. Последнее имело место в случае с эскимосами. Там, где инстинкт объединения и взаимопомощи был наиболее сильно развит, способность сообщества к самосохранению была наибольшей, и оно увеличивалось в численности и благосостоянии; в то время как другие небольшие сообщества, в меньшей степени обладающие этим инстинктом, пришли в упадок или даже вовсе исчезли.

Поскольку мы, как и Спенсер, верим, что религия дружбы принадлежит будущему, что самопожертвование на благо общества является точкой, к которой стремится развитие, мы должны отвести эскимосам высокое место на шкале наций.

Однако возникает вопрос, не действовали ли и наши предки в давно минувшие века по аналогичному принципу. Вполне возможно, что социальное развитие идет по спирали со все более и более широкими витками.

ГЛАВА VIII

ПОЛОЖЕНИЕ И РАБОТА ЖЕНЩИН

Многие ведущие мыслители отмечали, что социальное положение, занимаемое женщинами, является наилучшим критерием места народа на шкале цивилизации. Я не совсем уверен, что так бывает всегда; но если это так, я думаю, мы имеем здесь еще одно указание на то, что эскимосы достигли довольно высокого уровня развития. Ибо эскимосская женщина играет немалую роль в жизни общины.

Это правда, что, согласно примитивным представлениям эскимосов, она практически считается собственностью своего мужа, который либо увез ее, либо иногда купил у ее отца.

Поэтому он может отослать ее, когда ему заблагорассудится, или одолжить, или обменять на другую; и, когда он может себе это позволить, у него может быть больше жен, чем одна. Но, как правило, с ней хорошо обращаются, и мы находим, что такое представление о ней как о движимом имуществе мужа более четко выражено среди многих других рас; в нашем собственном обществе этого даже много, только под несколько иной маской.

Есть некоторые, кто утверждает, что у наших женщин полно дел, но что большая ошибка заключается в том, что их занятия не совсем такие же, как у мужчин. Эти люди будут не более довольны положением дел в Гренландии, поскольку и там занятия двух полов совершенно различны.

Верно, что оба пола носят брюки, и делали это с незапамятных времен; но, тем не менее, они еще не пришли к пониманию того, что между мужчинами и женщинами практически нет разницы.

Они считают, что существуют, среди прочего, определенные существенные физические различия, и воображают, что женщины, как правило, не такие сильные, активные и отважные, как мужчины, и что поэтому они не так хорошо приспособлены для охоты и рыбной ловли. С другой стороны, они не думают, что мужчины лучше всего подходят для того, чтобы заботиться о детях, кормить их грудью и так далее.

Это, без сомнения, причина очень четкой демаркационной линии между занятиями, присущими обоим полам в Гренландии.

На долю мужчины выпадает тяжелая жизнь в море в качестве охотника и добытчика пищи; но когда он достигает берега со своей добычей, он выполнил самую важную часть своей социальной функции. Его встречают его женщины, которые помогают ему сойти на берег; и хотя ему нечего делать, кроме как присматривать за своим каяком и оружием, обязанность женщин - тащить добычу в дом. Во всяком случае, в прежние времена было ниже достоинства любого охотника протягивать руку помощи в этой работе, и так происходит до сих пор с большинством.

Женщины снимают кожу с тюленя и разделяют его в соответствии с установленными правилами, и мать семейства председательствует при его разделке. Кроме того, в обязанности женщин входит готовить пищу, выделывать шкуры, покрывать каяки и женские лодки, шить одежду и выполнять все другие домашние обязанности. В дополнение к этому они строят дома, разбивают палатки и гребут на женских лодках.

Грести в лодке, запряженной женщиной, раньше, во всяком случае, было ниже достоинства охотника, но управлять ею было обязанностью отца семейства. Сейчас мы часто видим мужчин, сидящих и гребущих, особенно если их нанимают путешествующие европейцы. Когда вы основательно привыкаете к их образу жизни, это производит неприятное впечатление; каяк является и должен быть неизменным условием их существования, и чувствуется, что они не должны упускать ни одной возможности потренироваться в его использовании. Даже сейчас ни один охотник первого ранга не снизойдет до того, чтобы сесть в женскую лодку, кроме как в качестве рулевого.

Когда семья отправляется на охоту на северных оленей, стреляют, конечно, мужчины, в то время как на долю женщин часто приходится тащить дичь в палатку; а это трудоемкое дело, требующее большой выносливости.

Единственный вид рыболовства, которым, как правило, занимаются женщины, - это ловля капинов. Сезон для этого - раннее лето, когда капин появляется на побережье такими плотными косяками, что их можно целыми ведрами затаскивать в женские лодки. Ловля продолжается до тех пор, пока не будет запасено достаточно рыбы на зиму; когда это делается, они больше не заботятся о них, какими бы обильными они ни были. Рыбу вялят, раскладывая на камнях; забота женщин - ухаживать за ней, а когда она высушится, упаковывать ее вместе.

Иногда они принимают участие в ловле тюленей, когда устраивается своего рода битва, когда тюленей загоняют в узкие проливы и фьорды и выгоняют на берег.

Зарегистрировано лишь несколько случаев, когда женщины пробовали свои силы в ловле каяка.

Капитан Холм упоминает двух девушек из Имарсивика на восточном побережье, которые увлеклись каяком. Соотношение между мужчинами и женщинами в деревне было печальным: из двадцати одного жителя в ней было всего пятеро мужчин. К сожалению, нам не известно, достигли ли эти женщины такого же высокого мастерства в охоте, как их товарищи-мужчины.

Они полностью переняли мужской образ жизни, одевались по-мужски и причесывались по-мужски. Когда им разрешили выбрать то, что они хотели, из предметов обмена Холма, они не выбрали иголки или другие женские принадлежности, но предпочли наконечники копий для своего оружия. Должно быть, их было трудно отличить от мужчин; я, несомненно, видел их, когда был на восточном побережье в 1888 году, не подозревая об их поле. Холм упоминает, что одной или двум другим девушкам в том же месте также было суждено стать охотницами, но они были еще слишком молоды.

В то время как мужчины проводят большую часть своего времени в море, женщины остаются дома, в своих домах; и там вы обычно найдете их занятыми той или иной задачей, в отличие от тех красавиц по нашу сторону океана, которые только и делают, что едят, бездельничают, сплетничают и спят. Когда они выходят за рамки своих обычных домашних занятий, то обычно занимаются оружием мужчин, украшая его резьбой по кости и т. Д.; Это их главная гордость.

Мужчины обычно сидят на внешнем краю спальной скамьи, спустив ноги на пол; но женщины всегда откидываются на спинку скамьи, скрестив ноги, как портной на своем столе. Здесь они шьют, вышивают, разделяют шкуры своими особыми кривыми ножами, жуют птичьи шкурки и, короче говоря, занимаются многими своими самыми важными занятиями, в то время как их языки находятся в непрерывной деятельности; ибо они очень подвижны и редко испытывают недостаток в теме для разговора. К сожалению, я не могу полностью оправдать их вошедшую в поговорку женскую болтливость; и, если верить Далагеру, они не совсем свободны от более серьезных недостатков. Он говорит: 'Ложь и злословие в основном можно встретить среди женщин. Мужчины, с другой стороны, гораздо честнее и избегают рассказывать о чем-либо, что они не в состоянии подтвердить'.

О женщина, женщина, неужели ты везде одинакова?

Самая первая мысль, которую породил Локи, была ложью, и он приказал ей спуститься
В женском обличье к мужчинам земли.

Выделка шкур - очень важная часть женской работы, и поскольку методы чрезвычайно своеобразны, я дам их краткое описание в том виде, в каком я научилась им у эскимосок района Годтааб. Процессы различаются в зависимости от различных видов кожи и целей, для которых она предназначена.

Кайак-шкурки бывают черного или белого цвета.[24]

Черную кожицу (эрисак) получают путем соскабливания жира с нижней стороны кожицы, пока он свежий, а затем вымачивания его на день или два в несвежей моче, пока волосы не можно будет выщипывать ножом. После их удаления кожуру промывают в морской воде, а летом сушат, но не на солнце. Зимой ее не сушат, а по возможности консервируют, закапывая в снег. Однако, будь то летом или зимой, лучше всего, если сразу после стирки его можно будет растянуть на кайаке, чтобы он высох на каркасе. Эти шкурки темные, потому что зерно или внешняя мембрана шкурки тюленя либо черная, либо темно-коричневая.

Шкурки белого кайака (únek) готовятся следующим образом: пока они совсем свежие и после того, как с них грубо снят жир, их сворачивают в рулет и укладывают в достаточно теплое место либо на открытом воздухе, либо в помещении. Там они лежат до тех пор, пока волосы и наружную оболочку можно будет легко соскрести раковиной мидии. Однако для этой цели гренландские красавицы обычно предпочитают использовать свои зубы, поскольку таким образом они могут высосать определенное количество жира, которое считают вкусным. Затем, летом, шкурки подвешивают сушиться — не на солнце — на деревянную перекладину и часто переворачивают, чтобы они могли равномерно высохнуть по всей поверхности. Зимой они сохраняются, как и черные шкурки, на снегу. Когда с них соскребают темную мембрану, эти шкурки становятся довольно светлыми или белыми, когда они готовы.

Следует отметить, что ни один из этих видов кожи не растягивается при сушке.

Оба вида используются как для женских лодок, так и для каяков.

Для кайака белые шкурки, которые всегда следует хорошо смазывать тюленьим жиром, считаются лучшими летом; с другой стороны, черные шкурки, которые никогда не смазывают жиром, предпочтительнее зимой. Следовательно, опытный охотник должен перепрягать свой кайак дважды в год: в настоящее время, однако, он обычно может сделать это только один раз, а иногда и только раз в два года.

Если тюленьи шкурки используются для изготовления камиков (обуви), то жир и внутренний слой самой кожи соскребают кривым ножом (*уло*) на доске, сделанной специально из китовой лопатки. Когда кожица соскоблена тонко, ее замачивают на день или около того в несвежей моче, пока волосы не можно будет выщипывать ножом. После этого кожу натягивают с помощью маленьких костяных колышков на землю или снег и высушивают. Затем его растирают до тех пор, пока он не станет мягким, и процесс завершен. Поскольку наружная оболочка такого типа кожи не повреждена, она темного цвета.

Шкурки белого камика готовят до определенного момента, как описано выше, но после удаления волосков их опускают в теплую воду (не слишком теплую) до тех пор, пока черная оболочка не ослабнет, а затем погружают в морскую воду, как можно более холодную. Если вся

мембрана не удалена, кожу снова опускают попеременно в теплую и морскую воду, пока она не сойдет. Затем кожицу отделяют и сушат, как черную кожуру.

Белая кожа, будучи не такой прочной и водонепроницаемой, как черная, используется почти исключительно женщинами, которые либо сохраняют ее белой, либо красят по-разному.

Кожа подошвы для камиков готовится так же, как и черная кожа кайака, но при сушке ее отделяют.

Шкуры для кайак-перчаток сначала готовятся так же, как черные шкуры камика, но после удаления волосков их смазывают кровью, а затем скатывают и убирают. Это повторяется два или три раза, пока они не станут полностью черными. Затем их растягивают для сушки — летом на открытом воздухе, а зимой в домашних условиях. Эта кожа удивительно хорошо пропускает воду.

Если шкура тюленя должна быть приготовлена с волосинками, как, например, для внутреннего носка камиков или курток, ее соскабливают с жировой стороны кривым ножом, точно так же, как обычную шкуру камика. Затем его замачивают в воде и моют мягким мылом, после чего ополаскивают в чистой воде, растягивают и сушат, как описано выше. Затем он становится мягким и податливым путем растирания и готов к использованию.

Оленью шкуру просто сушат и натирают, не нанося на нее воду.

При приготовлении птичьих шкурок первым делом тщательно высушивают перья; затем шкурки выворачивают наизнанку, а слой жира как можно тщательнее счищают ракушкой или ложкой и употребляют в пищу — это считается большим деликатесом. Затем шкуры развешивают под крышей для просушки. Через несколько дней с них удаляют последние остатки жира путем пережевывания, затем их снова высушивают, затем трижды промывают в теплой воде с содой и мылом, затем ополаскивают в очень холодной воде, отжимают и развешивают для окончательной сушки. Если необходимо удалить перья так, чтобы остался только пух, как, например, у гагачьей утки, их выщипывают, когда кожа наполовину высохнет. Затем его тщательно высушивают и нарезают, и таким образом он готов к употреблению.

Вышеупомянутое жевание - замечательный процесс. Оператор берет сухую кожицу, почти покрытую жиром, и жует в одном месте до тех пор, пока не будет высосан весь жир и кожица не станет мягкой и белой; затем область жевания медленно расширяется, кожица постепенно отступает все дальше и дальше в рот, пока часто не исчезнет полностью, чтобы, наконец, быть снова выплюнутой с каждой прожеванной частицей жира. Этим промыслом по большей части занимаются женщины и дети, и он пользуется большим спросом из-за количества жира, которое он позволяет им усваивать. Во времена дефицита мужчины часто бывают рады, когда им позволяют внести свою лепту. Это странная сцена, которая предстает, когда кто-то входит в дом и обнаруживает, что все его обитатели таким образом заняты жеванием, каждый с кожей во рту. Благодаря этому процессу получается превосходная шкурка гренландской птицы. Как мало тех, кто восхищался изысканными коврами из гагачьего пуха, украшающими столь многие роскошные европейские дома, имеют хоть какое-то представление о тех этапах, через которые

они прошли! И сколько европейских красавиц, блистающих в дорогих шкурах, содрогнулись бы, если бы могли увидеть в видении все более или менее манящие рты, через которые прошли ее наряды там, на далеком Севере, прежде чем они украсили ее лебедеподобную фигуру!

В целом гренландские женщины отлично используют свои зубы, то для того, чтобы растягивать кожу, то для того, чтобы удерживать ее во время соскабливания, то снова для самого соскабливания. Для нас, европейцев, довольно поразительно видеть, как они вытаскивают шкурку из чана со зловонной жидкостью, в которой она вымачивалась, и сразу же вонзают в нее зубы и начинают ее перевязывать. Рот, по сути, является для них третьей рукой, и поэтому передние зубы старых эскимосских женщин часто стерты до самых пеньков.

Сухожилия тюленей, китов и северных оленей используются в качестве ниток при изготовлении одежды из шкур. Сухожилия просто сушат. Для пошива каяк-курток, каяк-перчаток, а иногда и для камиков также используется пищевод седлового тюленя, кольчатого тюленя, пузырноносового тюленя, малого крапчатого тюленя и баклана. Внешние оболочки пищевода срезаются, пока он совсем свежий, а затем его натягивают на подготовленную для этой цели круглую палочку, смазанную жиром. Иногда пищевод также очищают от раковин мидий. Когда он подсохнет на палочке и будет разрезан вдоль на узкие полоски, он готов к употреблению. Полученная таким образом нить имеет то преимущество перед сухожильной нитью, что она не размягчается в воде.

Гренландские женщины очень способны к своей работе и особенно искусны в обращении с иглой. Стоит только осмотреть швы каяк-кожи, каяк-куртки или рубашки из кишечной кожи, чтобы убедиться в этом. Но их мастерство еще более заметно в восхитительных вышивках, которыми они украшают свои брюки, камики и другую одежду. На западном побережье, где они научились использовать красители у европейцев, теперь они выполняют эти вышивки маленькими лоскутками шкуры разных цветов, которые сшивают вместе в своего рода мозаику. Они работают полностью от руки, без какого-либо рисунка, и демонстрируют большую аккуратность и аккуратность, не говоря уже об их чувстве цвета и формы.

Живя с эскимосами в их домах, совсем не создается впечатления, что женщины подвергаются особому угнетению или пренебрежению. Напротив, мне казалось, что домохозяйки Годтааба и окрестностей часто играли очень важную роль в домашнем хозяйстве, в некоторых случаях даже правили хозяйством. Исходя из моего собственного опыта, я должен сказать, что в том, что Далагер говорит о женщинах, есть большое преувеличение, что "даже то, что должно быть лучшими часами их жизни, с момента их достижения зрелости, является не чем иным, как длинной цепью неприятностей, презрения и печали".

Нельзя отрицать, что в общественной жизни наблюдается определенная разница в статусе между мужчинами и женщинами. Таким образом, во время еды или на вечеринках с кофе сначала помогают охотникам и наиболее важным мужчинам, затем менее важным мужчинам и, наконец, женщинам и детям. Далагер в прошлом веке делает аналогичное замечание в своем описании банкета. Мужчины, по его словам, занимают ведущее место и рассказывают друг другу о своих приключениях, в то время как "женщины тем временем тоже устроили небольшую вечеринку в другом углу, где, без сомнения, не слышно ничего, кроме пустой болтовни". Но,

если уж на то пошло, такое описание было бы применимо и к нескольким другим частям света, помимо Гренландии.

Однако я должен признать, что эскимосские мужчины иногда проявляют прискорбный недостаток вежливости по отношению к дамам. Например, 'когда женщины усердно работают, строят дома, таскают воду или таскают тяжелую ношу того или иного рода, мужчины стоят рядом, засунув руки за пазуху своих курток, и смеются над ними, не предлагая ни малейшей помощи'. Но разве это намного хуже того, что мы часто наблюдаем в Норвегии, когда бергенский крестьянин, возвращаясь с рынка, раскуривает трубку, растягивается на корме лодки и позволяет своим женщинам везти его домой?

То, что женщины не пользуются таким большим уважением, как мужчины, также, к сожалению, очевидно из того факта, что когда рождается ребенок мужского пола, отец ликует, а мать сияет от гордости, в то время как если это девочка, они оба плачут или, во всяком случае, очень недовольны.

Но стоит ли этому так уж сильно удивляться? При всей своей доброте сердца эскимос, в конце концов, не более чем человек. Мальчик, конечно, рассматривается как каяк-мужчина и охотник будущего, опора семьи в старости своих родителей, короче говоря, как прямое дополнение к оборотному капиталу; в то время как они, без сомнения, думают, что в мире всегда будет много девочек.

Та же разница наблюдается и в воспитании детей: мальчиков всегда рассматривают как будущих кормильцев, о которых нужно хорошо заботиться во всех отношениях; и если родители мальчика умирают, его положение ни на йоту не ухудшается, потому что все соседи охотно принимают его в свои дома и делают все возможное, чтобы сделать из него мужчину. С девочками дело обстоит иначе; если они теряют родителей и не имеют родственников, у них действительно всегда может быть вдоволь еды, но им часто приходится мириться с самой жалкой одеждой, так что на них жалко смотреть. Однако, когда они достигают брачного возраста, они оказываются практически на том же уровне, что и девушки, оказавшиеся в более удачливом положении; поскольку не известно такого понятия, как приданое, и их шансы просто зависят от 'красоты и солидности, которые обеспечат им благосклонность в глазах молодых людей — без них их презируют, и они никогда не выйдут замуж, поскольку всегда есть из чего выбирать'. На это, однако, они не могут жаловаться, поскольку сами мужчины находятся в не лучшем положении. Если они недостаточно сильны, чтобы стать хорошими охотниками, как это иногда случается, у них достаточно низкие шансы когда-либо найти пару, и на них все смотрят свысока.

То, что мальчики очень ценятся в свете капитала, вытекает из того факта, что, хотя вдовы не пользуются спросом на брачном рынке, иногда случается, что они находят мужа, "особенно если у них семья из мальчиков; в этом случае они почти уверены, что однажды выйдут замуж за респектабельного вдовца".

Даже после смерти женщины, по-видимому, оказываются в невыгодном положении, как мы можем заключить из следующего замечания Далагера: 'Иногда случается, что женщина, не имеющая большого значения, когда ее настигает смертельная болезнь, оказывается похороненной заживо. Ужасный случай подобного рода произошел некоторое время назад на этом самом месте. Несколько человек заявили, что слышали, как женщина спустя долгое время

после похорон кричала из могилы и просила чего-нибудь выпить. Если вы возразите им по поводу такой бесчеловечной жестокости, они ответят, что, когда пациентка не может выздороветь, лучше, чтобы ее похоронили в месте ее последнего упокоения, чем чтобы выжившие прошли через агонию смерти, наблюдая за ее страданиями. Но это рассуждение несостоятельно; ибо, если бы с кем-либо мужского пола поступили таким варварским образом, это было бы расценено как самое жестокое убийство. Да, это было сделано плохо; но, к счастью, такие события являются исключительными. Более того, их истинную причину, вероятно, следует искать в сильном страхе эскимосов прикасаться к мертвым телам, что заставляет их облачать умирающих, будь то мужчин или женщин, в их погребальные одежды, часто задолго до наступления смерти, подготавливая все для выноса трупа и его погребения, в то время как сам пациент лежит и смотрит. По той же причине они уклоняются от оказания помощи человеку, с которым произошел несчастный случай в море, если кажется, что он уже находится на волосок от смерти, опасаясь, как бы они случайно не наложили на него руки после того, как жизнь покинет его.

ГЛАВА IX

ЛЮБОВЬ И БРАК

Любовь, эта сила, пронизывающая все творение, ни в коем случае не является чем-то неизвестным в Гренландии; но гренландская ее разновидность - простой порыв природы, лишенный множества нежных побегов и замысловатых соцветий оранжерейного растения, которое мы знаем под этим названием.

Это не делает влюбленного больным душой, но толкает его в море, на охоту; это укрепляет его руку и обостряет зрение; ибо его единственное желание - стать опытным охотником, чтобы он мог привести свою Найю домой в качестве своей невесты и содержать семью. И нежная юная Ная стоит на обзорной скале, глядя ему вслед; она видит, с какой скоростью и уверенностью он мчится вперед, как грациозно он орудует веслом и как легко его каяк танцует над волнами. Затем он исчезает вдали; но она все еще смотрит на бесконечный голубой простор, который возвышается над могилами стольких отважных каяков.

Наконец он снова возвращается домой, таща свою добычу; она мчится на пляж и помогает другим женщинам вытащить его добычу на берег, пока он спокойно собирает оружие и поднимается к себе домой.

Но однажды вечером он не возвращается, несмотря на все ее ожидания и пристальные взгляды; пришли все остальные — его забрало море. Она плачет и рыдает, она никогда не сможет пережить этот удар. Но ее отчаяние длится недолго; в конце концов, в мире есть и другие мужчины, и она начинает смотреть на них с благосклонностью.

Чистокровный эскимос обычно женится, как только сможет обеспечить жену. Мотивом не всегда является любовь; 'правильный', возможно, еще не появился на сцене; но он женится, потому что ему нужна помощь женщины, чтобы заготавливать его шкуры, шить одежду и так далее. Говорят, он часто женится до того, как достигнет возраста, позволяющего заводить

детей. Действительно, по словам Холма, на восточном побережье довольно часто мужчины до этого возраста были женаты три или четыре раза.[25]

В прежние времена брак в Гренландии был очень простым делом. Когда мужчине нравилась девушка, он шел к ее дому или палатке, хватал ее за волосы или где-нибудь еще, где ему было удобнее всего ее удержать, и без дальнейших церемоний тащил к себе домой,[26] где ей было отведено место на спальном скамье. Иногда жених дарил ей лампу и новое ведро для воды или что-нибудь в этом роде, и на этом дело заканчивалось. Однако в Гренландии, как и в других частях света, хороший вкус требовал, чтобы дама, о которой идет речь, ни в коем случае не показывала, что она является согласной стороной, как бы благосклонно ни относилась она сердцем к своему жениху. Как хорошо воспитанная невеста среди нас считает своим долгом плакать, проходя мимо церкви, так и эскимосская невеста была вынуждена бороться со своим похитителем, причитать и оплакивать себя изо всех сил. Если бы она была леди самого высокого происхождения, она бы плакала и 'держалась' в течение нескольких дней и даже снова убежала домой из дома своего мужа. Если она заходила слишком далеко в своей заботе о приличиях, иногда, как нам рассказывали, муж, если только он уже не устал от нее, слегка царапал ей подошвы ног, так что она не могла ходить; и до того, как раны заживали, она, как правило, была довольной домохозяйкой.

Когда они впервые увидели браки, заключаемые по европейской моде, им показалось очень шокирующим, что невеста на вопрос, хочет ли она взять в мужья жениха, ответила "Да". По их мнению, ей было бы гораздо приличнее ответить "Нет", поскольку они считают постыдным для молодой леди отвечать на такой вопрос утвердительно. Когда их заверили, что таков у нас обычай, они высказали мнение, что наши женщины, должно быть, лишены скромности.

Описанный выше простой способ заключения брака до сих пор остается единственным, известным на восточном побережье Гренландии, и при похищении невесты иногда применяется немало насилия. Родственники леди, однако, стоят совершенно неподвижно и наблюдают за происходящим. Все это личное дело сторон, и любовь гренландца к взаимопониманию со своими товарищами заставляет его остерегаться вмешиваться в дела других.

Иногда, конечно, случается, что молодая леди действительно возражает своему ухажеру; в этом случае она продолжает свое сопротивление до тех пор, пока либо не научится терпеливо владеть своей душой, либо пока ее похититель не откажется от нее.

Граах приводит любопытный пример[27] доказывает, насколько сложно стороннему наблюдателю определить, каковы на самом деле чувства дамы. Здоровая молодая гребчиха из Восточной Гренландии по имени Келлитюк, находившаяся в его лодке, была однажды схвачена и увезена в горы одним из ее соотечественников по имени Сиоракицок, несмотря на самое яростное сопротивление с ее стороны. Поскольку Граах верил, что он ей действительно не нравится, и поскольку ее друзья утверждали то же самое, он пошел за ней и спас ее. Несколько дней спустя, когда он готовился снова отправиться в путь, а лодка только что была спущена на воду, Келлитюк прыгнула в нее, легла под доски и прикрылась мешками и шкурами. Вскоре выяснилось, что это произошло потому, что Сиоракицок только что высадился на остров, взяв с собой своего отца, чтобы тот поддержал его. Пока Граах на мгновение стоял к нему спиной, он прыгнул в лодку и вытащил красавицу из ее укрытия. Убежденный, что ее жестокий ухажер действительно вызывает у нее отвращение, Граах счел своим долгом спасти ее. Когда он

вынырнул, жених уже наполовину вытащил ее из лодки, а его отец стоял рядом на берегу, готовый протянуть руку помощи. Граах вырвал ее из его рук и посоветовал ему вместо этого попытаться счастья с 'Черной Дороти', еще одной гребчихой, от которой он был бы рад избавиться. Сбитый с толку жених спокойно выслушал его, 'пробормотал себе в бороду несколько невнятных слов и ушел с гневным и угрожающим видом'. Отец не слишком близко к сердцу принял судьбу своего сына, "но помог нам загрузить лодку, - говорит Граах, - а затем, безсомнения, попрощался с нами из лучших побуждений'. Однако, когда они уже собирались трогаться в путь, Келлитюк нигде не было видно, хотя они кричали и искали ее по всему маленькому острову. Очевидно, она где-то спряталась, и они отправились в путь без нее; так что, похоже, у нее, в конце концов, не было непримиримой антипатии к Сиоракицоку.

Среди гренландцев-язычников развод - такое же простое дело, как и брак. Когда мужчина устаёт от своей жены — обратное случается гораздо реже, — ему достаточно, говорит Далагер, 'лечь отдельно от нее на спальные скамейки, не говоря ни слова. Она сразу же понимает намек, 'а на следующее утро собирает всю свою одежду и тихо возвращается в родительский дом, стараясь, насколько это возможно, казаться безразличной. Сколько мужей дома могли бы пожелать, чтобы их жены были гренландками!

Если мужчине нравится жена другого мужчины, он берет ее без церемоний, если оказывается сильнее. Папику, очень уважаемому и искусному охотнику в Ангмагсалике, на восточном побережье, приглянулась молодая жена Патуака, и, таща за собой второго каяка, он отправился туда, где жил Патуак. Он пошел в свою палатку, утащил женщину, заставил ее сесть во второй каяк и уплыл с ней. Патуаку, будучи моложе Папика и не уступая ему в силе и мастерстве, пришлось смириться с потерей жены.[28]

На восточном побережье известны случаи, когда женщины были замужем за десятком разных мужчин. Утукулук в Ангмагсалике перепробовала восемь мужей, а в девятый раз повторно вышла замуж за мужа № 6.[29]

Развестись особенно легко, пока нет детей. Когда у женщины рождается ребенок, особенно если это мальчик, связь может стать более прочной.

На восточном побережье, если мужчина может содержать больше одной жены, он берет другую; поэтому большинство хороших охотников заводят двух, но никогда больше.[30] Похоже, что во многих случаях первой жене не нравится иметь соперницу; но иногда именно она предлагает выйти замуж во второй раз, чтобы получить помощь по хозяйству. В игру может вступить и другой мотив. 'Однажды я спросил замужнюю женщину, - говорит Далагер, ' почему ее муж взял другую жену? "Я спросила его про себя, - ответила она, - потому что устала рожать детей".

Кажется, что первая жена всегда считается главой семьи, даже если муж отдает предпочтение второй.

Полиандрия встречается редко. Нильс Эгедэ упоминает женщину, у которой было два мужа, но и она, и они были ангекоками.[31]

С приходом христианства эти примитивные брачные обычаи, конечно, были отменены на западном побережье Гренландии, где люди теперь объединяются религиозными церемониями, как в Европе. От невесты тоже больше не требуется оказывать столь решительное сопротивление.

Но если раньше найти себе жену было легко, то при новом порядке вещей это стало достаточно сложно. Ибо церемония обязательно должна быть совершена священнослужителем, местными катехизаторами, которые замещают пасторов в различных деревнях и считаются недостаточно хорошими. Таким образом, если вам посчастливилось жить в месте, которое пастор посещает только раз в год или, возможно, раз в два года, вы должны позаботиться о том, чтобы прийти к взаимопониманию с выбранной вами леди как раз вовремя, чтобы воспользоваться этой возможностью. Если молодому человеку взбредет в голову жениться сразу после ухода пастора, ему придется подождать год, а может быть, и два, прежде чем он сможет пройти необходимую церемонию, если, конечно, он и его невеста действительно не готовы отправиться в долгое путешествие в поисках священнического служения.

Такое положение вещей неизбежно привело бы многих к установлению менее обязывающих связей или к вступлению в брак без помощи духовенства, даже если гренландцы от природы были менее склонны к такой распушенности, чем они есть на самом деле. Я слышал о случае, когда священнослужитель, приехав в определенную деревню после двухлетнего отсутствия, должен был подтвердить девушку, жениться на ней и окрестить ее ребенка в тот же день. Это можно назвать упрощенной процедурой. Такой порядок не может не быть вредным, поскольку он подрывает всякое уважение к церемонии, впечатляющуюся которой стремятся усилить, наделяя только духовенство полномочиями совершать на ней богослужения.

С введением христианства многоженство, конечно, было отменено. Миссионеры даже настаивали на том, что, когда мужчина, женатый на двух женах, становится христианином, он должен расстаться с одной из них. В 1745 году эскимос из Фредериксхаба задумал креститься, 'но когда дело дошло до вопроса о разводе со своей второй женой, он начал колебаться, поскольку у него было от нее двое сыновей, которых он, таким образом, потерял бы. В конце концов он передумал и пошел своей дорогой.^[32] В этом его вряд ли можно винить. Подобные случаи, в которых требуется, чтобы мужчина расстался с одной из своих жен, с которой он, возможно, прожил счастливо много лет, все еще время от времени происходят, когда гренландец с восточного побережья поселяется на западном побережье (недалеко от мыса Фарвелл) и принимает крещение. Вряд ли нужно настаивать на лишениях, которые мужчина, таким образом, вынужден причинять женщине. Даже Далагеру в прошлом веке это казалось несправедливостью, и "то, насколько это противоречило Божьим установлениям, что мужчина должен иметь более одной жены, казалось ему проблемой".

Однако полигамия все еще время от времени встречается на западном побережье, и вторая жена, по-видимому, является одной из поблажек, которые первыми приходят в голову гренландцу, когда он склонен запутывать следы.

В Гренландии, как и везде, положение женщин в браке различается в зависимости от обстоятельств каждого конкретного случая. Как правило, хозяин - мужчина; но я также видел случаи, несомненно исключительные, когда серая кобыла оказывалась лучшей лошадью.

У первобытных эскимосов жена, по-видимому, практически считалась собственностью мужа. На восточном побережье иногда случается, что браку предшествует официальная сделка по продаже, когда жених платит отцу гарпуном или чем-то в этом роде за привилегию жениться на его прелестной дочери. Иногда, с другой стороны, отец платит известному охотнику за репутацией, чтобы тот избавил его от дочери, и дочь обязана выйти замуж по приказу своего отца.[33] Более того, на восточном побережье часто случается, что два охотника соглашаются обменяться женами на более длительный или более короткий срок — иногда навсегда. Временные обмены женами, несомненно, все еще происходят и на западном побережье, особенно во время летней охоты на оленей, когда люди живут в палатках в глубине страны. В это время они позволяют себе много вольностей, которые не могут быть подконтрольны миссионерам.

Женатые люди, как правило, живут друг с другом в очень хороших отношениях. Я никогда не слышал, чтобы муж и жена обменялись недобрым словом; и это общий опыт. Далагер заявляет, что "чем дольше супружеская пара живет вместе, тем теснее их объединяет привязанность, пока, наконец, они не встретят старость вместе, как невинные дети". В целом они чрезвычайно внимательны друг к другу, и иногда можно увидеть, как они обмениваются ласками. Однако они не целуются, как это делаем мы, а прижимаются носами друг к другу или нюхают друг друга. Этот процесс я, к сожалению, не могу описать, так как у меня нет необходимой практики.

И на восточном побережье отношения между мужем и женой, как правило, тоже очень хорошие, хотя, по словам капитана Холма, сцены насилия не редкость.

Однажды некий Санимуинак пришел домой к своей супруге Пуйтек, приведя с собой вторую жену, молодую Утукулук (вышеупомянутую даму девяти мужей), после чего Пуйтек рассердилась и принялась ругать своего мужа. Это привело его в такую ярость, что он схватил ее за узел на макушке и ударил сжатым кулаком по спине и по лицу. Наконец он схватил нож и ударил ее в колено так, что хлынула кровь.[34] Холм также рассказывает о случае, когда мужчина получил хорошую взбучку от своей жены. Сцены подобного рода, однако, очень редки среди этого миролюбивого народа.

Любая очень глубокая любовь между мужем и женой, без сомнения, исключительна, глубина чувств, в целом, редка среди эскимосов. Если кто-то умирает, оставшегося в живых обычно довольно легко утешить. 'Если мужчина теряет жену,' говорит Далагер, - не многие представители его пола приходят, чтобы выразить ему соболезнования. Женщины, с другой стороны, садятся на корточки у внутреннего края спальных скамеек в его доме и оплакивают умершего, в то время как он в ответ всхлипывает и вытирает нос. Однако через короткое время он начинает украшать себя, как привык в дни холостяцкой жизни, с особой тщательностью полируя свой каяк и оружие, поскольку именно с этими вещами гренландец всегда устраивает грандиозное шоу. Когда в море он подбегает к своим товарищам в этом блестящем наряде, они говорят друг другу: "Смотри, смотри — вот идет новый шурин". Если он и слышит это, то ничего не говорит, но улыбается про себя. 'Новая жена вдовца обязана сокрушаться о собственном несовершенстве и превозносить достоинства своей предшественницы: 'Отсюда мы узнаем, что гренландские женщины так же способны играть роль, когда затрагиваются их интересы, как и представительницы их пола в более благовоспитанных странах'".

Главной целью брака в Гренландии, несомненно, является рождение детей. Поэтому, как и во времена Ветхого Завета, бесплодных женщин презирают, а бездетные браки часто расторгаются.

В среднем чистокровные гренландцы не отличаются плодовитостью. Общим правилом является рождение двух, трех или четырех детей в каждом браке, хотя есть случаи, когда семьи состоят из шести, восьми или даже более человек.

Близнецы - явление редкое, и женщины часто спрашивали меня, правда ли, что в стране длинных бород (Норвегия) женщины рожали по двое детей одновременно. Когда я ответила, что они рожают не только близнецов, но и тройняшек и даже четверых детей одновременно, они разразились визгливым смехом и заявили, что наши женщины подобны собакам: ведь люди и тюлени вынашивают только по одному за раз.

Как правило, гренландские женщины мало страдают при родах. В качестве примера того, как легко они воспринимают этот инцидент в своей жизни, я могу привести случай, упомянутый Граахом. Когда он проезжал мимо Бернсторфсфьорда, направляясь вдоль восточного побережья, у одной из женщин его компанииначались родовые схватки. Они поспешили высадиться на голую скалу на северной стороне фиорда. Пока продолжались роды, муж растянулся на камне и заснул; но вскоре они разбудили его радостным известием, что у него родился сын. Как уже говорилось, это расценивается как удача, в то время как рождение дочери вызывает безразличие. Соответственно, Эрненок (так звали мужа) выразил свое удовлетворение, улыбнувшись своей супруге и сказав "Аджунгилатит" (Не так уж плохо для тебя). С нашим новым пассажиром мы сразу же отправились в путь".[35]

Язычники-гренландцы убивают детей с уродствами и тех, кто настолько болен, что кажется маловероятным, что они выживут; а также тех, чьи матери умирают при родах, так что некому кормить их грудью. Это они делают, как правило, обнажая ребенка или бросая его в море.[36] Как бы жестоко это ни звучало для многих европейских матерей, тем не менее, это делается из сострадания и, несомненно, разумно; ибо в таких суровых природных условиях, как в Гренландии, мы не можем удивляться, что люди не желают растить потомство, от которого никогда не будет никакой пользы и которое может только уменьшить общий запас средств к существованию.[37] По той же причине люди, которые состарились настолько, что уже совершенно не в состоянии постоять за себя, не пользуются большим уважением, и считается, что им лучше не попадаться на пути. На восточном побережье иногда случается, что старики, которые, по-видимому, вот-вот умрут, тонут или же топятса сами. Подобная практика также применялась в прежние времена на западном побережье (сравните следующую главу).

Гренландские матери очень медленно отлучают своих детей от груди. Они часто дают сосать грудь, пока ребенку не исполнится три или четыре года, и я даже слышал о случаях, когда дети в десять или двенадцать лет продолжали брать грудь. Европейец из Годтааба рассказал мне, что он видел, как лихой юноша лет двенадцати или около того вернулся домой на своем кайаке со своей добычей, бросился к себе домой и там съел печенье, стоя между колен своей матери и время от времени отпивая из ее груди.

Всех детей гренландцев-христиан, конечно, крестят и дают им имена. Однако оригинальные гренландские имена под влиянием миссионеров почти полностью вымерли. Вместо них используются все возможные библейские имена как из Ветхого, так и из Нового Завета.

Вероятно, нигде в мире нет более уверенной встречи со всеми драматическими персонажами Священных Писаний, начиная с Отца Адама и заканчивая Петром и Павлом. Нашему знаменитому другу Далагеру, похоже, не понравилось такое неправильное использование Библии, и поэтому он говорит: 'Однажды я спросил одного миссионера, почему гренландцу при крещении нельзя было позволить сохранить его прежнее имя, которое, вероятно, было очень естественным и хорошим. "Звучит нехорошо, - ответил он, - называть христианина в честь тюленя или морской птицы". Я улыбнулся и ответил, что дома полно Воронов, ястребов и Ворон, которые, тем не менее, считаются отличными людьми. В этом я не могу не согласиться с Далагером.

Гренландцы чрезвычайно любят своих детей и делают все, чтобы они были счастливы, особенно если это мальчики. Эти маленькие тираны часто правят всем домом, и слова Соломона: 'Наказывай сына твоего, пока есть надежда, и пусть душа твоя не жалеет его плача', ни в коем случае не выполняются. Наказание, особенно, конечно, когда дело касается их собственной плоти и крови, они считают в целом бесчеловечным. Я ни разу не слышал, чтобы эскимос сказал недоброе слово своему ребенку. При таком воспитании можно было бы ожидать, что гренландские дети будут непослушными и несговорчивыми. Это совсем не так. Хотя я много путешествовал среди эскимосов на западном побережье, я только однажды видел непослушного эскимосского ребенка, и это было в доме, более европейском, чем эскимосский. Когда дети становятся достаточно взрослыми, чтобы понимать, достаточно мягкого намека отца или матери, чтобы заставить их воздержаться от всего запретного. Я никогда не видел, чтобы эскимосские дети ссорились ни в помещении, ни на открытом воздухе; они даже не разговаривали сердито друг с другом, не говоря уже о драках. Я часами наблюдал за их игрой и даже принимал участие в их футболе (их своеобразная игра, очень похожая на английский футбол), который, как мы знаем, довольно часто приводит к ссорам; но я никогда не видел, чтобы они обменялись сердитым или даже недружелюбным взглядом. Могло ли такое произойти в Европе? Я не буду пытаться определить, в чем может быть причина такого заметного различия между эскимосскими и европейскими детьми. Без сомнения, это происходит главным образом из-за чрезмерно мирного и добродушного темперамента этой расы, лишенного всякой нервозности или раздражительности. Отчасти это можно объяснить также тем фактом, что эскимосские женщины всегда живут в одной комнате со своими детьми и носят их с собой в амаутах на спине, даже когда те идут на работу. Таким образом, они могут оказывать им гораздо более постоянную заботу, и в Гренландии общение между детьми и родителями более непрерывное, чем в Европе.

Мы не должны слишком строго судить эскимосских мальчиков, если они время от времени развлекаются тем, что бросают камни в домашнюю птицу и уток Управляющего Колонией или Пастора, или если они время от времени вторгаются в сад Управляющего и вырывают с корнем или уничтожают растения. Следует помнить, что концепция собственности на землю и представление о том, что человек не волен преследовать или присваивать все, что движется или растет на поверхности земли, совершенно чужды их инстинктивным представлениям. Даже если им прививают такие концепции, они не понимают их ясно; это понятия, которые европейские иностранцы пытались внедрить в своих собственных интересах и которые не основаны на естественном праве.

Чтобы упражнять их зрение и руки, предусмотрительный гренландец дает своим сыновьям, даже когда они еще совсем дети, игрушечные дротики и гарпуны для ловли птиц; и с ними или,

за неимением таковых, с обычными камнями можно увидеть, как трех- или четырехлетние охотники упражняются в охоте на мелких птиц и на все остальное, достойное их страсти к охоте, на что им случается наткнуться. Я уже упоминал, что они начинают практиковать в кайаке в очень раннем возрасте.

Конечно, для гренландского сообщества крайне важно, чтобы подрастающее поколение воспитывалось опытными охотниками. От этого зависит все их будущее.

Девочек также следует рано обучать делу их жизни; они должны научиться шить и помогать своей матери в ее домашних хлопотах.

ГЛАВА X

МОРАЛЬ

Эскимосы, конечно, как и любая другая раса людей, обладают своими добродетелями и слабостями; возможно, с тем отличием от цивилизованных европейцев, что первые более многочисленны по сравнению со вторыми. Но, с другой стороны, ни его добродетели, ни слабости не проявляются в таком высоком развитии.

Однако даже самые ранние описания Гренландии, такие как работы Эгедэ, Кранца, Далагера и других, достаточно ясно показывают ложность частых утверждений о том, что эскимосы стоят на низком моральном уровне; хотя у некоторых из этих авторов, например у Ханса Эгедэ, мы можем проследить явную тенденцию изображать эскимосов, как индивидуальных, так и социальных, в как можно более мрачных тонах, чтобы показать, как прискорбно нуждался этот народ в свете религии и как поэтому было необходимо поддержать гренландскую миссию.

Одной из самых выдающихся и привлекательных черт морального облика эскимоса, безусловно, является его честность. Если некоторые европейцы и отказали ему в этой добродетели, то, я уверен, только потому, что эти джентльмены не потрудились проникнуться сочувствием к его образу мыслей и понять, что он считает бесчестным.

Для эскимоса особенно важно, чтобы он мог с уверенностью полагаться на своих соседей и своих братьев-людей; и первым условием этого взаимного доверия, от которого зависят все совместные действия в борьбе за жизнь, является честность каждого человека в отношениях со своими соседями. Поэтому эскимос считает в высшей степени бесчестным воровать у своих соседей по дому или у односельчан, и очень редко случается что-либо подобное. Даже Эгедэ говорит нам, что они позволяют своим товарам и движимому имуществу лежать открытыми для всех, не опасаясь, что кто-нибудь украдет или заберет хотя бы часть из них.... Этот проступок настолько отвратителен для них, что, если девушку уличат в воровстве, она теряет все шансы удачно выйти замуж.

По той же причине они очень редко лгут друг другу - особенно мужчины. Следующая черта, приведенная Далагером, служит замечательным доказательством этого: "Описывая вещь другому человеку, они очень осторожны, чтобы не раскрасить ее в более яркие цвета, чем она

того заслуживает; особенно при продаже предмета, который покупатель не видел, даже если продавец может стремиться избавиться от нее, он скорее обесценит ее, чем переоценивает".

Когда кто-то должен другому деньги, кредитор, как правило, может быть уверен, что должник расплатится, как только сможет. Датские торговцы подтверждают эту черту. Они часто говорили мне, что с доверием дают займы гренландцам, потому что очень редко случается, что они не возвращаются полностью.

Представление эскимоса о своих обязанностях по отношению к незнакомцам, особенно к людям другой расы, не столь строго. Мы должны помнить, что иностранец для него безразличный объект, в обеспечении благополучия которого он не заинтересован; и для него мало имеет значения, может ли он положиться на иностранца или нет, поскольку ему не приходится с ним жить. Таким образом, он не всегда считает несовместимым с его интересами присвоение части имущества иностранца, если он считает, что это может быть ему полезно.

Первые европейцы, приехавшие в страну, сильно пострадали от этой особенности. Мы не можем сильно удивляться тому, что эскимосы воровали у них, если вспомним, как поначалу вели себя европейские экспедиции после того, как земля была открыта заново. Они часто грабили местных жителей, жестоко обращались с их женщинами и, что было хуже всего, заманивали их на борт своих кораблей, отправляли в плавание и увозили в качестве пленников в Европу. Таким образом, у эскимосов с самого начала было мало оснований считать нас друзьями. Также никоим образом не кажется несовместимым с европейской моралью грабить чужеземные народы, если мы можем судить по тому, как мы обращаемся с коренными народами в Африке и других местах. Или давайте предположим, что это были эскимосы, которые пришли и обосновались на наших берегах и вели себя с нами так же, как мы вели себя в Гренландии, — было бы тогда совершенно несовместимо с нашим моральным кодексом грабить и воровать у них все, что только можно?

Следует также принять во внимание, что по сравнению с эскимосами европейцы обладают собственностью в избытке. Таким образом, согласно эскимосской морали, мы должны иметь возможность обходиться без чего-то из наших излишеств, и если мы отказываемся это делать, то только потому, что мы скупы и эгоистичны.

По мере того как европейцы постепенно оседали в стране и их перестали считать иностранцами, ситуация сильно изменилась, и воровство даже у них теперь редкость. Я полагаю, однако, что, когда предоставляется возможность, туземцы все еще склонны подходить к мелочам, которые, по их мнению, никогда нельзя упускать. Я сам видел, как добропорядочные гренландцы набивали свои карманы и перчатки мукой из бочек в магазине, совершенно не смущаясь того факта, что я наблюдал за ними. В таком случае они, без сомнения, думают, что это Королевская Гренландская компания, за счет излишков которой они помогают себе. Компания не станет ни богаче, ни беднее из-за нескольких горстей еды, которые для них имеют огромное значение, - и в этом приятном убеждении они радостно продолжают свой путь. Боюсь, что такой образ мыслей не свойственен Гренландии.

В остальном следует помнить в качестве смягчающего обстоятельства, что эскимосы с самого начала и даже до сравнительно недавнего времени были бесстыдно обмануты европейскими торговцами, которые использовали фальшивые меры веса и продавали им в обмен товары низкого качества. Мне нужно только упомянуть, ссылаясь на авторитет Соби, что торговцы

прошлого века использовали чрезмерно большие меры в четыре бушеля, которые, вдобавок, не имели дна, но были аккуратно размещены над углублениями в полу. Их туземцам приходилось наполнять своим жиром, когда они хотели его продать, так что то, что выдавалось за четыре бушеля, на самом деле было по меньшей мере шестью. Они прекрасно знали и понимали, что их обманывают, но безропотно подчинились. Сейчас такая практика, конечно, ушла в прошлое.

В доказательство скрупулезного уважения эскимосом морального закона, который он признает, я могу напомнить читателю, что он никогда не прикасается к плавнику, который другой человек положил выше отметки прилива, хотя часто было бы так легко присвоить его, не опасаясь обнаружения. И когда мы, европейцы, нарушаем этот закон и без церемоний пользуемся их запасенным плавником лесом - как мы часто делали, к сожалению, намеренно или нет, - разве у эскимосов, спрашиваю я себя, нет по крайней мере такого же права презирать нас, как у нас — смотреть на них свысока?

Драки и жестокости подобного рода, как упоминалось ранее, среди них неизвестны, а убийства очень редки. Они считают жестоким убивать ближнего; поэтому война в их глазах непостижима и отвратительна, в их языке нет слова для обозначения этого; а солдат и офицеров, воспитанных на ремесле убийства, они считают простыми мясниками.

Действительно, как говорит Эгед, "время от времени случалось, что чрезвычайно злобный человек из жгучей ненависти убивал другого". Но когда он добавляет, что "они относятся к этому свеличайшим хладнокровием, не наказывая убийцу и никоим образом не принимая это близко к сердцу", я полагаю, что он не совсем справедлив к ним. Они, безусловно, испытывают отвращение к преступлению, и если они активно не вмешиваются в это дело, то лишь потому, что считают его личным делом убийцы и его жертвы. Отомстить за его смерть - дело не общины, а просто ближайших родственников убитого, если они в состоянии это сделать; и таким образом, мы находим даже среди этого мирного народа следы своего рода кровной мести, хотя практика развита лишь слабо, и долг, как правило, не кажется тяжелым бременем для оставшихся в живых. Однако в случаях крайней жестокости мужчины деревни, как известно, объединялись против убийцы и убивали его.

Здесь, как и везде, женщины и любовь являются одними из наиболее частых причин кровопролития.

Нападение часто происходит в море, убийца пронзает свою жертву сзади гарпуном или переворачивает свой каяк и проделывает в нем дыру. Не в характере эскимоса нападать на другого лицом к лицу, не столько потому, что он боится, сколько потому, что он застенчив и чувствовал бы себя неловко, приступая к работе на глазах у другого.

Они не считают преступлением убийство старых ведьм и волшебников, которые, по их мнению, могут ранить и даже убить других своим искусством. Также не противоречит их моральному кодексу ускорять смерть тех, кто болен и испытывает сильные страдания, или тех, кто находится в бреду, от которого они испытывают большой ужас.

Из наших заповедей седьмая - та, которую гренландцы наиболее склонны нарушать; ибо, как читатель, возможно, уже понял из предыдущей главы, добродетель и скромность у них не в почете. Особенно это касается эскимосов-христиан западного побережья, которые часто

контактировали с нами, европейцами. Многие из них не считают каким-либо особым позором для незамужней девушки иметь детей. Я видел частые примеры этого. Пока мы были в Годтаабе, две незамужние соседские девушки, которые были беременны, даже не пытались скрыть этот факт и даже перевязали свои головные узлы зеленой лентой[38] задолго до того, как в этом возникла необходимость, казалось, они почти гордились этим видимым признаком того, что ими не пренебрегли. Я видел девушек с зелеными топами, которые не только носили этот цвет в волосах, но и довольно стильно отделывали и расшивали свои анораки лентами того же оттенка, хотя такой порядок действий не является ни обязательным, ни обычным.

Миссионеры, конечно, были яростны в своих осуждениях преобладающей распущенности в этом направлении и пытались привить молодежи обоего пола более строгую мораль, начиная со школьных лет; но им, похоже, не удалось убедить свою паству относиться к вопросу с более высокой точки зрения, поскольку ситуация становится скорее хуже, чем лучше. Когда молодая женщина вступает в незаконную связь с мужчиной, она не пытается этого скрывать; если мужчина действительно европеец, она положительно гордится этим, и это, кажется, обеспечивает ей дополнительное уважение среди подруг. В таком положении вещей главным образом виноваты сами европейцы. Во-первых, молодые мужчины, приезжавшие в Гренландию, часто плохо обращались с местными женщинами и подавали дурной пример; и, во-вторых, европейцам в целом удалось так внушить туземцам, что женщины теперь будут предпочитать самого заурядного европейского моряка самому лучшему эскимосскому охотнику. В результате за полтора столетия, прошедшие с тех пор, как мы поселились в стране, эта раса претерпела такую сильную примесь европейской крови, что сейчас чрезвычайно трудно найти единственного чистокровного эскимоса на всем западном побережье.[39] И это при том, что европейцы составляют лишь небольшую часть населения страны, несколько сотен против десяти тысяч.

Очевидно, что склонность европейцев к этой форме безнравственности ничуть не облегчила миссионерам задачу отстаивания святости седьмой заповеди. Мой опыт, и я полагаю, что опыт большинства наблюдателей, таков, что коренные женщины колоний, где проживает много европейцев, гораздо более нескромны, чем женщины из деревень, где нет европейцев. Например, я могу упомянуть, что женщины в Сардлоке, Корноке, Кангеке и Нарсакке произвели в целом лучшее впечатление, чем женщины в Годтаабе и Новом Херрнхуте, где их поведение часто было прямо противоположным обескураживающему отношению к молодым мужчинам, которые им понравились.

Сексуальная мораль, по-видимому, была значительно выше у эскимосов-язычников до прихода в страну европейцев. Даже Ханс Эгgede, который, как правило, не изображает их моральные качества слишком яркими красками, говорит в своей "Новой перлюстрации": 'С другой стороны, молодые девушки и девицы достаточно скромны. Мы никогда не видели, чтобы они вели себя распутно с молодыми людьми или хотя бы отдаленно приближались к такому поведению ни словом, ни делом. За те пятнадцать лет, что я прожил в Гренландии, я знал только двух или трех незамужних девушек, которые родили детей; они считают это большим позором'.

Общее свидетельство Далагера о национальном характере в этом отношении состоит в том, что "гренландцы, безусловно, склонны к греху несдержанности, но не в такой степени, как другие нации". О девушках он говорит, что "в первые годы своей зрелости они ведут себя очень

целомудренно, потому что в противном случае они наверняка испортят свои шансы на замужество".

Среди язычников восточного побережья в наши дни, похоже, к этому вопросу относятся не так серьезно, поскольку Холм уверяет нас, что "для незамужней девушки не считается позором иметь детей".

Строгая мораль, царившая среди неженатых юношей и девушек западного побережья в языческие времена, по-видимому, была значительно смягчена, когда они поженились. Мужчины, во всяком случае, обладали тогда самой неограниченной свободой. Эгед говорит, что долгое время 'он не мог установить, имели ли мужчины дело с другими женщинами, кроме своих собственных жен, или жены с другими мужчинами; но в конце концов мы обнаружили, что они не были слишком разборчивы в этом отношении'. Он описывает, среди прочего, замечательную игру, ради которой 'женатые мужчины и женщины собираются вместе, как на собрание'. Мужчины по очереди выходили вперед и под аккомпанемент барабана пели песни в честь женщин и любви; после чего бесстыдная распущенность стала нормой дня для всех присутствующих. - Но в этой игре молодым и незамужним из соображений скромности запрещено участвовать; женатые люди не видят в ней ничего постыдного.

Эгед также отмечает, что женщины считают большой честью и счастьем стать наложницей ангекока, то есть 'одного из их пророков и ученых мужей'. "Многие мужья даже относятся к этому благосклонно и иногда платят ангекокам, чтобы те переспали с их женами, особенно если у них самих нет от них детей".

Таким образом, эскимосским женщинам в этом отношении предоставлена гораздо большая свобода, чем женщинам германского происхождения. Причина, вероятно, в том, что, в то время как наследование и сохранение расы и имени были вопросами первостепенной важности для тевтонов, у эскимосов было мало собственности или ее вообще не было, которую можно было бы передавать от отца к сыну, в то время как для них главным является просто рождение детей.

Однако, ссылаясь на вышеупомянутую игру, Далагер заявляет, что это очень редкое явление, "и что следует отметить, что замужняя женщина, должным образом ставшая матерью семейства, никогда не принимает в ней участия".

С другой стороны, он говорит нам, что вдовы и разведенные жены не столь разборчивы. Хотя у молодой девушки очень редко бывает ребенок, можно увидеть пожилых женщин, рожавших столько же детей, как если бы они жили в законном браке. Если их упрекнул в этом, даже их собственные соотечественники, они часто ответят, что их поведение проистекает не из простого распутства, а из естественного стремления иметь детей, которое заставляет их соблазнять многих достойных мужчин".

По нашим представлениям, на восточном побережье нравственность женатых людей тоже оставляет желать лучшего. Я упоминал, например, что мужчины часто обмениваются женами; но обмен - это сугубо личное дело, и мужа обычно возмущает любая неверность жены мужчине, которому он ее одолжил, сам же он, однако, претендует на полную свободу. Живя в своих

зимних домиках, они часто играют в игру по обмену женами или тушению ламп, подобную вышеупомянутой; но в ней принимают участие и неженатые. Холм говорит нам, что "хороший хозяин всегда гасит лампы на ночь, когда в доме гости".

Насколько я знаю, в эту игру больше не играют на западном побережье. Однако женатые гренландцы-христиане, похоже, не питают чрезмерного уважения к седьмой заповеди, и нарушения в поведении далеко не редкость.

Описанные выше нравственные устои в целом кажутся нам очень плохими; но из этого не следует, что эскимосы разделяют это чувство. Нам следует остерегаться того, что мы фиксируемся на одной точке зрения и беспощадно осуждаем идеи и практику, которые опыт многих поколений выработал у другого народа, как бы сильно они ни противоречили нашим собственным. Могут быть глубинные причины, которые не сразу бросаются в глаза и которые выставляют все дело в совершенно ином свете.

Представления о добре и зле в этом мире чрезвычайно расходятся. В качестве примера позвольте мне привести случай с эскимосской девушкой, которая, когда Нильс Эгедэ заговорил с ней о любви к Богу и ее ближнему, сказала ему: 'Я привел доказательство любви к моему ближнему. Однажды старая женщина, которая была больна, но не могла умереть, предложила заплатить мне, если я отведу ее на вершину крутого утеса, с которого наш народ всегда бросался, когда уставал жить; но я, всегда любивший своих соседей, привел ее туда без платы и сбросил со скалы.' Эгедэ сказал ей, что это было дурно сделано и что она убила ближнего. 'Она сказала, что нет, но что ее переполняла жалость к ней, и она плакала после того, как она упала'. Должны ли мы называть это добрым или злым поступком?

В другой раз, когда Эгедэ объяснял, как Бог наказывает злых людей, эскимос заметил, что в этом отношении он подобен Богу, поскольку убил трех старых женщин, которые были ведьмами.

Такое же расхождение в суждениях дает о себе знать и в отношении седьмой заповеди. Для эскимосов другое увещевание расти и размножаться кажется более весомым. Отчасти причина может заключаться в том, что его раса по своей природе не распространена.

Как и многим другим народам, эскимосам казалось странным, что мы не относимся к полигамии с теплым одобрением. Среди них мужчина пользовался уважением пропорционально количеству жен, которыми он обладал, и поэтому они считали ветхозаветных патриархов более разумными, чем мы. Однако это точка зрения, которая, как мы находим, преобладала среди наших собственных предков вплоть до давних исторических времен.

Когда однажды Пол Эгедэ упрекал гренландцев в их полигамности, один из них начал восхвалять свою собственную жену за то, что она "обладала хорошим чувством юмора и никогда не сердилась из-за того, что ему нравились незнакомые женщины". Эгедэ сказал, что 'женщины в нашей стране не смогли бы вынести, если бы их мужья заботились о других; они бы выгнали их из своих домов'. "Это не похвала для ваших женщин, - ответил эскимос, - что они хотят, чтобы их мужья принадлежали только им и были хозяевами над ними; мы считаем это недостатком".

Их образ мышления в этих вопросах менее идеален и более практичен, чем наш, и их точка зрения совершенно иная. Их привычка менять жен, например, и их обращение с бесплодными женщинами кажутся нам распутными и безнравственными; но когда мы вспомним, что

производство потомства является великой целью их поведения, и подумаем, насколько это для них важно, мы, возможно, сможем вынести несколько более мягкое суждение.

Если жена гренландца не рождает детей, его брак не достигает своей главной цели, и вполне естественно, что он должен попытаться найти средство правовой защиты. Молодой человек, у жены которого не было детей, однажды предложил Нильсу Эгедэ лисью шкуру, чтобы тот либо сам пришел ему на помощь в этом деле, либо приказал сделать это одному из своих матросов, и был очень удивлен, обнаружив, что Эгедэ возмущен этим предложением. "В этом не было бы никакого позора, - сказал он, - потому что она замужем и могла бы заполучить одного из ваших женатых моряков".

Однако оказывается, что даже женатые гренландцы по своей природе не лишены того, что мы понимаем как моральное чувство, поскольку их повседневное поведение, как правило, вполне респектабельно и не содержит оскорблений; с этим должны согласиться все путешественники.

Если язычник — а во многих случаях даже христианин — гренландец воздерживается от связи с женой другого мужчины, к которой он относился благосклонно, то, как правило, это, без сомнения, больше потому, что он избегает ссор с мужем, чем потому, что он считает прелюбодеяние аморальным; но из следующей поговорки, распространенной в Ангмагсалике, мы можем заключить, что даже на восточном побережье существует смутное ощущение, что это неправильно. "Кит, овцебык и северный олень, - гласит поговорка, - покинули страну, потому что мужчины слишком много общались с чужими женами". Однако многие мужчины заявляли, что это было 'потому, что женщины ревновали своих мужей'. Ревность женщин также считалась причиной того факта, что канал, который раньше проходил прямо через страну, от Сермелик-фиорда до западного побережья, был перекрыт льдом.^[40]

Эгедэ рассказывает, что, как ни странно, по его мнению, женщины до его приезда не испытывали ревности, когда у их мужей было больше одной жены, 'и очень хорошо ладили друг с другом'; но как только он проповедовал им порочность подобных действий, они начали проявлять большое раздражение, когда их мужья хотели взять вторых жен. "Когда я читал с ними, - говорит он, - и наставлял их в Слове Божьем, они часто убеждали меня четко донести седьмую заповедь до их мужей'. Мужчины, как можно предположить, вовсе не одобряли влияние миссионеров на женщин в этом отношении, и один из них, две жены которого были по уши влюблены, сердито сказал Нильсу Эгедэ: 'Ты испортил их своим учением, и теперь они завидуют друг другу'. Мне кажется, что гнев этого человека был небезоснователен. Что бы мы сказали, если бы гренландцы приехали в нашу страну, ворвались в наши дома и проповедовали нашим женам свою мораль?

Прежде чем мы окончательно осудим мораль эскимосов, нам также, возможно, следует вспомнить золотую максиму о том, что те, кто живет в стеклянных домах, не должны бросать камни. Европейская мораль во многих отношениях имеет такую сомнительную ценность, что мы едва ли имеем право выступать в роли судей. В конце концов, возможно, что самое существенное различие между нашей моралью и моралью эскимосов заключается в том, что у нас худшие события происходят за кулисами, в частичной или полной тайне, и поэтому производят еще более деморализующий эффект, в то время как у эскимосов все происходит на открытой сцене. Инстинкты человеческой природы не могут быть полностью подавлены. С ними дело обстоит так же, как со взрывчатыми веществами: там, где они лежат незащищенными на поверхности, их можно легко 'взорвать', но вреда они причиняют мало; тогда как когда они

лежат глубже и более скрыты, их, возможно, труднее воспламенить, но когда они загораются, взрыв гораздо более сильный и разрушительный, и чем больший вес на них наваливается, тем больший хаос они производят.

Согласно кодексу эскимосов, браки между двоюродными братьями и сестрами или между любыми близкими родственниками запрещены. Даже приемные дети, выросшие в одной семье, не могут вступать в брак. Мужчина должен, по возможности, искать свою жену в другой деревне.

Это правило соответствует так называемому закону экзогамии, или запрещению брака с кровными родственниками, с людьми одной фамилии или даже принадлежащими к одному и тому же клану (у китайцев), готре (у индусов) или роду (у римлян?), который также встречается в несколько иных формах в греческой, а ранее и в католической Церкви, среди славянской и индийской рас и во многих других кругах. Плутарх говорит о римлянах, что в прежние времена они думали о женитьбе на женщинах того же происхождения не больше, чем в его дни думали бы о женитьбе на тетках или двоюродных сестрах. Наши собственные предки в далеком прошлом, вероятно, соблюдали закон экзогамии, который, однако, находится в резком противоречии с господствующим сейчас в Норвегии представлением о том, что в браке должны быть выбраны уроженцы одного и того же места, и, по возможности, ближайшие родственники, даже двоюродные братья. По-видимому, общим правилом является то, что мы находим самые широкие рамки запрета на брак у диких народов, в то время как среди современных и цивилизованных наций преобладает большая свобода. Таким образом, экзогамия представляется пережитком варварства, от которого мы, норвежцы, очень основательно освободились. Очень трудно объяснить происхождение этого закона. Многие авторы, как мы знаем, пытаются проследить это до первобытного представления о женщине как о движимом имуществе и обычно как о пленнице копья, откуда следовало, что жену не следует брать из числа родственников или друзей, но следует уводить из другого племени. Хотя научные авторитеты настроены против меня, мне ни в коем случае не кажется невозможным, что мы также можем обнаружить в основе этого обычая веру в то, что брак между близкими родственниками производит слабое потомство. Во всяком случае, это верование преобладает почти у всех народов в форме страха перед инцестом. Верно, что современные исследования стремились показать, что брак между родственниками не наносит вреда; но независимо от того, обоснован он или нет, несомненно, существовало противоположное убеждение, и из него естественным образом вытекал бы закон экзогамии. Тот факт, что среди гренландцев распространен запрет на браки между жителями одной деревни, легко объясним, если вспомнить вышеупомянутые обычаи, из-за которых невозможно быть уверенным, кто может быть сводным братом или сестрой, а кто нет.

В некоторых отношениях мораль эскимосов-язычников значительно выше той, которую обычно можно встретить в христианских общинах. Поскольку я уже указывал на это (в главе VIII), здесь я лишь напому читателю об их самоотверженной любви к ближнему и взаимопомощи, которым, действительно, мы не находим аналогов в европейском обществе. Эти добродетели, однако, нередко встречаются у примитивных народов и, вероятно, в основном обусловлены более простой структурой общества. Более развитый и, следовательно, более сложный социальный порядок приводит к упадку многих естественных добродетелей человечества.

Но любовь эскимоса к ближнему доходит до того, что удерживает его от клеветы на него и даже от любого рода злословия, особенно в отношении ближнего в буквальном смысле этого слова. Скандал и злоба несовместимы с его миролюбивым и незлобивым нравом. Как уже отмечалось, женщины не кажутся столь образцовыми в этом отношении; но мы знаем, что подобные слабости обычно приписываются слабому полу во всем мире.

Почтение к пожилым людям не является характерной чертой эскимосского характера. Действительно, их почитают до тех пор, пока они способны работать, и если они в молодости были хорошими охотниками и у них есть сыновья, они могут сохранить большое влияние и считаться главами семьи. К женщине, у которой есть здоровые сыновья, также можно относиться с почтением, даже если она достигнет преклонного возраста. Вдова особенно часто обладает большой властью, управляя домом до тех пор, пока она жива, и имея преимущество над своими невестками. Но, как правило, когда люди становятся настолько старыми, что не могут сами о себе позаботиться, к ним склонны относиться с недостаточным вниманием, особенно к женщинам. Иногда молодое поколение даже доходит до того, что высмеивает их, и бедные старики смиряются с этим с большим терпением, считая это просто так устроенным миром.

Чтобы читатель мог составить некоторое представление о привычках мышления примитивных эскимосов в вопросах морали, я цитирую следующее письмо обращенного гренландца Полу Эгедде.^[41] Я привожу это здесь, потому что это во многих отношениях подтверждает высказанные выше взгляды и книгу Эгедде "Рассказы о Гренландии",^[42] в которой напечатан этот перевод (с. 230-236) в настоящее время нелегко достать. Автор был язычником, которого крестил отец Пауля Эгедде, Ханс Эгедде. Письмо, которое, конечно же, было написано по—эскимосски, свидетельствует не только об особой моральной точке зрения, но и о глубоком понимании и чувствах, которых, как говорит Пол Эгедде, вряд ли можно было ожидать "от таких глупых людей, какими мы их до сих пор считали". Это, как будет видно, ответ на послание Эгедде, и оно звучит следующим образом:

Любезная Пауия!^[43]

Вы знаете, как дорого и приятно мне ваше письмо; но как я был потрясен, когда прочитал о гибели такого множества людей в результате сильного землетрясения,^[44] непостижимая для нас, которая, по вашим словам, поглотила за один миг больше людей, чем во всей нашей стране. Я не могу передать вам, как это тронуло меня или как мы были напуганы, так что многие бежали из места, где они жили, в другое, которое было столь же небезопасно, хотя и находилось на скале; ибо даже здесь мы видим, что скалы раскололись от вершины до самых глубин, хотя когда это произошло, никто из нас не знает. Гранитные скалы, из которых состоит наша земля, и песчаные холмы, подобные вашей земле, одинаково легко низвергнуть Богу, в чьей власти находится весь мир, а нас, бедных маленьких животных, легко похоронить в руинах. Вы даете мне понять, что у вас этой зимой не было ни снега, ни сильных холодов, и приходите к выводу, что у нас, должно быть, было еще суровее; но у нас тоже была необычайно мягкая зима. Я слышал, что ваши ученые мужи придерживаются мнения, что такая мягкая погода была вызвана теплыми парами, исходящими от земли во время землетрясения, которые согрели воздух и растопили снежный покров. Но если бы я не слышал, что таково мнение ученых, я бы подумал, что тепло земли мало поможет согреть высоту и ширину воздуха — так же мало, как дыхание человека помогает согреть большой дом, в котором он просто дышит мгновение и затем

выходит снова. Южные ветры, которые всегда теплые и дули у нас круглый год, являются причиной умеренного похолодания, которое у нас было; но почему дул южный ветер, я не могу сказать, как, возможно, и ученые. Были ли эти несчастные люди убиты жарой, или их поглотила земля, или они были потрясены до смерти? Шкипер Б. подумал, что, должно быть, на них обрушились их собственные дома и убили их. Ваш народ, похоже, не очень заботится об этом; ибо они не только веселы, но и рассказывают, что две нации[45], которые приезжают сюда на китобойный промысел, не ваши соотечественники, но той же веры, что и вы, сражаются и стреляют друг в друга как на суше, так и на море, охотятся друг на друга, как мы охотимся на тюленей и северных оленей, и крадут корабли и товары друг у друга. другие - от людей, которых они никогда не видели и не знали, просто потому, что так угодно их господину и наставнице. Когда я спросил шкипера через переводчика, что могло быть причиной такой бесчеловечности, он ответил, что все дело в клочке земли прямо напротив нас,[46] так далеко, что добраться до него можно было только через три месяца плавания. Тогда я подумал, что там, где живут эти люди, должно быть, очень мало земли; но он сказал, что нет, что это только из-за жадности великих лордов к большому богатству и большому количеству людей для правления. Я был так поражен этой жадностью и так боялся, что она обрушится и на нас, что чуть не сошел с ума; но вскоре я снова воспрянул духом, и вы вряд ли догадаетесь почему. Я подумал о нашей покрытой снегом стране и ее бедных жителях и сказал себе: 'Слава Богу! мы бедны и не обладаем ничем, чего могли бы пожелать эти жадные каблунаки [так они называют всех иностранцев]. То, что у нас есть на земле, они не желают иметь, то, что нам нужно для еды и одежды, плавает в великом море; из этого они могут взять столько, сколько смогут, нам всегда хватит. 'Если только у нас будет столько еды, сколько мы сможем съесть, и шкур, чтобы уберечься от холода, мы вполне довольны; и вы очень хорошо знаете, что мы позволяем завтрашнему дню позаботиться о себе самому. Поэтому мы не будем ни с кем воевать, даже если бы были достаточно сильны; хотя мы можем с таким же правом сказать, что море принадлежит нам, как верующие на Востоке могут сказать о неверующих на Западе, что они сами и их имущество принадлежат им. Мы можем сказать, что это наше море, которое окружает нашу землю, и что киты, кашалоты, грампусы, морские свиньи, единороги [то есть нарвалы], белые киты, тюлени, палтусы, лосось, треска и морские скорпионы, которые плавают в нем, тоже принадлежат нам; но мы охотно позволяем другим брать из этого огромного запаса столько, сколько им заблагорассудится. Мы счастливы тем, что у нас не так велика природная алчность, как у них. Я часто удивлялся христианам и не знал, что о них думать — они покидают свою прекрасную землю и терпят много лишений в этой стране, которая для них такая грубая и неприятная, просто ради того, чтобы сделать нас хорошими людьми; но видели ли вы так много зла в нашей стране, слышали ли вы когда-нибудь такие странные и совершенно бессмысленные разговоры среди нас? Их учителя учат нас, как нам спастись от дьявола, которого мы никогда не знали; и все же буйствующие моряки молятся с величайшим усердием, чтобы дьявол забрал их или расколол. Осмелюсь предположить, вы помните, как я в юности учился у них таким фразам, чтобы доставить им удовольствие, не зная, что они означают, пока вы не запретили мне их употреблять. С тех пор как я сам начал понимать их, я услышал о них больше, чем хотел. В этом году, в частности, я слышал так много христиан, что если бы не я, в ходе знакомства с ними, знал многих хороших и достойных людей среди них, и если Ганс Pungioк и Arnarsak, кто был в вашей стране, мне раньше не сказали, что там были многие благочестивые и добродетельные люди есть, я бы хотела, чтобы мы никогда не достигли их, дабы они не развращают наш народ. Осмелюсь предположить, вы часто слышали, как мои соотечественники думают о вас и ваших соплеменниках, что вы научились у нас хорошему поведению; и когда они видят среди вас набожного человека, они часто говорят: 'Он похож на

человека' или 'гренландца'. Вы, без сомнения, помните идею этого забавного парня Оако послать ангекоков [то есть знахарей] в вашу страну, чтобы учить людей быть хорошими, подобно тому, как ваш король послал сюда проповедников, чтобы научить нас, что есть Бог, которого мы раньше не знали. Но я знаю, что ваши люди не испытывают недостатка в обучении, и поэтому это предложение бесполезно. Это довольно странно, моя дорогая Пауя! — Твой народ знает, что есть Бог, творец и вседержитель всего сущего, что после этой жизни они будут либо счастливы, либо несчастны, в зависимости от того, как они будут вести себя здесь, и все же они живут так, как будто им было приказано быть злыми, и грех был к их чести и выгоде. Мои соотечественники, с другой стороны, ничего не знают ни о Боге, ни о дьяволе, не верят ни в наказание, ни в награду после этой жизни; и все же они живут прилично, доброжелательно относятся друг к другу и мирно делятся друг с другом, когда у них есть чем поделиться. Конечно, среди нас тоже есть плохие люди, что доказывает, что мы, должно быть, одного происхождения; и, возможно, мы должны благодарить нашу бесплодную землю за то, что большинство из нас безупречны. (Надеюсь, вы не думаете, что я лицемерно говорю о своих соотечественниках, ибо по опыту знаете, что то, что я говорю, — правда.) Когда я слышал рассказы о вашей прекрасной стране, я часто завидовал ее жителям; ибо у них великое изобилие вкусных плодов земли, а также животных, птиц и рыб бесчисленных видов, прекрасные большие удобные дома, прекрасная одежда, долгое лето, нет снега или холода, нет мошки, но все приятное и желанное; и это счастье, я думал, принадлежит вам одним, потому что вы были верующими и, так сказать, собственными детьми Божьими, в то время как мы, неверующие, были помещены в эту страну в наказание. Но, о, мы, счастливые гренландцы! О, дорогая родина! Как хорошо, что вы покрыты льдом и снегом; как хорошо, что если в ваших камнях есть золото и серебро, до которых христиане так жадны, то они покрыты таким количеством снега, что они не могут до них добраться! Ваша бесплодность делает нас счастливыми и спасает от растления! Pauia! мы действительно довольны своей участью. Рыба и мясо — наша единственная пища; лакомства редко попадают на пути, но когда они попадают, то становятся еще приятнее. Наш напиток — ледяная вода; он утоляет жажду и не лишает понимания или природной силы, как тот сводящий с ума напиток, который так любят ваши люди. Наша одежда сделана из некрасивых шкур с густой шерстью, но она хорошо подходит для этой страны, как для животных, пока шкуры все еще принадлежат им, так и для нас, когда мы забираем их у них. Здесь, слава Богу, нет ничего, что могло бы кого-то соблазнить прийти и убить нас ради этого. Мы живем без страха. Это правда, что здесь, на Севере, у нас водятся свирепые белые медведи; но для борьбы с ними у нас есть наши собаки, которые сражаются за нас, так что мы не подвергаемся ни малейшему риску. Об убийстве среди нас слышат очень редко. Этого не происходит, если только кого-то не подозревают или не обвиняют в том, что он волшебник и убил кого-то своим колдовством, и в этом случае его убивают без угрызений совести те, чей долг в этом состоит, кто думает, что они имеют такое же право, как палач в вашей стране, лишать жизни злоумышленников; но они не хвастаются этим и не благодарят за это Бога, как великие лорды в вашей стране, когда они убили всех людей в другой стране, как сказал мне Д. Конечно, они возносят благодарность и хвалу не доброму Богу, о котором вы нас учите, который запретил нам проливать кровь; это должно быть кому-то другому, кто любит резню и разрушение. Интересно, не к Торнарсуку ли это [дьяволу]? Но и этого не может быть; ибо воздавать какие-либо почести сатане было бы оскорблением перед лицом благого Бога. Я надеюсь, вы объясните мне это в удобное для вас время. Я обещаю не рассказывать об этом своим соотечественникам. Это могло бы навести их на мысль, подобную Кауа, который не осмеливался стать христианином из страха стать таким же, как злые моряки. Я ничего не буду рассказывать вам об обращении моих

соотечественников, поскольку знаю, что наш учитель дал вам всю информацию. То, что вы хотели, чтобы я изучил, я, насколько смогу, рассмотрю. Я не смог провести эксперимент с компасом, поскольку холод в этом году был лишь умеренным. Причина двух конфликтующих течений, несомненно, в том, что вы говорите. Поскольку вы так цените двух рыб, почти превратившихся в камень, я постараюсь раздобыть для вас побольше; как вы и предполагаете, они водятся в глинистых слоях. Теперь, кажется, я обращался к вам— а вы ко мне - теперь я должен закончить свое письмо. Шкипер готов, и ветер попутный. Могущественный Защитник всех нас проведет их через великое и опасное море и сохранит их, особенно от злых охотников на людей, которых, я вижу, они больше всего боятся, чтобы они могли вернуться невредимыми на свою родину и с радостью найти тебя, мой возлюбленный.

Пол Гренландер.

Гренландия, 1756 год.

Это письмо, а также то, что было изложено в предыдущей части этой главы, несомненно, дает нам право утверждать, что примитивная мораль эскимосов во многих отношениях близка к идеалу христианства и даже в одном отношении превосходит его; ибо, как говорит автор письма, гренландцы "ничего не знают ни о Боге, ни о дьяволе, не верят ни в наказание, ни в награду после этой жизни, и тем не менее они живут добродетельно".

Многие люди, без сомнения, сочтут удивительным, что мы обнаружили столь высокоразвитую мораль среди столь некультурной расы и столь нечистых во внешних привычках. Другим, возможно, покажется более удивительным, что эта мораль была развита среди народа, у которого нет религии, или, во всяком случае, очень несовершенной, как мы сейчас увидим. Такие факты несовместимы с теорией, которой все еще придерживаются во многих кругах, о том, что мораль и религия неразделимы. Я думаю, изучение эскимосского сообщества довольно ясно показывает, что мораль в значительной степени проистекает из естественного права и основывается на нем.

ГЛАВА XI

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО—БАРАБАНЫ-ТАНЦЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Я снова и снова стремился внушить читателю, что эскимосы - миролюбивая и доброжелательная раса. Я думаю, нет более яркого доказательства этого, чем их примитивный судебный процесс.

Ошибочно полагать, что у эскимосов-язычников не было возможности вынести любое причиненное им зло на суд своих соплеменников. Однако их судебный процесс носил весьма своеобразный характер и состоял из своего рода дуэли. Здесь не применялось смертоносное оружие, как в так называемых цивилизованных странах; в этом, как и в других вещах, гренландец относился к работе более мягко, вызывая человека, причинившего ему зло, на состязание в песне или танце на барабане. Обычно это происходило на больших летних собраниях, где многие люди собирались в своих палатках. Стороны тяжбы стояли лицом к лицу

друг с другом посреди круга зрителей, как мужчин, так и женщин, и, ударяя в бубен или барабан, каждый по очереди пел сатирические песни о другом. В этих песнях, которые, как правило, сочинялись заранее, но иногда были импровизацией, они рассказывали обо всех проступках своего противника и всячески старались выставить его на посмеище. Тот, кто больше всех заставлял аудиторию смеяться над его насмешками или оскорблениями, был завоевателем. Даже такие серьезные преступления, как убийство, часто искупались таким образом. Нам это может показаться несколько мягкой формой наказания, но для этого народа с его ярко выраженным чувством чести этого было достаточно, ибо худшее, что может случиться с гренландцем, - это выставиться на посмеище в глазах своих соплеменников и подвергнуться их насмешкам. Случалось даже, что человек был вынужден отправиться в изгнание из-за поражения в танце на барабанах.

Этот танец с барабаном до сих пор можно встретить на восточном побережье. Кажется очевидным, что это должно быть чрезвычайно желательное учреждение, и я, со своей стороны, только желаю, чтобы оно было введено в Европе; трудно представить более быстрый и легкий способ улаживания ссор и наказания злодеев.

Миссионеры на западном побережье Гренландии, к сожалению, похоже, придерживались иного мнения. Будучи языческим обычаем, он, следовательно, был, по их мнению, аморальным и вредным; и с введением христианства они выступили против него и искоренили его. Далагер даже говорит нам, что 'едва ли есть какой-либо порок, практикуемый среди гренландцев, против которого наши миссионеры проповедуют более яростно, чем против этого танца, утверждая, что он является поводом для всевозможных проступков, особенно среди молодежи'. Эту политику он отнюдь не одобрял. Он действительно признает, что танцы могут быть поводом для некоторых нарушений, но добавляет, что если девушка решила расстаться со своей добродетелью, она вряд ли выберет столь беспокойное время и место; и нельзя не согласиться с ним, когда он восклицает: "И, по правде говоря, если бы у нас люди танцевали с такой благой целью, мы бы сейчас увидели, как каждый второй моралист и защитник превратился в учителя танцев".

Результатом этого необдуманного действия миссионеров стало то, что на самом деле в Гренландии сейчас не существует ни закона, ни форм правосудия. Европейцы, конечно, не могут или, во всяком случае, не должны вмешиваться в частные дела гренландцев. Но когда в каком-то редком случае происходит преступление реальной важности, датские власти чувствуют, что они должны вмешаться. Последствия такого вмешательства иногда довольно неожиданны. В поселении на севере Гренландии несколько лет назад (так мне сказали) мужчина, убивший свою мать, был наказан изгнанием на необитаемый остров. Для того чтобы он мог прокормить себя в одиночестве, они должны были дать ему новый каяк и небольшой запас еды для начала. Некоторое время спустя, когда еда закончилась, он вернулся в поселение и заявил, что не может жить на острове, потому что в водах вокруг него недостаточно дичи. Поэтому он снова поселился в своем старом доме, и единственной переменной в его жизни, вызванной убийством матери, было то, что у него появился новый каяк.

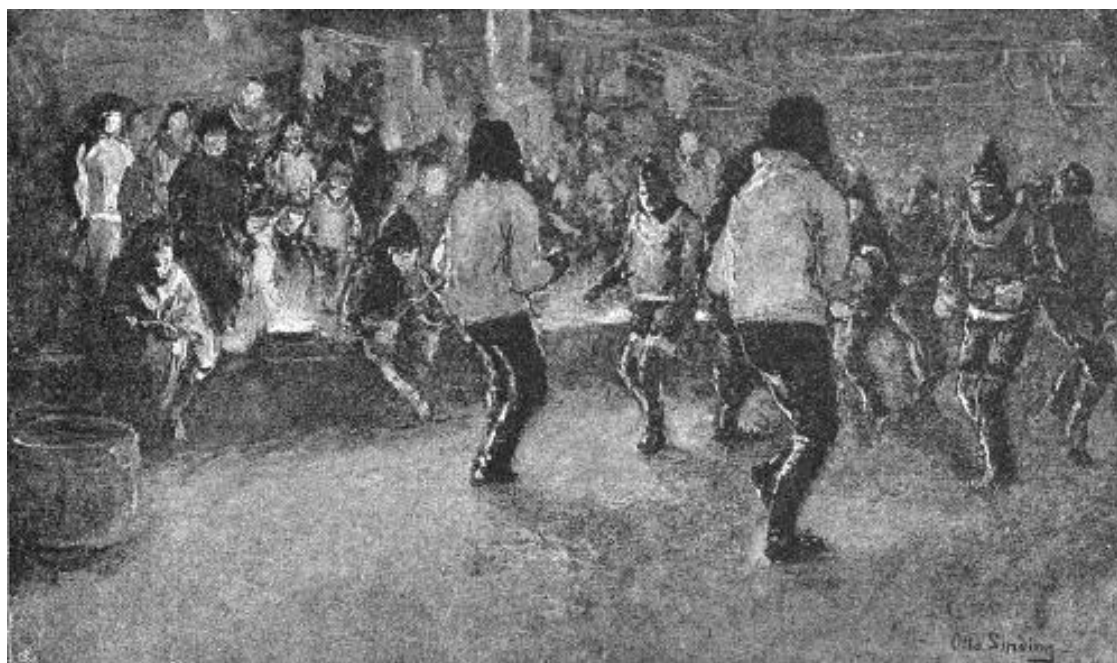
Начальники колоний иногда прибегают к более эффективному методу наказания в отношении женщин: он заключается в отстранении их на определенное время от работы в магазинах.

Помимо того, что танец с барабаном был судебным процессом, он также был отличным развлечением, и его часто танцевали просто ради времяпрепровождения. В этом случае

танцоры пели песни различного рода, одновременно ударяя в барабан и выполняя разнообразную серию более или менее бурлескных извивов тела. Это еще одно соображение, которое должно было заставить миссионеров дважды подумать, прежде чем отменять танцы на барабанах, поскольку развлечения являются жизненной необходимостью, служат освежению ума и имеют совершенно особое значение для народа, который, подобно гренландцам, населяет негостеприимный регион и у которого мало развлечений. Чтобы восполнить потерю танцев с барабаном, они теперь позаимствовали у европейских китобоев и моряков многие европейские танцы, особенно барабанные, которые они до некоторой степени видоизменили в соответствии со своим собственным вкусом. В колониях столярная мастерская, чердак или какое-либо другое большое помещение обычно используется как бальный зал, и здесь танцы проводятся так часто, как разрешат управляющие или другие власти — обычно раз в неделю. В других деревнях танцы проходят в собственных домах гренландцев.

Бал в Гренландии представляет собой живописное зрелище — комната, наполовину освещенная масляными лампами, и толпа людей, молодых и старых, все в своих разноцветных одеждах, некоторые из них принимают участие в танце, некоторые стоят в качестве зрителей тесными группами вдоль стен и на скамейках и сиденьях. Здесь много красоты и изящных форм, смешанных с самым экстравагантным уродством. Во всей сцене царит ощущение искрящегося веселья, а в танце много грации и мастерства. Ноги часто так проворно двигаются в танце, что глаз с трудом может уследить за ними. В прежние времена музыку обычно исполняла скрипка, но сейчас широко используется и аккордеон.

Несчастливым эскимосам, принадлежащим к немецкой или гернхутской общинам, которых в стране несколько, запрещено танцевать и даже смотреть на танцующих других. Если они это сделают, миссионеры отлучат их от церкви или занесут в их черные книги.

ГРЕНЛАНДСКИЙ ТАНЕЦ

Среди других развлечений посещение церкви занимает видное место. Они находят пение псалмов чрезвычайно увлекательным занятием, и женщины, в частности, очень увлекаются им.

Однако женщины считают шопинг, по крайней мере, не менее интересным занятием. Приближается время открытия магазинов, и даже в зимние метели их можно увидеть стоящими группами вдоль стен и ожидающими момента, когда двери Рая распахнутся настежь и они смогут ворваться внутрь. Большинство из них ничего не хотят покупать, но они коротают часы, в течение которых открыт магазин, частично рассматривая все европейские предметы роскоши, особенно материи и шали, частично флиртуя с продавцами, а частично обмениваясь всевозможными более или менее изысканными остротами и "подшучивая" друг над другом.

Ажиотаж особенно велик каждое лето, после прибытия кораблей с грузами новых товаров из Европы. Тогда магазины буквально на осадном положении в течение всего дня. Как и их европейские сестры, эскимосские женщины любят всевозможные новинки, так что, как только они появляются, магазины всюду ими торгуют. Главный момент, насколько я смог понять, заключается в том, что товары должны быть новыми; использование, на которое они должны быть направлены, имеет второстепенное значение.

ГЛАВА XII

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ—ИСКУССТВО—МУЗЫКА—ПОЭЗИЯ—ЭСКИМОСКИЕ РАССКАЗЫ

Гренландцы наделены хорошими умственными способностями и большой изобретательностью. Их орудия труда и оружие, как мы видели, являются ярким доказательством этого. Миссионеры тоже, особенно поначалу, имели слишком широкую возможность оценить остроту своего понимания, когда были настолько глупы, что позволили втянуть себя в дискуссии с язычниками ангекоками. Однако, когда миссионеров загоняли в угол, у них часто имелись в запасе аргументы, которые были гораздо более вескими, чем у туземцев. У них был, как говаривал мой друг, мастер-плотник из Годтааба, "настоящий кулак", и миролюбивые гренландцы не могли не поддаться его уговорам.

Чтобы доказать, что их естественные части тела хороши, я могу упомянуть, что они сравнительно легко учатся читать и писать. Большинство эскимосов-христиан теперь умеют читать и писать, многие из них очень хорошо; действительно, их способность к письму часто просто изумительна. Даже эскимосы-язычники с легкостью учатся играть в домино, шашки и даже шахматы. Я часто играл в шашки с уроженцами округа Годтааб и был поражен способностями и дальновидностью, которые они проявляли.

Всеми нашими обычными областями образования они овладевают с большей или меньшей готовностью. Арифметика - это то, что они считают наиболее трудным, и сравнительно мало тех, кто доходит до того, чтобы компетентно обращаться с дробями; большинству вполне хватает сложения и вычитания целых чисел, не говоря уже об умножении и делении. Несовершенство их дарований в этом направлении, без сомнения, обусловлено давними причинами. Эскимосский язык, как и большинство примитивных идиом, имеет очень неразвитую систему числительных, пять - это самое большое число, для которого у них есть специальное слово. Они считают по пальцам: один, *атаусек*; два, *мардлук*; три, *пингасут*; четыре, *сисамет*; пять, *татдлимат*, последнее, вероятно, было первоначальным словом, обозначающим руку. Когда

эскимос хочет сосчитать больше пяти, он выражает шесть, произнося "первый палец другой руки" (*арфине*к или *иглуане атаусек*); для семи он говорит "второй палец другой руки" (*арфине*к *мардлук*) и так далее. Когда он достигает десяти, у него больше нет рук, чтобы считать, и ему приходится прибегать к своим ногам. Двенадцать, соответственно, представлено "двумя пальцами на одной ноге" (*арканек мардлук*) и так далее; семнадцать - "двумя пальцами на второй ноге" (*арферсанек мардлук*) и так далее. Таким образом, ему удается подняться до двадцати человек, которых он называет целым человеком (*inuk nâvdlugo*). На этом математические представления многих эскимосов заканчиваются; но люди с выдающимся интеллектом могут считать еще дальше и при двадцати одном счете говорят "один на второго человека" (*inûp âipagssâne атаусек*). Тридцать восемь выражается "тремя пальцами на второй ноге второго человека" (*инуп айпагссане арфине*к *пингасут*), сорок - "всем вторым человеком" (*инуп айпагссе нявдлугоа*) и так далее. Таким образом, они могут считать до ста, или 'всего пятого человека'; но дальше этого их язык не поймет даже самый одаренный эскимос.

Это, как будет легко понять, несколько громоздкий метод выражения, когда приходится иметь дело с числами больше двадцати. В прежние времена редко возникала необходимость идти дальше этого; но введение денег и торговли, к сожалению, сделало это более необходимым. Поэтому неудивительно, что, несмотря на их замечательную стойкость к иностранным словам, гренландцы начали все больше и больше перенимать датские цифры, даже для меньших чисел. С их помощью они теперь продвинулись так далеко, что могут считать более чем до ста, что они называют *untritigdlit*^[47]; но я сильно подозреваю, что им все еще трудно сформировать какое-либо четкое представление о столь большом числе. Тысячу они называют *тусинтигдлит*.^[48]

Этот примитивный эскимосский метод счета соответствует тому, что мы находим у большинства примитивных народов, поскольку пальцы рук и ног во все времена были самыми естественными приспособлениями для счета; даже наши предки, без сомнения, вели счет таким же образом. Однако, каким бы несовершенным он ни был, этот метод значительно продвинулся по сравнению с методом австралийских племен, которые не могут считать больше трех, а в некоторых случаях и не больше двух и чьи цифры состоят из: 'Один, два, много'. То, что предки эскимосов, как и всех других народов, когда-то стояли на этом уровне, явствует из их первоначальной грамматики, в которой мы находим единственное, двойственное и множественное число, как в готском, греческом, санскрите, семитских языках и многих других.

Все путешественники единодушны в признании замечательного чувства местности эскимосами и их таланта к топографии. Когда капитан Омани в 1850 году попросил эскимоса с Кейп-Йорка нарисовать побережье, тот взял карандаш, чего никогда раньше не видел, и с поразительной точностью нарисовал береговую линию вдоль пролива Смита от места своего рождения на север, указав все острова и наиболее важные скалы, ледники и горы, и упомянув их названия. Туземцы-язычники принесли капитану Холму карту восточного побережья к северу от Ангмагсалика, вырезанную ими из дерева.

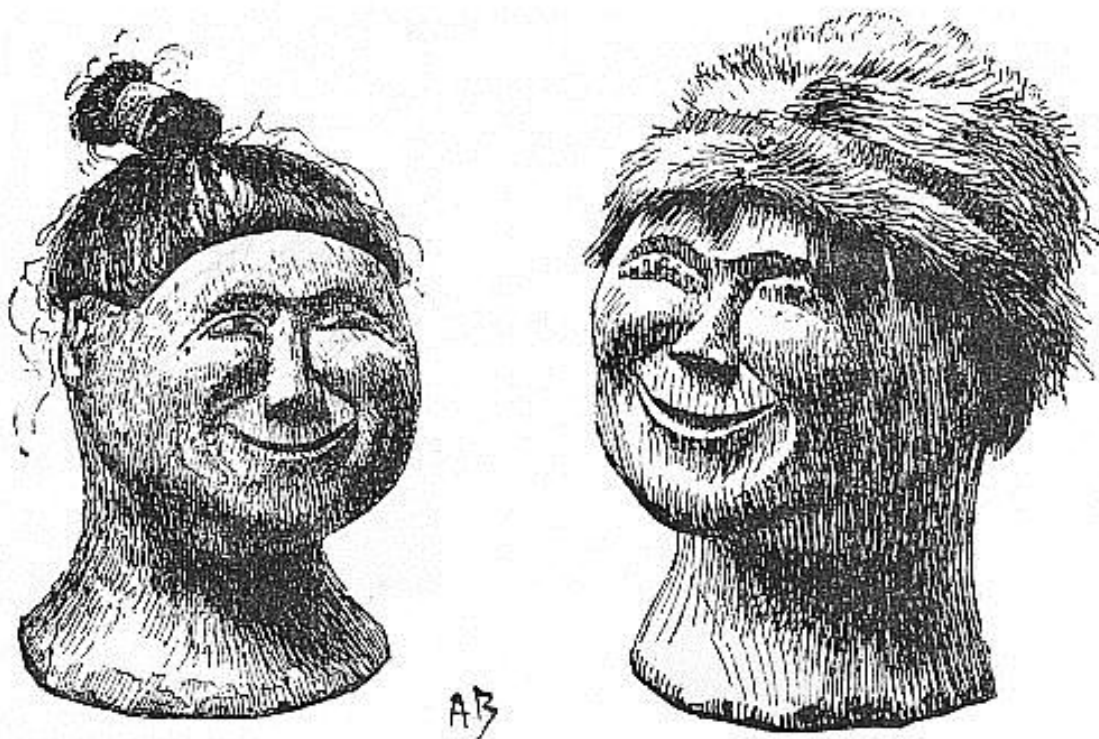
Гренландцы обладают, на мой взгляд, несомненными художественными способностями, и если их культура в этом направлении развита слабо, я полагаю, причина кроется в их тяжелой борьбе за существование, которая не оставляет им времени на художественные занятия. Их искусство^[49] состоит в основном в украшении оружия, инструментов и одежды узорами и фигурами, вырезанными из кости или дерева, или вышитыми по коже. Рисунки часто изображают животных, людей, женские лодки и каяков; но они условны и предназначены

скорее для декоративного или символического эффекта, чем для истинного воспроизведения Природы; действительно, они, как правило, принимали вполне традиционные формы. Некоторые из них также имеют религиозное значение и представляют, например, *торнарссук*— одного из их духов или сверхъестественных существ. Когда они действительно пытаются копировать природу, они иногда демонстрируют редкое чувство формы и умение ее воспроизводить, как можно видеть на замечательных фотографиях капитана Холма кукол и игрушек с восточного побережья, которые, следовательно, совершенно не подвержены влиянию европейских произведений искусства.

Оружие и инструменты, несомненно, были одними из первых вещей, на которых человеческая художественная способность додумалась проявить себя; но само человеческое тело, возможно, было еще более ранним предметом художественного обращения. Реликты этой ранней формы искусства встречаются у эскимосов, женщины стремились подчеркнуть свою привлекательность с помощью геометрических линий и фигур, которые они создавали на лице, груди, руках или ногах, посредством прорисовывания через кожу сухожилий, почерневших от ламповой сажи.

Иероглифы, которые, по мнению многих, были, по крайней мере частично, источником искусства, кажутся достаточно странными, поскольку были неизвестны гренландцам, если только действительно символические узоры в их орнаменте не могут иметь какое-то такое значение. Единственная попытка по-настоящему написать картину, которую мне удалось обнаружить среди них, не свидетельствует об очень высоком уровне таланта. Это было послание Полу Эгеду от ангекока, которое состояло просто из палки, на которой сажой и железнодорожным маслом была нарисована такая фигура: Л. Ангекок крикнул вслед почтальону, когда тот уходил: “Если Пауя Ангекок не понимает, что я имею в виду (хотя, вероятно, поймет), тогда скажи ему: “Это означает пару брюк, которые я хочу, чтобы он купил для меня в магазине”. Но он поймет это достаточно хорошо.

Эскимосы, знакомые с образцами европейского искусства и методами репрезентации, иногда создают замечательные вещи без каких-либо инструкций. Гренландец по имени Аарон однажды заболел и был вынужден оставаться в постели. доктор Ринк прислал ему кое-какие материалы для гравюры по дереву и несколько старых ксилографий. Лежа в постели, он сразу же начал иллюстрировать эскимосские легенды, причем не только рисовал свои рисунки, но и вырезал их на дереве.

ЭСКИМОССКАЯ ВЕНЕРА И АПОЛЛОН

В качестве примера их скульптурного таланта я привожу здесь две вырезанные из дерева головы, которые мне привез уроженец деревни в округе Годтааб. Мне кажется, они выдают ярко выраженное чувство юмора; и едва ли можно сомневаться в том, что художник увековечил черты своей собственной расы.

Музыкальных талантов у гренландцев немало. Они с поразительной легкостью подхватывают нашу музыку и воспроизводят ее, иногда вокально, потому что они очень любят петь, иногда на скрипке, гитаре, органе, аккордеоне или других инструментах, на которых они быстро учатся играть. Это тем более примечательно, что их примитивная музыка, исполнявшаяся во время танцев с барабанами, монотонна и неразвита, как у большинства примитивных народов. В нем используется всего несколько нот, как правило, не более пяти; но, тем не менее, он своеобразен и не лишен интереса. Считается, что в основном это имитация стремительного течения рек. Жители Восточной Гренландии рассказали Холму, что, когда они спят у реки, они слышат пение мертвых и стремятся ему подражать.

Примитивные характеристики их музыки, конечно, были более или менее разрушены их общением с европейцами. Сейчас они переняли многие европейские мотивы, и среди гор и ледников внезапно звучит обрывок уличной песни Копенгагена, как, например, "Джина, прекрасная дева моя, ... не пойдешь ли ты со мной?"

У гренландцев есть огромное количество сказок и легенд, многие из которых очень характерны. Ничто не позволяет лучше понять всю духовную жизнь народа, его характер, чувства и умонастроения, чем содержание этих легенд и манера, в которой они рассказываются. Мы находим в них значительный талант повествования и дар воображения, наряду с гротескным юмором, который, конечно, часто принимает форму грубости.

Помимо этих легендарных преданий (см. Следующую главу) и повествований о подвигах и приключениях, у гренландцев была своя поэзия. Песни были либо пасквилями, какие обычно пели во время вышеупомянутых танцев с барабанами, либо описаниями различных предметов и событий.

Когда с приходом христианства танец на барабанах был отменен, искусство стихосложения также вышло из употребления или приняло новые формы. Тем не менее, гренландцы по-прежнему сочиняют песни. Они часто носят шуточный характер, поэт более или менее невинно высмеивает особенности других людей. Я понимаю, что несколько песен подобного рода были написаны применительно к членам моей экспедиции. Действительно, я часто слышал, как их поют о завершении вечера, хотя мне так и не удалось раздобыть текст ни одной из них.

Благодаря инициативе доктора Ринка в Годтхаабе с 1861 года издается эскимосская газета "*Атуагагдлуитит*". Она напечатана местным жителем Ларсом Меллером, который побывал в Копенгагене, чтобы научиться этому ремеслу, и который даже рисует и литографирует для нее картинки. Он публикуется двенадцать раз в год и распространяется бесплатно среди населения, расходы покрываются за счет государственных средств. Его содержание частично состоит из переводов с датского, частично из независимых материалов местных жителей, описывающих их охоту, путешествия и так далее. Таким образом, была вызвана к существованию совершенно новая литература.

Образец их метода повествования был приведен в 'Первом пересечении Гренландии', том II. стр. 217-236. Оно состояло из отчета эскимоса по имени Сайлас в "*Атуагагдлуитите*" о его экспедиции из Унанак на Годтхааб-фьорде в Амералик-фьорд для оказания помощи четырем членам нашей экспедиции, которые остались там в октябре 1888 года, после того как Свердруп и я отправились в Годтхааб. Следующее повествование из "*Атуагагдлуитит*" также является хорошим образцом их стиля. Более того, это иллюстрирует ту сильную власть, которую их суеверия все еще оказывают на сознание эскимосов, и поэтому представляет интерес в связи с темой моей следующей главы. Я должен поблагодарить миссис Сигне Ринк за ее любезность перевести это для меня.

Наконец-то я посылаю вам кое-что, о чем давно думал, чтобы внести свой вклад в вашу колонку 'Разновидности'. В том, что я должен рассказать, не так уж много, но то, что есть, я видел своими собственными глазами. Я имею в виду забавные обычаи, связанные с убийством медведя в некоторых южных округах, которые совершенно неизвестны в других местах. Все это происходило в 1882-83 годах в Аугпилагтуте, недалеко от Памягдлука.^[50] В Аугпилагтуте есть два эскимосских дома. В одном из них жили трое охотников на тюленей со своими семьями, а именно Бенджамин по прозвищу Акатит, Исаак, или Умангуджок, и, наконец, Мориц; а в другом жил Матеус, которого обычно называли Уливкакаунгамик, или "набитый до отвала", по крылатому словечку, которое он сам имел привычку употреблять. Ему было за семьдесят, но он по-прежнему очень часто ходил на охоту и даже в одиночку убил много медведей.

Случилось так, что однажды в воскресенье, когда все остальные охотники ушли в море, мы, оставшиеся, устроили молитвенное собрание в доме Матеуса. Когда все закончилось, сын Бенджамина был первым, кто вышел на улицу, и он прибежал обратно с криком: "Прямо здесь, снаружи, медведь, он ест жир".

Я был наполовину напуган, наполовину обрадован этой новостью; но старый Матей прямо-таки затрепетал от восторга и воскликнул: 'Спасибо тому, кто принес такую добрую весть; я должен немедленно выйти и убить медведя'. Я посмотрел на него, думая, что он собирается выбрать для себя хорошее оружие, длинный нож или копье. Но ничего подобного! Оружие, которое он взял, едва выступало из его сжатого кулака. "Что толку от этого, - подумал я, - против медвежьей шкуры и толстого слоя жира". Однако женщины в доме не позволили ему напасть на медведя, и все ухватились за него, чтобы удержать, а я им помогал. Все женщины развязали свои верхние узлы и распустили волосы, чтобы медведь мог подумать, что они мужчины, и поэтому держался на расстоянии. Ибо наши предки-язычники думали, что медведи обладают человеческим разумом.

Поскольку мы боялись, как бы этому медведю не взбрело в голову забраться в дом через окно из шкур, мне тоже пришлось подумать о том, чтобы раздобыть какое-нибудь оружие, и поэтому я попросил у них топор; но я, конечно, обнаружил, что его одолжили жильцам другого дома. В то же время я заметил женский нож, лежащий на *наппаке*^[51] рядом с лампой, и я схватил его вместе с куском дерева от старого каяккиля, который я хотел привязать к ножу и использовать как древко копья. Но не успел я взять эти вещи, как кто-то позади меня крикнул: 'Отдай их мне; я намного сильнее тебя!' Это была не кто иная, как дочь Матеуса, вдова. Она забрала у меня их обоих.

Домашние часы^[52] теперь начали бить одиннадцать, и этот грубый медведь сразу же стал выглядеть еще голоднее. Я сразу же бросился останавливать удары, но в своем испуге допустил ошибку и усилил удар ракеткой, пока, наконец, мне не удалось ослабить вес и удары прекратились. Женщины все еще крепко держались за Матеуса, чтобы удержать его на расстоянии. Затем, совершенно неожиданно, мать мальчика, который видел медведя, начала спускать брюки до колен и так расхаживать по комнате, заплетая несколько соломинок. По их словам, это делалось для того, чтобы ослабить медведя и легче было одержать над ним верх. Тем временем старый Матей отделался от женщин и отправился в путь. Я бросился за ним и поравнялся с ним прежде, чем он успел выйти из вестибюля. Он велел мне идти тихо и сказал: "Тише, тише, сейчас он спустится к морю".

Ружье Матеуса лежало в его каяке на берегу, и как только медведь миновал каяк, старик осторожно пополз на четвереньках в том же направлении. Я стоял у входа в проход и увидел, как медведь внезапно повернулся и с ревом бросился к нему. Это напугало меня так, что я побежал в другой дом, где в спешке ввалился в дверь. Пока я все еще лежал, пресмыкаясь на полу, я мог видеть через окно^[53] как медведь и Матей уставились друг другу прямо в лицо, каждый со своей стороны каяка, Матей корчил гримасы, а медведь рычал с широко раскрытой пастью, готовый укунить его; но Матей твердо уперся ногой в каяк и прицелился. , ни на мгновение не отрывая глаз от медведя; а затем он выстрелил. Теперь я поспешил наружу как раз вовремя, чтобы увидеть, как он вонзает свое копье в тушу зверя. Затем он громко крикнул тем, кто был в доме, что теперь им лучше подойти и взять свой *нингек* (кусочек сала). В спешке опередить друг друга женщины почти намертво застряли в узком коридоре дома, часть которого они снесли. Добравшись до медведя, все они засунули руки в рану и слизали немного крови, при этом каждая из них назвала ту часть животного, которую она хотела бы получить. Наконец настала моя очередь выпить крови, и я сделал это, сказав, что хочу одну ветчину в качестве своей порции; но на это они ответили, что все конечности уже приготовлены на заказ и что я, более того, забыл прикоснуться к медведю, когда подошел к нему. Было крайне досадно, что я забыл

эту деталь. Мать мальчика, который первым увидел медведя, теперь побежала за миской с водой и заставила нас всех сделать по глотку, хотя никто из нас не испытывал жажды. Она сделала это для того, чтобы ее сыну всегда сопутствовала удача в отслеживании медведей. Питье крови должно было доказать всему роду медведей, как они жаждут их. Прежде чем приступить к разделке медведя, они продолжали барабанить по его шкуре и кричать: 'Ты толстый, толстый, восхитительно толстый'. Они делают это из вежливости, в надежде, что медведь действительно может быть жирным; но когда мы сняли шкуру с этого зверя, оказалось, что он необычайно тощий.

Когда они внесли голову в дом, я пошел вместе с ними, зная, что они пройдут с ней определенные церемонии. Сначала его положили на край столика с лампой лицом на юго-восток; затем ему заткнули рот и ноздри осадком от ламп и другими видами жира; и, наконец, они украсили макушку всевозможными мелочами, такими как подошвы для обуви, опилки, стеклянные бусы, ножи и т. Д. Юго-восточное направление обусловлено тем фактом, что именно с этой стороны света обычно приходят медведи, которых "великий лед" несет вокруг южной оконечности суши. Ламповый мох в ноздрях предназначен для того, чтобы медведь, на которого они нападут в следующий раз, не почуял приближения людей; а смазывание рта предназначено для того, чтобы доставить ему удовольствие, поскольку предполагается, что медведь любитель всех видов жареного жира. Голова покрыта безделушками, потому что они думают, что медведь послан им их предками с целью унести эти вещи с собой в другой мир; и поскольку они считают, что душа медведя не может добраться до своего дома менее чем за пять дней, они всегда воздерживаются на это время от поедания его головы, чтобы его душа не умерла по дороге, и маленькие подарки их родственникам не были таким образом потеряны. Они даже тщательно затыкают все отверстия на шее, где была отрублена голова, чтобы душа не истекла кровью до смерти во время своего путешествия. Со своей стороны, я называю все это идолопоклонством. Язычники, действительно, верили в старину, что все, живое или мертвое, имеет свою душу; но нет ничего, что следовало бы путать с бессмертной душой человека. Тот факт, что даже в наши дни, спустя столько времени после введения христианства, люди здесь, на крайнем юге, все еще придерживаются некоторых привычек своих предков, объясняется их частыми (почти ежегодными) сношениями с язычниками восточного побережья.

Я покинул Аугпилагтут в 1885 году. Я не совсем уверен, что даже в Памягдлуке не осталось нескольких семей, которые все еще придерживаются этих медвежьих суеверий; но определенно не все — не семья Исаака, например. В других местах, например здесь, в Колонии, они едва ли даже слышали об обычаях, которые я описал.

Мне не сказали, в какой день они собирались приготовить медвежью голову, и поэтому я был удивлен внезапным приглашением прийти и разделить с ними трапезу. Я без церемоний отрезал ему морду, но вскоре они дали мне понять, что я совершил ошибку, сразу же вырвав его у меня из рук. Признаюсь, я был сильно оскорблен и прямо сказал им, что, каким бы глупым они меня ни считали, я ни капельки не верю во все это. Они совершенно искренне заверили меня, что в этом случае я никогда не убью медведя, на что я ответил, что это пророчество, скорее всего, сбудется, поскольку я настолько близорук, что медведь, вероятно, облизнет меня прежде, чем я узнаю о его присутствии.

У них есть и другие обычаи: если они видят на снегу след медведя, они съедают его немного, чтобы быть уверенными в том, что убьют медведя, если ему случится вернуться тем же путем.

Маленьким мальчикам дают в пищу почки медведей, чтобы они могли быть сильными и отважными в охоте на медведя. Кроме того, в течение вышеупомянутых пяти дней они стараются не издавать никаких звенящих звуков, поскольку предполагается, что медведю не нравятся какие-либо звуки.

Матеус сказал мне, что медведь, которого я видел, как он убил, был его одиннадцатым, и что он ни в малейшей степени не испугался его, потому что в данном случае он знал, что может довериться своему ружью; но что однажды раньше, когда он увидел медведя, точно так же выползающего на берег, он бросился прямо на него, вооруженный только копьем. Он сказал, что не может вспомнить, как давно это было.

ГЛАВА XIII

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕИ

Религия и религиозные идеи являются одними из самых замечательных порождений человеческого духа. При всех их противоречащих здравому смыслу утверждениях и поразительных несоответствиях они на первый взгляд кажутся необъяснимыми. Поэтому с незапамятных времен людям было трудно представить, что они возникли иначе, чем через сверхъестественное или божественное откровение, которое, как следовало бы из этого, изначально должно было быть передано всем людям одинаково. Но постепенно, по мере того как люди знакомились с более или менее рудиментарными религиями различных рас, которые часто сильно различаются по самым существенным вопросам, они начали сомневаться в точности этого предположения и все больше и больше задумывались о том, не следует ли рассматривать религиозные идеи как естественный продукт самого человеческого разума под влиянием его окружения.

Первая теория заключалась в том, что они возникли из общего для всех людей религиозного влечения, которое само по себе, следовательно, было в определенном смысле сверхъестественным. Это таинственное, непостижимое предчувствие, говорит Шлейермахер, которое толкает человечество за границы конечного мира и приводит каждого к религии; только путем искалечивания этой естественной склонности может возникнуть нерелигиозность. "Религия начинается с первой встречи жизни Всего с жизнью отдельного человека; это священный и непогрешимый союз - творческое, продуктивное объятие — вселенной с воплощенным разумом".

Постепенно объяснения становились менее расплывчатыми и высокопарными. Пешель и другие считали, что религиозные идеи возникли из потребности постичь причину или начало всех вещей, или, другими словами, что это были источники движения, жизни и мысли, к которым стремилось человечество с его врожденным стремлением осознать абсолют. Другие считают, вместе с Максом Мюллером, что стремление к бесконечному, стремление понять непостижимое, дать название безымянному - это глубокая духовная басовая нота, которая звучит во всех религиях. Другие, подобно О. Пфлейдереру, видят в врожденной и непонятной жажде человечества к красоте, в его фантазии и эстетическом чувстве первые зачатки

религиозного сознания. Наконец, некоторые теоретики пытались объяснить религиозные идеи как результат нравственного чувства человечества, его жажды праведности.

В свете умеренно углубленного изучения религиозных идей эскимосов, как и любого другого первобытного народа, все эти философские теории исчезают. В наш эмпирический век люди все больше и больше приходят к признанию того, что религиозные идеи должны быть приписаны тем же естественным законам, которые обуславливают все другие явления, и придерживаются мнения, как это впервые утверждал Дэвид Юм, что их можно проследить по большей части до двух тенденций в нашей природе — или, возможно, нам лучше назвать их инстинктами, — которые являются общими для всех животных; а именно, *страх смерти и желание жизни*. Из первого инстинкта возникает страх перед мертвыми и внешней природой с ее титаническими силами и жажда защиты от них. Из второго возникает стремление к счастью, власти и другим преимуществам. Таким образом, мы также понимаем тот факт, что ранние религии были не бескорыстными, а эгоистичными, что верующий не столько увлечен созерцанием загадок природы и бесконечного, сколько стремится обеспечить себе какую-то выгоду. Когда, например, предполагается, что амулеты и фетиши обладают сверхъестественной силой, их не только ценят, но и почитают.

Трудно, если не сказать невозможно, вернуться к первым смутным формам, в которых религиозные идеи зарождались на заре человечества, когда мысль начала проступать из первобытного тумана животного сознания. С религиозными идеями в то время было то же самое, что и с первыми органическими существами, возникшими на нашей земле, — они еще не приняли таких определенных форм, их составные части еще не были настолько определенно закреплены, чтобы оставлять за собой следы; то, что мы находим, — это более продвинутые стадии развития. Первые идеи, должно быть, были чрезвычайно неясными впечатлениями, зависящими от многих внешних случайностей, и мы можем вернуться к ним не более разумно, чем можем представить себе появление первых организмов. Мы также не можем определить, на какой стадии развития человечества появились эти первые смутные зачатки религиозных идей — присутствовали ли они, например, у наших обезьяноподобных предков. Мне даже не кажется несомненным, что низшие животные лишены всякого суеверного чувства. Следовательно, мы не можем ожидать обнаружить у какой-либо ныне существующей расы полное отсутствие даже самых рудиментарных суеверных представлений. Мы должны скорее удивляться, что у народа, в остальном столь высокоразвитого, как эскимосы, они все еще остаются на таком удивительно низком уровне.

В свете наших знаний о первобытных религиях мне кажется, что лучше всего не рассматривать вышеупомянутые инстинкты как непосредственную причину суеверных представлений, а скорее различать по крайней мере три зародыша или импульса, которые дали материал, из которого эти инстинкты — в действительности сводимые к одному, инстинкту самосохранения — сформировали все религиозные системы. Это три зародыша: наша склонность персонифицировать природу, наша вера в нее и нашу собственную двойственность и в бессмертие души, а также вера в сверхъестественную силу и влияние определенных неодушевленных предметов (амулетов). Чтобы осознать огромное значение этих зародышей, особенно на примитивной стадии развития, мы должны попытаться мысленно вернуться к точке зрения ребенка, которая наиболее близка к точке зрения первобытного человека. Олицетворять природу для ребенка — не просто мимолетная фантазия; он последовательно рассматривает все окружающие предметы, живые и неодушевленные, как личности и будет, например, вести

долгие беседы со своими игрушками. Один мой знакомый ребенок, стоя однажды на кухне и наблюдая, как в кастрюле варятся длинные сосиски, воскликнул, обращаясь к повару: "Я спрашиваю, эти сосиски уже готовы?" Все мы, наверное, помним из детства, как мы олицетворяли деревья, определенные горы и тому подобное. Это та же самая склонность, как говорит Тайлор, которая вновь проявляется в нашем часто иррациональном желании или жажде мести неодушевленным предметам, которые тем или иным образом причинили нам боль или увечье. Например, когда мы пересекали Гренландию, у нас со Свердрупом были сани, которые было тяжело тащить; мы бы получили вполне реальное удовлетворение, если бы уничтожили их или иным образом отомстили им, когда мы, наконец, оставили их позади. Другой неотъемлемой чертой детского ума является его решимость видеть в каждом движении или событии в своем маленьком мире проявление личной воли.

В первой детской философии человечества тот же метод рассмотрения всех природных объектов как личностей должен был быть совершенно неизбежен. Деревья, камни, реки, ветры, облака, звезды, солнце и луна превратились в живых людей или животных. Эскимосы, например, верят, что небесные тела когда-то были обычными мужчинами и женщинами, прежде чем они были перенесены на небо.

Но после или наряду с этой склонностью должна была также совершенно естественным образом возникнуть тенденция к постижению двойственности в природе и в человеке, ощущение видимого и осязаемого и невидимого и сверхчувственного существования. Давайте, например, вместе с Тайлором представим невежественного первобытного человека, слышащего эхо своего собственного голоса; как он может не верить, что оно произведено человеком? Он ничего не знает о теории звуковых волн. Но когда он слышит его раз за разом и не может найти человека, производящего этот звук, он неизбежно должен приписать его невидимым существам.

Или возьмем, к примеру, росу, которая, как он видит, появляется и исчезает, но он не может сказать, откуда и куда направляется; звезды, которые зажигаются вечером и снова гаснут утром; облака, которые внезапно собираются и так же внезапно рассеиваются; дождь, ветер, течения в воде — разве все это не должно пробудить в нем мысль или представление о видимом и невидимом существовании? Когда первобытный эскимос впервые встретился с ледником, который, как он видел, скользил в море и время от времени порождал могучие айсберги, мог ли он видеть в этом что-либо иное, кроме деятельности живого существа? Он приписывал жизнь самой вещи и рассматривал эти чудовищные рождения как добровольные и внушающие благоговейный трепет действия.

Или, возьмем другой пример, когда первобытный человек видел свою собственную тень или собственное изображение в воде, то здесь, то снова исчезающее, ускользающее как от его прикосновения, так и от его хватки, как это могло не пробудить в нем представление об осязаемых и неосязаемых существах, вещах, которые сейчас могут быть здесь, а в следующий момент могут исчезнуть?

Короче говоря, было много оснований для возникновения идеи двойственности в природе, о видимой и невидимой фазах существования. Но эта вера в двойственность природы, должно быть, была значительно усилена представлениями первобытного человека о самом себе. Когда он спал и ему снилось, что он охотился, танцевал, навещал других, короче говоря, бродил повсюду, а затем проснулся и обнаружил, что его тело не покидало своей пещеры или хижины,

и слышал, как его жена или его товарищи подтверждают это, он, естественно, не мог не поверить, что состоит из двух частей: одной части, которая может покинуть его ночью и пройти через все эти переживания, и другой, которая неподвижно лежит дома. Различать сны и реальность было гораздо большим, чем от него можно было ожидать. Как указывает Спенсер, речь многих примитивных рас по сей день не может выразить это различие, поскольку у них нет возможности сказать 'Мне снилось, что я видел' вместо 'я видел'. Когда он далее заметил, что его тень следует за ним днем, но не ночью, было вполне естественно, что он дал той части, которая была отделена от него, название "тень" или "оттенок", которое, следовательно, стало означать то же самое, что другие называют душой или духом. Вскоре мы увидим, что эскимосы таким образом приобрели свою веру в душу и свое название для нее. Убежденность в его собственном родстве со всеми окружающими предметами еще больше укрепляется наблюдением, что у них есть тени, как и у него самого.

Но когда первобытный человек оказался лицом к лицу со смертью, это, должно быть, произвело на него сильное впечатление, и вера в его собственную двойственность, должно быть, утвердилась в еще большей степени. Здесь, как он увидел, было то же самое тело, тот же рот и те же конечности; разница заключалась лишь в том, что при жизни они говорили и двигались, тогда как сейчас все было тихо. Их речь и движения, должно быть, обусловлены каким-то животворящим принципом, и это, конечно, должна быть душа, которая, как он знал из снов, обладала способностью покидать тело. Мы также должны считать вполне естественным, что душа, которая после смерти покидала тело, стала ассоциироваться с дыханием рта, которого теперь не было; и поэтому (как, например, у некоторых эскимосов) человек был наделен двумя душами, *тенью* и *дыханием*. Эта вера в двойственность души, которая иногда также прослеживается до тени и отражения в зеркале, очень широко распространена, и с ней мы, вероятно, можем проследить наше собственное различие между душой и духом, *психикой* и *пневмой*.

На первый взгляд может показаться естественным, что первобытный человек пришел к выводу, что душа умирает в не меньшей степени, чем тело. На самом деле есть некоторые, кто так думает; но большинство из них, снова встретив умерших в своих снах, пришли к выводу, что их души все еще живы. Более того, было совсем нетрудно представить, что, поскольку душа временно отсутствовала в теле во время сна, бреда и так далее, она постоянно отсутствовала после смерти. Таким образом, вера в продолжение жизни души возникла совершенно естественно и неизбежно; и поскольку идея уничтожения очень непривлекательна для любого живого существа, эта концепция бессмертия сильно привлекла человеческий разум.

Но поскольку большинство людей боятся смерти и мертвых, им не нравится встречаться с ними снова в виде призраков; и поскольку ужас возбуждает воображение, им приписывают сверхъестественную силу, в основном вредную, но иногда и полезную. Поэтому люди приходят к выводу, что разумнее всего умиловить их и подружиться с ними. Так возник тот культ мертвых, который играет столь важную роль в религии большинства народов и который лежит если не в основе, то, во всяком случае, очень близок к ней почти во всех религиях — как, например, у эскимосов.

Нельзя считать противоестественным, что духи умерших, и особенно духи наиболее выдающихся среди них, таких как вожди и принцы, постепенно превращались в богов.

Слово, обозначающее Бога у евреев (*ил* или *эль*), у египтян (*нутар*) и у многих других народов означало только могущественное существо и могло применяться как к героям, так и к богам. Как на земле были особенно могущественные люди, так и в духовном мире должны были быть особенно могущественные духи; и они, естественно, стали божествами *par excellence*, которым было особенно важно поклоняться. Таким образом, мы, наконец, приходим к вере в единого Бога в тот момент, когда в духовном мире устанавливается абсолютная монархия.

Но наряду с этим поклонением предкам мы признаем в качестве мощного фактора развития суеверных идей заметную тенденцию человеческой расы приписывать сверхъестественную силу определенным неодушевленным предметам, которые на примитивной стадии использовались для предотвращения или влияния на силу мертвых или для достижения других преимуществ; и из этого развилась вся широко распространенная вера в амулеты, а возможно, также, в определенной степени, поклонение фетишам. Позже мы рассмотрим, как могла возникнуть вера в силу амулета.

Важную силу, способствующую сохранению и развитию суеверных представлений, когда они однажды возникли, конечно, можно найти во власти знахарей (изгоняющих духов) или священников над своими собратьями. Некоторые умы, и эти самые способные, естественным образом пришли к лучшему пониманию сверхъестественных вещей, чем другие, и установили более тесные отношения с умершими. Было ясно, что таким образом они могли помогать своим соседям, когда, например, вставал вопрос о применении сил умерших на благо отдельного человека или группы людей; и священник таким образом достигал власти и влияния в обществе, а часто и преимуществ более материального характера. Таким образом, в интересах знахарей и священников всегда было поддерживать и лелеять суеверные или религиозные идеи. Они должны сами делать вид, что верят в них; они могут даже открывать новые божественные заповеди для собственной выгоды и тем самым увеличивать как свою власть, так и доходы.

Среди таких народов, как эскимосы, проявляется еще одно влияние, окрашивающее их суеверия; влияние, а именно, природного окружения, среди которого они находятся, и тяжелой и опасной жизни, которую они ведут. Общеизвестным фактом является то, что раса, живущая охотой и рыбной ловлей, имеет особую склонность к суевериям; яркий пример этого мы имеем в нашей собственной стране. Сравните мужчин западного и северного побережий с мужчинами из восточных округов. Первые вынуждены искать средства к существованию главным образом в море, они зависят от ветра и погоды, от появления косяков рыбы и т. Д. — Короче говоря, от целого ряда непостижимых для человека влияний, которые они описывают одним словом как случайность и которые могут быть для них не только неблагоприятными, но даже фатальными. Поэтому они неизбежно становятся суеверными; ни в одной части страны пиетизм и мракобесие не находят такой плодородной почвы, как на западном побережье. Когда мы обращаемся к крестьянам восточных районов, мы обнаруживаем заметную разницу. Он вольготно живет на своей ферме; правда, в некоторой зависимости от ветра и непогоды, но в сравнительно безопасном положении; и поэтому он менее суеверен. Насколько сильнее должен действовать стимул к суеверию на эскимоса, вся жизнь которого зависит от охоты и рыбной ловли! И это еще больше усиливается из-за постоянной опасности, в которой он живет, и из-за его арктического окружения. Природа, такая дикая и величественная, как природа Гренландии — с ее ледниками, айсбергами, миражами, бурями и долгими зимними ночами с мерцающим Северным сиянием, — обладает непреодолимой властью над разумом, вызывает благоговение и ужас и питает воображение. Мы смотрим на все эти чудеса в сухом свете разума;

но первобытный человек, подобно ребенку, компенсирует недостаточное понимание дикой фантазией, и его вера в сверхъестественное укрепляется и развивается.

Мораль, которая, по мнению многих, тесно связана с религиозными концепциями, по своему происхождению имеет мало общего с ними или вообще ничего не имеет. Как уже указывалось в главе X. она проистекает из социального инстинкта и у примитивных рас совершенно отлична от суеверных представлений. Таким образом, у них нет загробной награды за жизнь, полную нравственного совершенства.

Эскимосы в какой-то мере являются примером этого. Это правда, что в гренландских легендах мы находим намеки на наказание в этой жизни за злодеяния, и особенно за колдовство, от рук сверхъестественных сил. Возможно, мертвые могут в определенной степени воздавать выжившим за блага, дарованные им при жизни; души (или последствия?) животных могут отомстить за слишком жестокое убийство своего потомства; душа или дух убитого человека требует, чтобы его убийство было отомщено; зло, причиненное слабому, наказывается разными способами и так далее. Но все эти понятия настолько расплывчаты, что их нельзя рассматривать как первичные или фундаментальные, а скорее как своего рода случайное разрастание из-за естественного смешения социальных отношений и законов с первобытными легендами. Поэтому их можно рассматривать как первые нерешительные шаги религиозных идей по направлению к морали. Только на значительно более позднем этапе религия сознательно и всерьез вступила в союз с моралью, который помогает укрепить и то, и другое. Таким образом, религия приобрела прочную основу, а моральные предписания производят более глубокое впечатление, когда исходят из возвышенного и божественного источника и, более того, подкрепляются обещаниями наград и наказаний за гробом.

Примечательной чертой всех религий является то, что, несмотря на их большие различия во многих основных аспектах, существуют также такие большие и важные сходства, распространенные по всей земле. Это можно объяснить двумя способами: либо исходя из теории, что все религии являются результатом одних и тех же причин, действующих независимо в разных местах, либо исходя из теории, что религиозные концепции возникли в одном месте и оттуда распространились по всему миру. Со своей стороны, я полагаю, что мы можем прибегнуть к обеим теориям, чтобы объяснить это сходство религий. Человеческий мозг и нервная система поразительно схожи у всех рас; различия заключаются главным образом в развитии, которое должно быть связано с прогрессом высших рас. Из этого следует, что мы должны предположить, что одни и те же законы мышления действуют повсюду, особенно на более ранних и менее сложных стадиях развития; и поскольку опыт должен был в определенной мере везде быть одинаковым, люди должны были не только приходить к одним и тем же правильным выводам, но и, когда правильное объяснение не лежало на поверхности, повсюду впадали в одни и те же фундаментальные ошибки; и на этих ошибках построены религии. Но в дополнение к этому, некоторые определенные религиозные концепции, по-видимому, сформировались в определенных местах и в форме передаваемых из уст в уста традиций и легенд проникли во все расы земли. Впоследствии мы найдем красноречивые доказательства того, что они, возможно, достигли даже таких отдаленных рас, как эскимосы.

Вера гренландских эскимосов представляет большой интерес для выяснения затронутых выше вопросов. Она настолько примитивна, что я сомневаюсь, заслуживает ли она названия религии. Существует множество легенд и суеверий, но всему этому недостает ясной и определенной

формы; представления о сверхъестественном варьируются от человека к человеку, и в целом они производят впечатление религии в процессе формирования, массы бессвязных и фантастических представлений, которые еще не выкристаллизовались в определенный взгляд на мир. Мы должны предположить, что все религии в то или иное время проходили именно через такую стадию, как эта.

Гренландцы, как и все примитивные расы, изначально воспринимали природу как одушевленную, каждый предмет — камень, гору, оружие и так далее — имел свою душу. Мы все еще находим следы этой веры. Души инструментов, оружия и одежды следуют за умершим в его странствиях в страну теней; поэтому их кладут в могилу, чтобы там они могли сгнить и их души могли освободиться. Постепенно, однако, это верование запутанным и нелогичным образом, свойственным примитивным расам, смешалось с совершенно другим верованием, а именно с верой в то, что души умерших могут вселяться в различных животных, предметы, горы и тому подобное, которые они подчиняют себе и из которых они могут время от времени выходить, даже являя себя живым. Так возникла вера в то, что в каждом природном объекте обитает особое существо, называемое его *инуа* (то есть его владелец) — слово, которое, что достаточно характерно, первоначально обозначало человека или эскимоса.

Согласно эскимосам, каждый камень, гора, ледник, река, озеро имеют свою инуа; она есть в самом воздухе. Еще более примечательно обнаружить, что даже абстрактные концепции имеют свое значение; они говорят, например, о значении конкретных инстинктов или страстей. Это может показаться удивительным для первобытного народа, но объяснить это не очень трудно. Когда, например, первобытный человек, страдающий от сильного голода, чувствует внутреннее грызущее чувство, вполне естественно, что он должен понимать, что это вызвано существом, которое он поэтому описывает как инуа голода или аппетита. Как правило, эти явления невидимы, но когда их видят, по словам Ринка, они принимают форму яркости или огня, и их вид очень опасен.

Сам человек, по мнению гренландцев, состоит по крайней мере из двух частей: *тела* и *души*, которые, по их мнению, совершенно отличны друг от друга. Душу можно увидеть только с помощью особого чувства, которое обнаруживается у людей при определенных условиях или у тех, кто обладает особым даром, а именно у ангекоков. Он имеет ту же форму, что и корпус, но имеет более воздушную композицию. Ангекоки объяснили Хансу Эгеду, что души 'довольно мягкие на ощупь, на самом деле едва осязаемые, как будто у них нет ни мышц, ни костей'.^[54] Жители восточного побережья считают, что душа довольно мала, не больше ладони или пальца. Гренландское слово, обозначающее душу, - *тарник*; это напоминает слово *таррак*, которое означает тень, и я думаю, не может быть сомнений в том, что изначально это было одно и то же слово, поскольку эскимосы, как указывалось ранее, считали душу и тень одним и тем же.^[55] Это в точности соответствует тому, что мы находим у других народов. Фиджиец, например, называет свою тень своей темной душой, которая покидает его ночью; его отражение в зеркале - это его светлая душа. *Таррак* на гренландском языке означает одновременно тень и отражение, так что первоначальное слово, обозначающее душу, означало все эти три вещи. Согласно Кранцу,^[56] некоторые гренландцы верили, что у человека две души: его тень и его дыхание (сравните выше, стр. 216 и др.). Общее убеждение во времена Эгеды и Кранца, по-видимому, состояло в том, что душа была наиболее тесно связана с дыханием.

Например, ангекок обычно дул на больного человека, чтобы вылечить его или дать ему новую душу.

Стоит отметить, что Хансерак, местный катехизатор из Западной Гренландии, сопровождавший капитана Холма в его путешествии вдоль восточного побережья (в 1884-85 годах), заявил в своем дневнике (написанном по-эскимосски), ссылаясь на веру ангмагсаликов в душу, что 'у человека много душ. Самые крупные обитают в гортани и с левой стороны, и представляют собой крошечных человечков размером с воробья. Остальные души обитают в других частях тела и имеют размер сустава пальца. Если убрать одного из них, заболевает именно его член".[57] Было ли это поверье когда-либо широко распространено среди эскимосов, из других источников информации не следует.

Душа вполне независима и, таким образом, может покинуть тело на любое время, короткое или продолжительное. Он делает это каждую ночь, когда в ярких снах отправляется на охоту или присоединяется к веселью и так далее. Душа также может оставаться дома, когда человек находится в путешествии, понятие, которое, по мнению Кранца, возникает из-за тоски по дому. Ее также можно потерять или украсть с помощью колдовства. Затем человек заболевает и должен заставить своего ангекока отправиться в путь и вернуть свою душу обратно. Если за это время с ним случилось какое-либо несчастье, например, если его съел торнарссук другого ангекока, человек должен умереть. Ангекок, однако, обладал также способностью давать новую душу или обменивать больную душу на звук, который, по словам Кранца, он мог получить, скажем, от зайца, северного оленя, птицы или маленького ребенка.

Самое странное из всего этого то, что душа могла быть потеряна не только целиком, но и отдельные ее части могли сбиться с пути; и тогда приходилось вызывать ангекока, чтобы залатать ее.

Согласно Холму, у гренландцев восточного побережья в состав человека входит третий элемент в дополнение к этим двум, а именно "имя" (*атеката*). 'Имя такое же большое, как сам человек, и входит в ребенка после его рождения, когда его рот смачивается водой, и в то же время произносятся "имена" умерших'. У всех гренландцев, даже у христиан, первого ребенка, родившегося после смерти члена семьи, почти всегда называют в его честь, чтобы обеспечить ему покой в могиле. Восточно-гренландский житель считает, что "имя" остается с телом или мигрирует через разных животных,[58] пока им не назовут ребенка. Поэтому долг - позаботиться о том, чтобы это было сделано; в противном случае могут последовать дурные последствия для ребенка, которому следовало бы дать это имя.

Это поверье удивительно похоже на то, которое (как сообщает мне профессор Мольтке Мо[59]) распространено в Норвегии: а именно, что мертвые "ищут имена". Беременной женщине снится тот или иной умерший родственник, который приходит к ней ("в поисках имени"), и в его честь она должна назвать своего ребенка; в противном случае она виновна в акте пренебрежения, который может пагубно сказаться на будущем ребенка.[60] Такое же суеверие встречается и у лопарей. У колошей на Северо-Западе Америки мать видит во сне умершего родственника, душа которого передает ребенку его подобие. У индейцев также принято, чтобы наречение детей зависело от сна.[61]

В Гренландии, как и везде, имя имеет большое значение; считается, что существует духовная близость между двумя людьми с одинаковым именем,[62] и что характеристики умершего

человека передаются тому, кого называли в его честь, который, более того, специально обязан противостоять влияниям, ставшим причиной смерти его предшественника. Таким образом, именинник человека, погибшего в море, должен считать своим особым долгом бросать вызов морю в своем кайаке - понятие, которое также встречается у других рас, например, у индейцев.

Гренландцы очень боятся упоминать имена погибших. На восточном побережье, по словам Холма, этот страх заходит так далеко, что, когда два человека носят одно и то же имя, выживший должен изменить свое; и если умершего называли в честь животного, предмета или абстрактной идеи, слово, обозначающее это, должно быть изменено. Таким образом, язык подвергается важным временным изменениям, поскольку эти повторные крещения принимаются всем племенем.[63] Тот же обычай очень широко распространен среди индейцев Северной Америки и Патагонии, среди самоедов в Азии и цыган в Европе. Он также встречается в Восточной Африке, на Мадагаскаре, в Австралии, Тасмании, Новой Гвинее и островах Общества. Когда умерла королева Таити Помаре, слово *ло* (ночь) исчезло из языка, и его место заняло *ми*. [64]

Страх упоминания имен умерших также встречается в Европе — в Германии, на Шетландских островах,[65] и в других местах — и, без сомнения, также среди нас, в Норвегии. В Гренландии, как и среди некоторых коренных народов Америки и Зондских островов,[66] больные люди, носящие то же имя, что и умерший, меняют его, чтобы обмануть смерть.

Жители Восточной Гренландии также боятся произносить свои собственные имена. Холм говорит, что, когда их спрашивали, как их зовут, они всегда заставляли других отвечать за них. Когда одну мать спросили, как звали ее ребенка, она ответила, что не может сказать. Отец также отказался сказать; он намекнул, что забыл это, но что мы можем узнать это от брата его жены.[67]

Среди индейцев имя играет большую роль; они даже стараются держать это в секрете, и поэтому человека часто называют по прозвищу.[68] Среди многих рас обычай запрещает упоминать имена родственников, как, например, имена мужа, тещи, зятя, имена родителей или имя короля. Эта сила имени достигает значительных размеров среди определенных рас. Когда король Дагомеи Босса Ахади вззошел на трон, он приказал обезглавить всех, кто носил имя Босса.

Страх упоминания имен присущ человечеству; мы находим его во многих наших легендах,[69] и он преобладает среди нас даже по сей день, особенно на западном побережье.[70] Вероятно, это можно объяснить тем фактом, что название и предмет склонны сливаться воедино. Люди начинают думать, что, как только название становится известным, вещь[71] также становится известной, так что упоминание ее названия оказывает влияние на саму вещь. Таким образом, человек может потерять свою силу, раскрыв свое имя. Следовательно, мы также можем предположить, что умершим людям не нравится, когда их называют по именам, и что произнесение их имен может быть средством вызвать их из могил или потревожить их покой. Гренландцы не осмеливаются даже произнести название ледника (*пуйсорт*), проплывая мимо него, из страха, что он обидится и сбросит айсберг.[72] Подобное представление очень распространено среди индейцев и других народов, которые не осмеливаются произносить названия мест или рек.[73]

Что касается жизни души после смерти, то у гренландцев, по-видимому, были разные мнения. Некоторые, кого миссионеры называют глупыми и жестокими людьми, думали, что со смертью

все кончается и что загробной жизни нет. Однако большинство гренландцев, по-видимому, считали, что даже если душа не совсем бессмертна, у нее все же есть привычка продолжать жить после того, как она покидает тело, или, во всяком случае, возвращаться к жизни снова, даже если она умерла вместе с телом. В таком случае он отправлялся либо в место под землей и морем, либо в верхний мир на небе, или, скорее, между небом и землей.[74] Первое место считается лучшим из двух; это очень хорошая земля, где, по словам Ханса Эгед, 'прекрасное солнце, превосходная вода, животные и птицы в изобилии'. Многим может показаться странным, что, в отличие от нас, они поместили свой самый счастливый край под землей или в море; но мне кажется, это легко могло возникнуть из-за того, что они видели небо и горы, отражающиеся в воде, и верили, что видят другой мир. Без сомнения, со временем они обнаружили, что это всего лишь отражение, но первоначальная вера в подземный мир, тем не менее, сохранилась. Особенно характерно, что этот подземный мир находится под водой и что в нем много солнечного света; должно быть, они видели отражение главным образом в солнечном свете.

Другой регион, в верхнем мире, более холодный; он похож на землю с ее холмами и долинами, а над ним сводом раскинулись голубые небеса. Там души умерших живут в палатках вокруг озера, и когда озеро выходит из берегов, на землю проливается дождь. Там много черники и много ворон, которые всегда садятся на головы старых женщин[75] и цепляются за их волосы; их трудно отогнать, и они, кажется, заполняют место вшей здесь, на земле. Там, наверху, по ночам можно увидеть души умерших в виде северного сияния, играющих в футбол головой моржа. Однако на восточном побережье считается, что северное сияние - это всего лишь души мертворожденных или недоношенных детей, или тех, кого убивают после их рождения. Души этих детей берут друг друга за руки и кружатся в танце. Они тоже играют в мяч, и когда они видят детей-сирот, они набрасываются на них и бросают на землю. Они сопровождают свои занятия спортом шипящим, свистящим звуком".[76] Поэтому северное сияние называется *алугсукат*, что, по-видимому, означает преждевременные роды или детей, рожденных в сокрытии. Это представление о гренландцах, по-видимому, тесно связано с верой индейцев[77] что северное сияние - это мертвые в танцующем массиве.

У эскимосов нет ада. Обе вышеназванные области более или менее хороши, и то, попадает ли душа в ту или иную, по-видимому, не зависит особенно от добрых или злых поступков человека.

Эгед, однако, утверждает, что в прекрасную страну под землей попадают только "женщины, которые умирают при родах, мужчины, утонувшие в море, и китобой в награду за зло, которое они перенесли здесь, на земле; все остальные отправляются на небо".[78] Кажется сомнительным, было ли это когда-либо общим убеждением. Точно аналогичную идею можно найти среди нас. Пожилая женщина из Телемарка сказала Мольтке Моу, говоря о своем сыне: 'Ах, да, он достаточно уверен, что попал прямо на небеса; ибо вы знаете, в Слове Божьем сказано, что те, кто утонул в море или умер при родах, сразу попадают в Царство Божье'.[79]

Во всяком случае, из других источников складывается впечатление, что это не единственные души, которые отправляются в подземный мир. Предназначение души может частично зависеть от обращения с телом. Пауль Эгед говорит ("*Вестник Гренланды*", стр. 174), что "у них был обычай осторожно поднимать смертельно больных людей с постели и, укладывая их на пол, заворачивать в их погребальные одежды. Это опускание их с постели, вероятно, символизирует их желание, чтобы после смерти они могли спуститься под землю. Но если человек умирает до

того, как его поднимут с постели, его душа возносится ввысь.' На его вопрос, почему рядом с могилой положили собачью голову, ему ответили, "что у некоторых их собратьев был обычай класть собачью голову рядом с ребенком, когда его хоронили, чтобы он мог почуять запах и направить ребенка в страну духов, когда тот снова оживет, поскольку дети глупы и безмозглые и неспособны найти свой собственный путь".[80] Похоже, что капитан Холм[81] усомнился в правильности этой характеристики (которую, однако, он цитирует у Ханса Эгеде) на том основании, что не смог обнаружить подобного поэтического обычая у восточных гренландцев. Но в этом он, по-видимому, не вполне оправдан; ибо, с одной стороны, мы едва ли имеем право сомневаться в столь определенном утверждении такого человека, как Пол Эгеде, который так хорошо знал гренландцев и их язык, в то время как, с другой стороны, мы всегда должны помнить, насколько непостоянны религиозные концепции. Более того, аналогичные обычаи встречаются и у индейцев. Ацтеки убивали собаку на похоронах и сжигали или хоронили ее вместе с телом, обвязав вокруг горла хлопчатобумажную нить. Его функция заключалась в том, чтобы провести умершего по глубоким водам Чиунахуапана по пути в страну мертвых.[82]

Однако путешествие в этот прекрасный регион - дело нелегкое. Эгеде говорит, что на пути есть высокая острая скала, "по которой мертвые должны скатываться на спине, поэтому скала окровавлена". Кранц утверждает, что душам требуется пять или даже больше дней, чтобы скатиться с этой скалы или горы; и особенно следует пожалеть тех несчастных, которым приходится совершать путешествие зимой или в штормовую погоду, ибо тогда с ними легко может случиться беда. Это они называют второй смертью, после которой от них ничего не остается.[83] Они очень боятся этого, и, чтобы предотвратить это, выжившие в критические дни обязаны соблюдать определенные меры предосторожности. Подобные легенды о множестве трудностей, сопутствующих долгому путешествию душ в страну мертвых, можно найти у большинства рас.[84] Представляется вероятным, что эти трудности возникли для того, чтобы служить испытаниями, через которые добрым пройти легче, чем злым. Но поскольку среди эскимосов трудности не являются критерием моральных качеств, мы должны заключить, что легенда, описывающая их, должна быть заимствована у других и, скорее всего, у индейцев. Острая скала, в частности, напоминает нам о "горном хребте индейцев, который был острым, как самый острый нож", по которому души должны были пройти по пути к месту своего обитания, *Ванаретебе*. [85]

Гренландцы, по-видимому, обычно приписывали животным душу, которая, подобно человеческой душе, могла пережить тело и путешествовать в потусторонние регионы. Это достаточно ясно видно из истории о медведе, рассказанной в главе XII (см. стр. 206). Это также следует из обычая, упомянутого на стр. 237, класть собачьи головы в могилы детей; ибо, конечно же, душа собаки, обитающая в ее голове, должна сопровождать ребенка. В остальном это общепринятое верование среди первобытных народов. Камчатчане, например, верят, что души всех животных, даже самой маленькой мухи, снова оживают в подземном мире.

Гренландцы знают о многих сверхъестественных существах более высокого порядка. Среди тех, кто ближе всего стоит к человеку и наиболее полезен ему через посредничество ангекоков, мы должны в первую очередь назвать так называемых *торнат* (множественное число от *торнак*). Это служебные духи ангекоков, которые наделяют их своей сверхъестественной силой. Часто говорят, что это души умерших, особенно дедушек или других предков; но они также могут быть душами различных животных или других сверхъестественных существ, либо человеческого происхождения, таких как *кивигтут*, которые будут упомянуты ниже, либо независимыми

духовными сущностями, обитающими в море или далеко в глубине материка. Они также могут быть душами отсутствующих европейцев. У ангекока, как правило, их несколько, одни действуют как советники, другие как помощники в опасности, а третьи, опять же, как мстители и разрушители. Эти последние были посланы ангекоками, чтобы показать себя в виде призраков и таким образом напугать до смерти тех, против кого была направлена месть.

В связи с торнатами или превосходя их, мы находим *торнарссук*, который обычно считается их хозяином или особенно могущественным торнаком. Торнарссук считался, в целом, доброжелательной силой; через свой торнак ангекок мог вступить с ним в контакт и получить мудрый совет. Но злые дела, похоже, часто приписывались ему. Что касается его, как и всех других сверхъестественных существ, вероятно, от ангекоков зависело, должен ли он быть благотворным или наоборот. Его дом находился в подземном мире, в стране душ. Что касается его внешности, представления были очень расплывчатыми; одни считали, что у него вообще не было формы; другие, что он был похож на медведя; третьи, опять же, что он был огромен и имел только одну руку; и третьи, наконец, что он был не больше пальца. Относительно его природы, по словам Ханса Эгеде, мнения расходились не меньше; в то время как одни считали, что он бессмертен, другие считали, что для того, чтобы убить его, нужно совсем немного. Так, Эгеде рассказывает, что во время магических операций ангекока или пока он общается с торнарссуком, "никто не должен чесать голову или засыпать; ибо такими средствами, как говорят, можно убить волшебника и даже самого дьявола [то есть торнарссука]". Доктор Ринк считает, что все это основано на недопонимании со стороны Эгеде и других миссионеров, и что, в целом, очень мало было известно ни о внешности торнарссука, ни о его природе. Однако язычники на восточном побережье, похоже, как мы увидим, знают о нем все.

В этом торнарссуке многие были рады увидеть благодетельное высшее существо, которому поклоняются эскимосы и которое, соответственно, соответствует нашему Богу. Тем не менее, после введения христианства он превратился в дьявола, с которым теперь является синонимом. Я не могу не верить, что Эгеде и первые миссионеры приложили какую-то руку к разработке этого представления о нем как о Боге. Они, без сомнения, исходили, как и многие миссионеры даже по сей день, из гипотезы о том, что у каждого народа должно быть представление о Боге или о благом высшем существе, и, предполагая это, они, вероятно, так долго допрашивали бедных язычников об их торнарссуке, что те, наконец, пришли к ответу именно тому, чего желали их спрашивающие. Более того, они, несомненно, так много говорили о своем добром и всемогущем Боге, что языческие священники, чтобы не быть побежденными, начали утверждать, что у них тоже есть такой Бог, который помогает им. То, что торнарссук не был таким великим духом, как обычно утверждается, очевидно из рассказа капитана Холма о верованиях язычников Восточной Гренландии. Их торнарссук - гораздо менее внушительное существо, обитающее в море, и которого многие люди, как ангекоки, так и другие, могут видеть и уже видели. Поэтому они описывают его с большой точностью и даже располагают многочисленными его изображениями. Он длинный, как крупный тюлень, но толще тюленя, и у него, помимо всего прочего, длинные щупальца. Холм, судя по их описаниям, пришел к еретическому мнению, что он, должно быть, обычная каракатица. Он пожирает души тех, кого может поймать, и часто бывает совершенно красным от крови. Нужно признать, что если это создание произошло от нашего врожденного представления о Боге, то оно прискорбно выродилось. Более того, на восточном побережье он не является единым и неделимым; но у каждого ангекока, по словам Холма, есть свой торнарссук. У него также есть помощник, *аперкетек*, черное животное длиной целых два локтя и с огромными 'щипцами-ножами в

голове'. Холм прямо говорит, что ему не удалось обнаружить никаких следов представления о торнарссук как о хозяине торнака; и поэтому мы вынуждены немного преуменьшить силу и значение, приписываемые этому духу предыдущими авторами.[86]

Мне кажется очевидным, что эта вера в торнарссук, не в меньшей степени, чем в торнат, должна быть прослежена до веры в духов или призраков предков. Возможно, мы найдем подтверждение этому в самих словах. Представляется вероятным, что *торнак* могло быть тем же словом, что и *тарник* или *тарне* (то есть душа), что снова напоминает *таррак* (сравнение с тенью, стр. 226). Мы находим некоторое подтверждение этой теории в том факте, что *торнак* появляется на восточном побережье в форме *тарток* или *тартак*, что является тем же словом, что и *таррак*. [87] Таким образом, мне кажется вероятным, что все эти слова изначально были одним и тем же, обозначая тень, отражение или душу, а также души умерших. *Торнарссук*, опять же, безусловно, является производным от *торнак*, вероятно, по своему происхождению он такой же, как *торнарссуак*, то есть "большой, или плохой и ужасный, торнак". Это подразумевает, что изначально он был особенно могущественным торнаком, который среди некоторых племен постепенно приобрел своего рода власть над другими торнатами, или душами умерших.

То, что эти души должны были стать предметом особых суеверий, легко понять, когда мы наблюдаем страх, с которым они все еще относятся к умершим, и еще больше, конечно, к их призракам. Эти *gengangere* часто видны и могут быть очень опасны, хотя иногда и они тоже вполне сносно-утилизировать. Самый приятный способ, которым они могут проявить себя, - это свистящий звук или пение в ушах людей. В последнем случае они выпрашивают еду, и на такую просьбу гренландец ответит: "Угощайтесь сами", что означает "из моих запасов". [88] То, что призрак не всегда враждебен, следует из того, что Нильс Эгед [89] рассказывает о мальчике из Годтааба, который однажды, играя с несколькими другими людьми по соседству с могилой своей матери, внезапно увидел призрака. форма, поднимающаяся из него. Он и остальные бросились наутек, но призрак побежал за ними, поймал ее сына, "обнял его, поцеловал и сказал: "Не бойся меня; я твоя мать и люблю тебя"" и многое другое в том же духе.

Их обычаи при смерти и погребении своих друзей показывают, как сильно они боятся мертвых, и особенно их душ или призраков. Умиравшие часто облачаются в свои погребальные одежды — то есть в свои лучшие одежды — незадолго до смерти. Ноги тоже часто сгибают вместе, так что ступни оказываются под спиной, и в таком положении их зашивают или заворачивают в шкуры. Цель, без сомнения, состоит в том, чтобы они занимали меньше места и нуждались в могиле меньшего размера; и это делается при их жизни для того, чтобы выжившим приходилось как можно меньше обращаться со своими трупами. Этот страх прикосновения к мертвому телу заходит так далеко (как упоминалось ранее на странице 137), что они не станут помогать человеку в опасности - например, тонущему кайаку, — когда они уверены, что он при смерти.

Когда они окончательно умирают, их вытаскивают, если это происходит в доме, через окно; если в палатке, то через отверстие, прорезанное в шкурах задней стены. [90] Это замечательно согласуется с распространенным в нашей стране обычаем выносить тело через специально проделанное отверстие в стене. [91] Причина, без сомнения, одна и та же в обоих случаях, а именно, что эти отверстия могут быть снова полностью закрыты, так что призрак или душа не могут повторно войти, как это могло бы быть, если бы тело вынесли через проход или дверь. Не исключено, что гренландцы, возможно, позаимствовали этот обычай у древних норвежских или

исландских поселенцев в Гренландии. В нескольких сагах упоминается, что это был обычай исландцев-язычников. В "Саге об Эйрбыггья"[92] сказано: 'Затем он [Арнкель] позволил разрушить стену позади себя [тело Торольфа] и таким образом вывел его'. Одежда и другие пожитки умершего также сразу же выбрасываются, чтобы они не сделали оставшихся в живых нечистыми. Это напоминает наше сожжение на смертном одре, которое также является широко распространенным обычаем среди наших родственных рас в Европе.[93]

Выжившие также выносят из дома свои пожитки, чтобы от них не исходил запах смерти. Их либо снова привозят вечером, либо, как на восточном побережье, оставляют лежать на несколько дней. Родственники покойного на восточном побережье заходят так далеко, что перестают носить свою старую одежду, которую они выбрасывают.[94]

Когда тело выносят, женщина поджигает кусок дерева и машет им взад-вперед, говоря: 'Здесь больше нечего есть'. Это, без сомнения, делается для того, чтобы показать душе, что все, что ей принадлежало, было выброшено.

Тела либо закапывают в землю, либо выбрасывают в море (если кто-то из предков умершего погиб в каяке (?)). Имущество умершего — такое, как его каяк, оружие и одежда; или, в случае женщины, ее швейные принадлежности, кривой нож и т.д. — кладут на могилу или рядом с ней, или, если тело выброшено в море, их кладут где-нибудь на пляже. Отчасти это, по-видимому, связано с их страхом перед имуществом умершего человека и нежеланием им пользоваться; отчасти также, как говорит Ханс Эгге, с тем фактом, что вид этих вещей и вытекающее из них воспоминание о дорогом усопшем могут вызвать у них слезы, а "если они слишком много плачут по усопшему, они считают, что от этого ему становится холодно".[95] Эта идея сильно напоминает вторую песню Хельге Хундингсбейна, где его вдова Сигрун встречает его мокрой и замерзшей, окутанной облаком инея, из-за того, что она плакала над ним. ("Хельге купается в росе печали".[96]) Сравните также хорошо известную шведско-датскую народную песню "Aage and Else", в которой мы читаем:

"Ибо каждый раз, когда в твоей груди
На сердце становится радостно и светло,
Тогда все в моем гробу кажется
Украшенным розовыми листьями.

Ибо каждый раз, когда в твоей груди
Твое сердце печалится и болит,
Тогда кажется, что все в моем гробу
плавает в красной, красной крови.

Но, помимо этого, гренландцы, несомненно, верили, что умерший нуждался в своих орудиях труда, частично для земных экскурсий из могилы, частично также и в потустороннем мире. Они действительно видели, что орудия труда сгнили, но это только означало, что их души последовали за душой умершего. Те, кто выносит тело или прикасается к нему или чему-либо, принадлежащему к нему, на некоторое время становятся нечистыми и должны воздерживаться от определенной пищи и занятий, которые предписывают ангекоки; более того, все те, кто живет в одном доме, должны соблюдать аналогичные меры предосторожности, частично для

того, чтобы избежать нанесения вреда самим себе, частично для того, чтобы не создавать препятствий на пути ушедшей души в ее путешествии в другой мир.

Они должны плакать и оплакивать умершего в течение установленного времени; и если они встретят знакомых или родственников, которых они не видели с тех пор, как произошла смерть, они должны, даже если прошло много времени, начать рыдать и выть, как только вновь прибывший войдет в дом. Такие сцены плача, должно быть, часто чрезвычайно смешны и на самом деле представляют собой простейшую комедию, заканчивающуюся утешительным банкетом. У них также есть много других траурных обычаев, которые оказывают довольно сильное влияние на их жизнь. Те, например, кто выносил тело, не должны работать с железом в течение нескольких лет. Более того, мы должны помнить о вышеупомянутом страхе перед произнесением имени умершего.

Главная цель всего этого, без сомнения, состоит в том, как говорили Холму жители Восточной Гренландии, "чтобы удержать мертвых от гнева"; отсюда мы видим, какое мощное влияние на эту жизнь они приписывают усопшим. Следовательно, нет ничего невероятного в теории о том, что вся вера в торната и торнарссук могла развиться из этого страха. Однако со временем другие виды суеверий, несомненно, стали играть определенную роль в этом вопросе.

Гренландцы верят во множество других сверхъестественных существ. Из них я могу упомянуть лишь некоторых.

Морские животные находятся под властью гигантской женщины, которую одни называют "безымянной", другие *Арнаркуагссак*, что просто означает "старая женщина".

Ее жилище находится на дне моря, где она сидит у лампы, под которой, как и под всеми гренландскими лампами, есть блюдце или подставка для сбора капель мазута. В этом блюдце плавают целые стаи морских птиц, а из него выходят все морские животные, такие как тюлень, морж и нарвал. Когда в ее волосах скапливаются определенные загрязнения, она отпугивает морских животных от берегов, или они остаются вдали по собственной воле, привлеченные загрязнениями; и тогда трудная обязанность ангекока - разыскать ее и успокоить или расчесать. Путь к ее обиталищу опасен, и ангекок должен иметь при себе свой торнак. Сначала он проходит через прекрасную страну духов в подземном мире; затем он приходит к великой пропасти, которую он может пересечь только (с помощью торнака) на большом колесе, гладком, как лед, и быстро вращающемся. Затем он проходит мимо кипящего котла с живыми тюленями в нем; затем либо через опасное скопление разъяренных тюленей, которые стоят прямо и кусаются со всех сторон, либо мимо огромной собаки, которая стоит возле дома женщины и предупреждает, когда приближается большой ангекок. Время от времени эта собака дремлет всего несколько раз, и нужно быть готовым воспользоваться этой возможностью; но на это способны только высшие ангекоки. Здесь торнак снова должен взять ангекока за руку; вход достаточно широк, но дальнейший путь узок, как нитка или лезвие ножа, и проходит над ужасной пропастью. Наконец они входят в дом, где сидит женщина. Говорят, что у нее рука размером с хвостовой плавник кита, и если она ударит тебя ею, тебе конец. Согласно некоторым рассказам, она рвет на себе волосы и обливается потом от ярости из-за такого визита, так что ангекок, которому помогает его торнак, должен бороться с ней, чтобы вымыть или расчесать ей волосы; в то время как другие считают, что она поддается уговорам и мольбам. Его задача выполнена, обратный путь для ангекока сравнительно легок.^[97] Этот миф сильно напоминает нам о посещениях подземного мира или Аида, которые играют столь заметную роль

в европейских легендах, например, о Дионисе, Орфее, Геракле и других (сравните также Данте), и которым у нас есть параллель в нашей собственной мифологии в путешествии Хермода в Хель, чтобы вернуть Бальдра. Однако подобные легенды встречаются и у индейцев. Судя по информации, предоставленной мне Мольтке Мо, едва ли можно сомневаться в том, что эта эскимосская концепция окрашена европейскими легендами или даже заимствована из них. Например, гладкое колесо,^[98] и мост, узкий, как нитка или лезвие ножа, вновь появляются, иногда в тех же словах, в средневековых легендах о путешествиях в подземный мир. В старой балладе о севере Англии упоминается "мост ужаса не шире нити". Тундал видит в чистилище узкий мост через ужасно глубокую, темную и зловонную долину и так далее. Самое старое упоминание этого адского моста в легендарной литературе содержится в "Диалогах" папы Григория Великого, датированных 594 годом (lib. iv. cap. 36).^[99] Но эти средневековые представления, в свою очередь, несомненно, окрашены восточными традициями. Евреи говорят об адском мосте, похожем на нить, а мусульмане верят, что в середине ада все души должны пройти по мосту, который уже волоса, острее меча и темнее ночи.^[100] Согласно Авесте, души древних парсов на третью ночь после смерти должны были пересечь "высокую Хару" — гору, которая окружает землю и достигает прямо небес, — чтобы прибыть к мосту Цзинват, который охраняют две собаки. В писаниях пехлеви говорится, что этот мост расширяется почти до парасанга, когда души благочестивых проходят по нему, но перед нечестивцами он сужается, пока они не низвергнутся в ад, который находится прямо под ним.^[101]

Аналогичная концепция встречается (сравните Софуса Бугге, *op. cit.*) в старой народной песне 'Драумекведи' о мосте Гьяллар на пути в страну мертвых. Он висит высоко в воздухе, так что от него кружится голова ('Gjallarbrui, hon henge saa högt i vinde'), и в некоторых вариантах песни прямо указано, что он узкий, в то время как в других говорится, что он 'и крутой, и широкий'. В "Эддах" нам рассказывается, что Хермод по пути в Хель проезжал по мосту Гьяллар, крытому сверкающим золотом, который гремел под копытами его коня не меньше, чем если бы по нему проезжали пять эскадронов мертвецов (то есть 250 человек).

Представляется вероятным, что вера гренландцев в узкий мост или проход должна быть окрашена этими европейскими или частично восточными представлениями, привитыми им древними скандинавами. В то же время в основе этого может лежать и что-то более оригинальное. Так, у индейцев мы находим представление о мосте-змее или о раскачивающемся в воздухе стволе дерева, который ведет через реку мертвых в город мертвых.^[102]

Представление об огромной собаке, охраняющей вход в дом женщины, сильно напоминает нам ужасного пса Хель Гарма с окровавленной грудью, который лает перед пещерой Гнипа. В остальном это представление о собаке в другом мире является общепринятым. У индусов две собаки охраняют путь к обители Джама,^[103] а у старых парсов две собаки охраняют мост Цзинват (см. Последнюю [страницу](#)). Индейцы оставляют огромную и разъяренную собаку на другом конце вышеупомянутого змеиного моста.^[104]

В европейских народных сказках, и особенно в сказках Скандинавии, мы часто встречаемся со старухой, которая правит животными. Ей нравится, когда ее называют "мамой", нравится, когда ее чешут или моют, и она рада заполучить пару башмаков, кусочек табака или что-то в этом роде. Если Ясенева Мальчик встречает ее и оказывает ей какую-либо подобную услугу, она

отвечает ему 'материнским жестом', заставляя своих животных помогать ему или даря ему подарки. Но помимо этой общей темы, которая вновь появляется в большинстве наших народных сказок, мы также можем указать на особую историю, основанную на сходных концепциях. Ясеновый Мальчик приходит к людоедке с целой компанией животных: горностаем, древесным медведем (белкой), зайцем, лисой, волком и медведицей, чтобы попытаться спасти свою сестру, которую она утащила. Пока он ест, людоедка кричит: "Поцарапай меня! 'Ты должен подождать, пока я закончу'", - говорит мальчик, но его сестра предупреждает его, что, если он не сделает это немедленно, людоедка разорвет его на куски. Затем он заставляет животных царапать ее, одного за другим; но ни одно из них не доставляет ей удовольствия, пока не доходит очередь медведя, который царапает ее до тех пор, пока не проходит зуд. В нескольких вариантах три брата совершают попытку один за другим, и она убивает первых двух из них.^[105] Даже на первый взгляд эта скандинавская группа историй подозрительно напоминает гренландские легенды, расчесывание и мытье особенно сильно напоминают нам расчесывание волос; но когда мы также обнаруживаем, что Арнаркуагссак неизвестен эскимосам Аляски, связь кажется очевидной. Согласно одной гренландской легенде, она была дочерью могущественного ангекока, который, будучи застигнут штормом, выбросил ее из женской лодки, чтобы спастись самому. Она вцепилась в планшир, после чего он один за другим отрубил ей пальцы на руках. Они превратились в тюленей и китов, над которыми она получила власть; и когда она опустилась на дно, то поселилась там навсегда. Среди эскимосов Баффиновой земли та же легенда рассказывается о женщине по имени *Седна*, которая, однако, стала другим существом, чем Арнаркуагссак. Последнее, по-видимому, неизвестно на реке Маккензи. "Если окажется, - говорит доктор Ринк, - что миф о Гренландии неизвестен и на Аляске, мы должны заключить, что он был придуман в ходе эмиграции в Гренландию".^[106] Однако кажется более естественным предположить, как я сделал выше, что он происходит от древних скандинавов.

Таким образом, в целом представляется вероятным, что это гренландское божество изначально было персонажем древненорвежских фольклорных преданий и что описание путешествия к ее обители происходит от европейских мифов и легенд, привезенных старыми скандинавскими поселенцами, или, по крайней мере, окрашено ими; но в нем могут быть примешаны и более оригинальные эскимосские элементы, происходящие с запада и напоминающие мифы индейцев.

Души, отправляющиеся в потусторонний мир, должны пройти мимо жилища странной женщины, обитающей на вершине высокой горы. Ее зовут *Эрдлаверсиссок* (то есть потрошительница), и ее свойства - корыто и окровавленный нож. Она бьет в барабан, танцует со своей собственной тенью и не произносит ничего, кроме 'Мои ягодицы и т. Д.', Или же поет 'Йа, ха, ха, ха!' Когда она поворачивается спиной, у нее видны огромные задние конечности, с которых свисает тощий морской скорпион; а когда она поворачивается боком, ее рот сильно перекошен, так что лицо становится горизонтально продолговатым. Когда она наклоняется вперед, она может лизнуть собственные задние лапы, а когда она наклоняется вбок, она может с громким чмоканьем удариться щекой о свое бедро. Если вы можете смотреть на нее без смеха, вам ничего не грозит; но как только кто-нибудь начинает улыбаться, она отбрасывает свой барабан, хватается за него, швыряет на землю, берет свой нож и вспарывает его, вырывает внутренности, бросает их в корыто, а затем жадно пожирает.^[107] В этой истории мы также встречаемся с более чем одной чертой скандинавской традиции.^[108] Таким образом, 'подземный народ' не выносит смеха; человек, который ранит их, смеясь над ними, должен

дорого заплатить за свое легкомыслие. И в двух именах женщины-йотуна, которые сохранились в "Эдде Снорро",^[109] *Бакрауф* и *Рифингафла* ("женщина с рассеченными или разорванными задними конечностями") мы находим точно такую же идею, которая представлена в легенде о великанше-людоедке из Гренландии.

В том же путешествии души также проходят жилище Лунного Духа. Путь, по которому им предстоит пройти, описывается как очень узкий, и человек проваливается в него по плечи.^[110] Это напоминает нам о болотах, которые, как сказано в нашем "Драумекведи", находятся по соседству с мостом Гьяллар и в которых тонут нечестивцы.^[111]

Иди сюда, ден Ялларбрюи,
ты знаешь, что такое скай ганге;
например, люди, которые любят Гаглемир, —
иди сюда, ден скай ганге!^[112]

Высок мост Гьяллар; он висит в воздухе,
Близко к облакам;
Но еще хуже я считаю Гагле-мох -
Помоги Бог тому, кто ступит туда!

В Дании тоже популярная легенда говорит об этих адских болотах или адских мхах. Таким образом, кажется, что и здесь мы можем проследить влияние древних скандинавов, которым представление о таких покаянных болотах в подземном мире, без сомнения, пришло из церковных фантазий средневековья.

Когда кайак-люди находятся в море, они считают, что окружены так называемым *игнерссуитом* (множественное число от *ignerssuak*, что означает 'великий огонь'). По большей части это добрые духи, склонные помогать людям. Вход в их жилища находится на берегу моря. 'На первой земле, которая возникла, не было ни морей, ни гор, но она была совершенно гладкой. Когда Тот, Кто наверху, был недоволен людьми, живущими на нем, он разрушил мир. Она разорвалась, и люди упали в расщелины и превратились в ледяные скафандры, и вода залила все. Когда земля появилась снова, она была полностью покрыта ледником. Мало-помалу это уменьшилось, и с небес упали два человеческих существа, которыми была населена земля. С каждым годом можно видеть, что ледник уменьшается. Во многих местах еще можно увидеть признаки того времени, когда море поднималось над горами'.^[113]

В этой мифе мы можем проследить влияние не менее чем четырех различных сторон. Концепция игнерссуитов, которые напоминают людей и живут под землей, наводит на мысль об индийской легенде о том, что раньше люди жили под землей, но однажды начали подниматься на поверхность с помощью виноградной лозы, которая росла через трещину или расселину в горе. Когда толстая пожилая женщина (или мужчина) пыталась вскарабкаться наверх, лоза обрывалась, и остальным приходилось оставаться внизу, в то время как те, кто достиг вершины, населяли землю.^[114]

Два существа, падающих с небес, по-видимому, принадлежат к космогонии финно-угорских рас или заимствованы из одного и того же источника. У вогулов два первых человека спустились с небес в колыбели из серебряной проволоки. Идея о том, что небеса - это место рождения человечества, также встречается в мифах других финно-угорских племен Азии и Европы.^[115]

Подобные идеи также дошли до индейцев (возможно, через эскимосов?) Таким образом, гуруны верят, что первые люди пришли с небес.^[116] Идея о том, что земля изначально была плоской, а затем раскололась, также напоминает нам о финско-угорской космогонии, согласно которой земля, при первом сотворении образовала довольно гладкую и ровную кору над водой, но впоследствии была поднята внутренними конвульсиями и застыла в своей волнистой форме, откуда и произошли горы и долины.^[117]

Мы можем различить третий элемент в людях, которые изначально обитали на этой плоской земле, в своем недовольстве которыми Высшая Сила заставила землю расколоться и воду хлынуть наружу. Едва ли можно сомневаться в том, что эта концепция напрямую связана с христианской или иудейской легендой о Всемирном потопе, который, конечно, мог пройти от западного побережья вверх по восточному. Возможно, однако, что представление о потопе могло быть дополнено штрихами из очень распространенной в Европе, и особенно в Скандинавии, легенды о том, как появились подземные или невидимые люди (*huldre-folk*). Однажды Господь посетил Еву, когда она была занята мытьем своих детей. Всех, кто еще не был омыт, она поспешно спрятала в подвалах, по углам и под большими сосудами, а остальных представила гостю. Господь спросил, все ли это, и она ответила 'Да'; на что Он ответил: "Тогда те, которые 'дульде' (скрыты), останутся 'халде' (скрытыми, невидимыми)". И от них произошел народ халдре.^[118] Как бы то ни было, костюм игнера не может не напоминать нам о подземных людях из нашего скандинавского фольклора.

Наконец, у нас есть четвертый элемент - ледник, который должен принадлежать исключительно самой Гренландии.^[119]

Среди других сверхъестественных существ можно упомянуть различные виды жителей внутренних районов, которые живут в глубине страны или на ледяных полях. Некоторые из них называются *торнит* (множественное число от *тунек*) или *иноруцит*, или, на восточном побережье, *тимерсит*. Они имеют человеческий облик, но огромного роста. Некоторые говорят, что их рост составляет 4 метра (13 футов), а другие - что они ростом с женщину - длина лодки составляет не менее 10 метров (более 32 футов). Только их души такие же большие, как у обычных людей. Они живут охотой как на наземных, так и на морских животных. Они могут бегать чрезвычайно быстро. На море они не пользуются каяками, а сидят в воде, "чтобы их каяком был туман".^[120] Они могут ловить тюленей на суше (большими ловушками) и могут нести с собой вглубь страны две огромные седельные сумки или носовые пузыри в сумке из тюленьей кожи на плечах. Как правило, они настроены враждебно по отношению к мужчинам, но они также открыты для дружеского общения и иногда даже обмениваются с ними женами.

Другой класс жителей внутренних районов - это *игалигдлиты* (множественное число от *игалилик*), которые таскают за собой целую кухню. Один только котел такой огромный, что в нем можно сварить целого тюленя; и он кипит, даже когда они носят его с собой. Третий класс - это *эркигдлиты* (множественное число от *эркилек*), которые, по мнению одних, похожи на людей вверху и собак внизу, но, по мнению других, имеют собачьи головы или собачьи носы. Они опытные лучники и носят свои стрелы в колчанах за спиной.^[121] Они враждебны к мужчинам. Я могу также упомянуть *иссерката* (множественное число от *иссерака*), которые "моргают в длину", что, вероятно, означает, что их глазные отверстия перпендикулярны, а не горизонтальны.

Как показал Ринк, не может быть никаких сомнений в том, что эти жители внутренних районов, которые все играют заметную роль в эскимосских легендах, изначально были разными расами индейцев, с которыми предки гренландцев, когда они еще жили на северном побережье Америки, вели дела, иногда дружеские, но в целом враждебные. Они привезли с собой в Гренландию рассказы об этих приключениях и до сих пор описывают события во внутренних районах страны, где индейцы со временем превратились в совершенно мифических существ. Слово *тунек*, по-видимому, просто означает "индеец" и до сих пор используется эскимосами Лабрадора. У эскимосских племен на западном побережье Гудзонова залива и далее на запад слово *эркигдлит* применяется к индейцам внутренних районов. Описание торнитов как больших и стремительных хорошо применимо к индейцам, которые выше эскимосов ростом и превосходят их на суше. Тот факт, что эркигдлиты искусно обращаются с луком и носят свои стрелы в колчанах — обычай, не распространенный среди гренландцев, — также наводит на мысль об индейцах. То же самое относится и к приписываемым им собачьим лапам или собачьим мордам, которые, без сомнения, возникли из собственной веры индейцев в то, что они произошли от собаки (см. стр. 271).^[122] Иссеркаты, "те, кто моргает в длину", возможно, изначально были индейскими расами с удивительно раскосыми или иными необычными глазами; такие племена описаны путешественниками. Таким образом, здесь мы имеем дело со сверхъестественными или мифическими существами, которые, как можно предположить, имеют историческое происхождение. Легенды о войнах с ними также, без сомнения, имеют определенную историческую основу. Вероятно, таким же образом древние народы вступали в контакт с мифическими расами из своих легенд.^[123]

The *Кивитуты* (множественное число от *кивиток*) - существа особой природы. Когда-то они были обычными людьми, которые по той или иной причине, часто совершенно незначительной, поссорились со своими семьями или товарищами или почувствовали себя обиженными ими и поэтому повернулись спиной к своим братьям и бежали в горы или в глубь страны. Здесь они отныне живут одни, питаясь животными, которых убивают без обычного оружия, просто бросая в них камни, - искусство, в котором они становятся очень искусными. Хотя кивиток отсутствовал совсем недолго, у него все еще есть возможность вернуться к своим братьям; но если он в течение определенного количества дней не послушается голоса своей тоски по дому, он теряет возможность вновь занять свое место среди людей. Некоторые считают, что год - это отведенный период. Теперь он приобретает сверхъестественные способности; он становится настолько быстрым, что может перепрыгивать с одной горной вершины на другую, он может ловить оленей без оружия, и во что бы он ни целился, он попадает. Он вырастает до огромных размеров, одевается в оленьи шкуры, и, по словам некоторых, его лицо становится черным, а волосы - белыми. Более того, он становится всеведущим или ясновидящим; он может слышать речь людей на любом расстоянии и начинает понимать язык животных. Но он расплачивается за все это своей неспособностью умереть, и он всегда печален, проливая слезы тоски по человечеству, к которому он никогда не сможет вернуться. Однако он может, когда представится возможность, особенно ночью, пробраться в дома или кладовые, чтобы купить что-нибудь поесть или, возможно, немного табаку. Те, кто причинил ему зло, всегда находятся в опасности его мести.

Примечательной особенностью этого убеждения является то, что оно, вероятно, имеет под собой определенное основание на самом деле. Самоубийства в Гренландии почти неизвестны, за исключением нескольких старых или безнадежно немощных людей, которые, оказавшись на пороге смерти, иногда бросаются с обрыва в море (сравните с. 170), чтобы положить конец

своим страданиям и обеспечить себе погребение. С другой стороны, время от времени случается, что кто-то, возможно, уязвленный одним-единственным словом кого-то из своих родственников, убегает в горы и пропадает, по крайней мере, на несколько дней. Я сам знаю гренландцев, которые сделали это; и приводятся подлинные примеры людей, которые годами жили как кивитоки. Около двадцати пяти лет назад на острове Акугдлек в Северной Гренландии была обнаружена пещера, свидетельствующая о том, что здесь долгое время обитал человек. К нему вела хорошо протоптанная тропинка, а внутри был очаг, ямка в земле, служившая кладовой, мягкая подстилка из мха, остатков сушеной рыбы, съедобных корней и так далее. В нескольких шагах от него была найдена пещера поменьше, вход в которую был завален камнями. В ней кивиток похоронил себя, когда почувствовал приближение смерти. Там он лежал, все еще в своей куртке из тюленьей кожи; он сам изнутри завалил вход в гробницу камнем. Гренландцы узнали его и пришли к выводу, что он, должно быть, прожил там в качестве кивитока два или три года. Говорят, что причина, по которой он повернулся спиной к человечеству, заключалась в том, что, будучи плохим охотником, его родственники смотрели на него свысока; и после смерти его маленького сына жизнь стала для него настолько тяжелой, что он сбежал.^[124]

Как указал мне Мольтке Мо, существует поразительное сходство между этими кивитутами *utilegumenn*, "чужаками", столь распространенными в исландских народных легендах, то есть преступниками, которые бежали в горы и живут в дикой местности вдали от людей. Огромная роль, которую эти "чужаки" играют в популярной фантастике, и мистический страх, с которым к ним относятся, привели к тому, что с самого раннего периода их в значительной степени смешивали в общепринятой вере с троллями, народом ульдре и другими легендарными существами, сверхъестественными способностями которых они обладают. Они могут заглядывать в будущее, они знают, что происходит в отдаленных местах, они могут вызывать туманы и сбивать путешественника с пути истинного, и они обладают сверхчеловеческой силой.^[125] Подобно кивиткам, они ищут жилища людей, чтобы раздобыть что-нибудь съестное; они крадут овец, еду и одежду у жителей поселений. Наиболее характерной чертой как гренландских, так и исландских легенд является то, что люди, будучи отрезанными от общества, обретают сверхъестественную силу. Совпадение становится еще более поразительным, когда мы замечаем, что и в Гренландии, и в Исландии эти легенды составляют *существенную* часть живой народной традиции и верований. Среди других рас (за частичным исключением норвежцев западного побережья, и особенно Нордланда) подобные идеи вообще почти не встречаются. Таким образом, почти неизбежен вывод, что вера в кивиток происходит от древних скандинавов, или, скорее, в частности, от исландцев.

Я все же должен упомянуть среди замечательных существ, известных гренландцам, *игдлокока*, который наполовину человек, с половиной головы, одним глазом, одной рукой и одной ногой. Точно такие же существа встречаются также у греков, мусульман, зулусов и индийцев.^[126]

Относительно сотворения мира у гренландцев не было определенного мнения. Земля и вселенная, должно быть, либо возникли сами по себе, либо существовали с незапамятных времен и были обречены на вечное существование.

Не имели они также никакого ясного представления ни о сотворении человека, ни о самой расе эскимосов. Некоторые придерживались мнения, что первый мужчина вырос из земли и

спарился с земляным холмиком. От этого родилась девушка, которую он взял в жены.[127] Это понятие роста из земли довольно распространено, встречается в Скандинавии и Исландии,[128] среди других мест. Мы говорим: "Тот, кто ударяет палкой по земле, бьет свою мать; тот, кто ударяет камнем, бьет своего отца" — идея, которая тесно соответствует эскимосской концепции, в которой, без сомнения, человека следует изображать поднимающимся со скалы.

Что касается происхождения нас, европейцев, то у них есть легенда, которая не совсем льстит нашему тщеславию. Эскимосская женщина, с которой ни один муж не хотел оставаться надолго, в конце концов взяла собаку для спаривания, и ей принесли в постель смешанный выводок человеческих детей и щенков. Щенков она посадила на старую подошву и столкнула их в море, сказав: "Убирайтесь отсюда и станьте *кавдлунаками*" (*то есть* европейцами). Поэтому, говорят эскимосы, кавдлунаки всегда живут в море и что их корабли имеют форму гренландского башмака, округлого спереди и сзади. Человеческих детей она сажала на листья ивы и отправляла их в противоположном направлении, так что они становились жителями суши, или индейцами (*эркилигдлит* или *торнит*).[129] Точно подобные легенды можно найти у эскимосов Баффинсленда,[130] а также на северном побережье Аляски; хотя там они относятся только к индейцам, а не к европейцам. Аналогичные мифы о происхождении от собак (или волков, или медведей) встречаются у многих рас, как арийских, так и монгольских или американских.[131] Они лежат в основе мифологии многих индейских племен, которые считают, что первая женщина взяла собаку для спаривания, и что они сами произошли от этой связи. Мне кажется очевидным, что эскимосы заимствовали свою легенду из этого источника и что первоначально они применяли ее только к индейцам. Когда впоследствии они столкнулись с другой странной расой (европейцами), они расширили ее, чтобы учесть и их. Примечательно, что башмак, превращающийся в корабль, встречается и в версиях Baffinsland.

Эскимосы, согласно некоторым источникам, связывают происхождение смерти с женщиной, которая однажды сказала: 'Пусть люди постепенно умирают, иначе для них не останется места в мире'. Другие верят, что двое из первых человеческих существ поссорились: одно сказало: "Да будут день и ночь, и пусть люди умрут", другое: "Да будет только ночь, и пусть люди живут вечно"; и после долгой ссоры первое одержало победу. Другие, опять же, считают, что существовала гонка между змеей и вошью относительно того, кто первым доберется до человечества; если змея доберется первой, они должны жить вечно, если вошь доберется первой, они должны умереть. Змея долго стартовала, но по дороге упала с высокого обрыва, и ей пришлось сделать большой крюк, так что вошь выиграла гонку и принесла с собой смерть.[132] Эти мифы, самой своей бессмысленностью и бессвязностью, по-видимому, показывают, что они пришли откуда-то издалека и являются фрагментами более старых верований, первоначальный смысл которых забыт. Если мы оглянемся по сторонам, мы найдем замечательные аналогии среди самых отдаленных рас. Второй миф (о ссоре) вновь появляется на островах Фиджи, где луна спорит с крысой, утверждая, что люди должны умирать и возрождаться к жизни, как это делает она сама; в то время как крыса утверждает, что им лучше умереть, как крысам, — и он извлекает из этого максимум пользы. У индейцев ссорятся два брата-волка, прародители расы. Младший говорит: 'Когда человек умирает, пусть он вернется на следующий день, чтобы его друзья могли порадоваться'. "Нет, - говорит старец, - пусть мертвые никогда не возвращаются'. Затем младший убивает сына старшего, и это начало смерти.[133]

В Южной Африке мы находим замечательные аналоги мифу о змее и вши. На Золотом Побережье, среди зулусов и в других местах рассказывают, что первое великое Существо послало человечеству животное (хамелеона) с посланием, что они должны жить и никогда не умирать. Но затем Существо передумало и послало за ним другое животное (быстроногую саламандру) с сообщением, что они должны умереть; и поскольку последнее прибыло первым, так оно и было. Существует несколько разновидностей этого мифа. У готтентотов именно луна послала человечеству послание: 'Вы, как и я, умрете и возродитесь к жизни снова'. Но заяц услышал это, побежал вперед и сказал: "Ты, как и я, умрешь и никогда больше не оживешь".^[134] Этот миф, опять же, удивительно похож на легенду Фиджи, процитированную выше; и, таким образом, у нас есть мост между вторым и третьим гренландским мифом, которые, соответственно, следует рассматривать как два варианта одного оригинала — чрезвычайно древнего, поскольку он распространился так далеко.

Эскимосы прослеживают перед своими соотечественниками происхождение почти всего во внешней природе. Это был старик, вырубавший из дерева щепки, которые дали жизнь рыбам и другим морским животным. Он растер чипсы между ног ('*sudore testiculorum*') и бросил их в воду, после чего они превратились в рыб. Гренландская акула, однако, имеет другое происхождение: 'Однажды женщина мыла волосы мочой. Порыв ветра унес тряпку, которой она сушила волосы, и она превратилась в акулу, поэтому мясо этой рыбы до сих пор пахнет мочой'.^[135]

Небесные светила когда-то были обычными эскимосами, живущими на земле, которые по той или иной причине были перенесены на небеса. Солнце была прекрасной женщиной, а луна - ее братом, и они жили в одном доме. Ее каждую ночь навещал мужчина, но она не могла сказать, кто это был. Чтобы выяснить это, она вымазала руки ламповой сажей и потерла их о его спину. Когда наступило утро, оказалось, что это ее брат, потому что его белая оленья шкура была вся в пятнах; и отсюда и пятна на луне. Солнце схватила кривой нож, отрезала одну из своих грудей и бросила ему, крича: 'Поскольку все мое тело кажется тебе таким вкусным, съешь это'. Затем она зажгла кусочек лампового мха и выбежала наружу; луна сделала то же самое и побежала за ней, но его мох погас, и вот почему он похож на живую золу. Он погнался за ней в небо, и они все еще там.^[136] Жилище луны находится недалеко от дороги, по которой души должны пройти в верхний мир; и в нем есть комната для его сестры солнца. Этот миф, по-видимому, пришел к эскимосам с запада. У североамериканских индейцев солнце и луна - брат и сестра, и даже на таком далеком расстоянии, как у индейцев Амазонки, мы находим тот же миф, только там луна - это женщина, которая навещает своего брата солнце в темноте. Он обнаруживает ее преступную страсть, проводя почерневшей рукой по ее лицу. (Сравните также мифы Австралии и Гималаев на следующей странице.) У инков Перу солнце и луна были одновременно братом и сестрой, мужем и женой. (Сравните также египетских Исиду и Осириса).^[137] Примечательно, что у гренландцев солнце воспринимается как прекрасное спереди, но голый скелет сзади.^[138] Это так сильно наводит на мысль о наших прекрасных 'ульдре', которые кажутся пустыми, если смотреть сзади, что кажется, будто идея должна быть европейской, и особенно скандинавской, завезенной в Гренландию древнескандинавскими поселенцами. Согласно жителям Восточной Гренландии, причина, по которой за солнцем нет ничего, кроме голых костей, заключается в том, что, когда оно находится в своей самой низкой точке, то есть в самый короткий день, люди

режут ему спину ножами, чтобы заставить его взойти снова. Таким образом, мякоть срезается, и остаются только кости.[139]

Луна еще не открыла новую страницу, но по-прежнему часто посещает землю в поисках любовных приключений. Поэтому женщинам надлежит остерегаться его, не выходить одной при лунном свете, не стоять, глядя на его шар, и так далее. Эта эротическая склонность луны, по-видимому, относится к очень древней эпохе. В Австралии это кот, который из-за интриги с чужой женой был изгнан навсегда скитаться. У хасиа Гималаев луна каждый месяц совершает непростительный грех - влюбляется в свою тещу, которая бросает пепел ему в лицо, отчего на нем появляются пятна.[140] Согласно славянской легенде, луна была мужем солнца, который из-за неверности утренней звезде был расколот надвое.[141] У древних греков и римлян луна действительно была женского пола, но прекрасная Луна ни в коем случае не была свободна от любовных наклонностей. У эскимосов, опять же, считается, что луна является причиной холодной погоды. Он добывает снег, выстругивая моржовый бивень и рассыпая стружки по земле, или же продувая тростинку; и когда он посещает землю, он всегда приезжает на санях по зимнему льду. Вполне естественно, что такие ассоциации должны быть связаны с луной, поскольку ночью и зимой она находится в асценденте. К тому же, оказывая холодное и аскетичное влияние, он, естественно, считается мужчиной; в то время как дальше на юг, где жары боятся больше, чем холода, считается, что солнце принадлежит к более суровому полу.

Они верят, что гром производят две старые женщины, сражающиеся за сухую и жесткую кожу и дергающие каждая за свой конец; в пылу состязания они опрокидывают свои лампы и таким образом вызывают молнию. Происхождение туманов они связывают с торнарссукком, который выпил так много, что лопнул.[142] Что касается причины дождя, то на восточном побережье есть еще одна легенда в дополнение к уже упомянутой. Согласно этому рассказу, дождь производится существом по имени Азиаак, обитающим на небе. В древние времена, после продолжительной засухи, ангекоки отправлялись в свою обитель просить о дожде. Придя, они заглядывали внутрь и обычно видели его жену, сидящую на краю спальной скамьи, в то время как сам Азиаак лежал, укрытый одеялом, у стены. Когда они умоляли ее о помощи, она в конце концов отвечала: "Прошлой ночью он немного намочил свой коврик, как он обычно делает", после чего она брала кусок медвежьей шкуры, на которой он сидел, и встряхивала его, вызывая таким образом дождь на землю.[143] Сам факт, что ангекоки представлены просящими дождя, что совершенно бесполезно для народа охотников и рыболовов, подобного эскимосам, по-видимому, доказывает, что этот миф, должно быть, возник в других широтах, где практикуется земледелие. Как предполагает Холм, не исключено, что Азиаак может быть идентичен богам дождя нескольких американских аборигенных рас - божествам, жившим на вершинах высоких гор. Следует отметить, что майя с Юкатана называли своего бога дождя Чак. Но также возможно, что весь миф пришел с более дальнего запада. У примитивных рас происхождение дождя, как правило, было сходным. В "Камчатке" мы встречаемся с этой идеей в ее самой грубой форме. Когда современного греческого крестьянина указывает Дождь фраза *κατοῦράει ὁ θεός*, он просто использует изображение хоть и стара, как Аристофан, который заставляет одного из своих персонажей в 'облака' (ст. 373) замечание о том, что раньше, когда шел дождь, он привык верить Зевс *διὰ κοσκίρου οὐρεῖ* v. Та же идея, более или менее замаскированная и, как правило, с оттенком шутки, вновь появляется во многих популярных выражениях, распространенных в Германии, Бельгии, Норвегии и других странах. Все их корни уходят в веру первобытной древности, которую также можно проследить у многих других рас — например, у древних арабов-язычников и даже у евреев.[144]

В своих верованиях или суевериях эскимосы жили и продолжают жить на восточном побережье под руководством своих священников или заклинателей, ангекоков (*ангакок*, множественное число, *ангакутов*). Эти люди самые мудрые и способные среди них, но и, как правило, самые хитрые. Они утверждают, что обладают способностью беседовать с духами, путешествовать как в подземный мир, так и на небо и в другие места, недостижимые для обычных смертных, вызывать торнарссоков и других сверхъестественных существ, получать от них откровения и так далее. Они оказывают влияние и воздействуют на своих соотечественников главным образом посредством своих мистических экзорцизмов и спиритических сеансов, которые проводятся, как правило, зимой, когда они живут в домах. Лампы погашены, а перед окнами развешаны шкуры, так что совсем темно. Сам ангекок сидит на полу. Производя ужасный шум, так что сотрясается весь дом, меняя голос, ревя и визжа, чревоушная, стена и подвывая, ударяя в барабаны, раздражаясь дьявольским визгливым смехом и всевозможными другими уловками, он убеждает своих товарищей, что его посещают различные духи, которых он олицетворяет, и что именно они вызывают беспокойство.

Для того, чтобы стать ангекоком, естественно, требуется длительное ученичество, часто до десяти лет. Неофит должен часто и надолго уходить в уединение,^[145] и тереть камнем о другой камень, следуя за солнцем, в течение нескольких дней подряд, после чего дух выходит из горы. Затем он должен умереть от страха, но потом снова ожить; и таким образом он постепенно овладевает своим торнатом. Он не должен раскрывать, что проходит этот испытательный срок, пока он не будет завершен, но затем он должен публично объявить об этом факте. Если он хочет быть обычным тип-топовым^[146] ангекоку крайне желательно, чтобы медведь схватил его и утащил на берег моря; затем появляется морж, вонзает свои клыки в его половые органы, утаскивает за горизонт и съедает. После этого его кости отправляются домой и встречаются по дороге клочья плоти; они снова срастаются, и он снова становится целым. Теперь он стоит во главе своей профессии.

Влияние этих ангекоков, конечно, зависело от их ловкости; но они, по-видимому, не были простыми шарлатанами. Вполне вероятно, что они сами отчасти верили в свое искусство и даже были убеждены, что иногда получали настоящие откровения; хотя Эгед не склонен верить, что у них была "какая-либо реальная торговля или взаимопонимание с дьяволом".

Они также могут излечивать болезни, произнося заклинания, давать человеку новую душу и так далее. Среди болезней, которые они якобы излечивают, считается неспособность ловить тюленей у мужчин, а у женщин - неспособность вынашивать детей. В последнем случае восточно-гренландский ангекок даже по сей день вынужден совершать путешествие на Луну, откуда женщине сбрасывают ребенка, и она беременеет от него. После этого трудного путешествия ангекок имеет право лечь с женщиной.^[147] Это посещение Луны, конечно, связано с вышеупомянутыми эротическими наклонностями этого светила. У индейцев луна, по-видимому, также оказывает влияние на деторождение.

Чтобы ангекок мог исцелять болезни, ему нужно хорошо платить; в противном случае его искусство будет бесполезным. Конечно, подарки получает не он сам, а торнак, для которого он просто выступает в качестве агента.

Благодаря своей связи со сверхъестественным миром самые почитаемые ангекоки обладают значительной властью над своими соотечественниками, которые боятся дурных последствий, которые могут последовать за любым актом неповиновения. Ибо в Гренландии все так же, как

раньше было здесь, со священниками, которые были настоящими мастерами своего дела — они были не только слугами Бога, но и знали "черную книгу" и имели власть над дьяволом. Ангекоки, действительно, по большей части доброжелательны; но они также могут творить зло, отнимая у других людей их души и отдавая их на съедение своим торнарссукам, посылая своих торнат пугать до смерти своих врагов и так далее. Таким образом, мы находим зачатки жреческого правления даже у эскимосов.

Однако по большей части именно люди другого класса виновны в таких проступках, как убийство других с помощью магии, заколдовывание их оружия и тому подобное. Это так называемые *илисицоки*, которые могут быть как мужчинами, так и женщинами.^[148] Этих волшебников и ведьм очень ненавидят. Раньше считалось, что большинство зол, особенно смерть и болезни, были вызваны ими; и если старую женщину подозревали в том, что она илисицок, ее безжалостно убивали. Это не может нас удивить, если вспомнить, как наши собственные предки во главе со священниками сжигали своих ведьм. В то время как ангекоки общаются с духами в присутствии других людей, дела илиситсоков со сверхъестественными силами ведутся в глубочайшей тайне и всегда заканчиваются пагубно. Они должны проходить тайное обучение у старшего илисицока и должны дорого платить за это обучение. Кажется, неясно, с какими сверхъестественными силами они имеют дело; они, несомненно, отличаются от тех, которые известны ангекокам, и намеренно держатся в секрете. В своих дьявольских искусствах они используют множество различных свойств, как, например, человеческие кости, плоть трупов, черепа, змей, пауков, водяных жуков и тому подобное; но их самое мощное приспособление состоит в изготовлении *тупилеков*. Тупилек готовится в строжайшей тайне из костей различных животных, шкур, кусков куртки человека, который должен быть ранен, или частей пойманных им тюленей; все это заворачивается вместе и заворачивается в шкуру. Наконец, он оживает с помощью наложенных на него чар пения. Затем илисицок садится на каменный берег недалеко от устья реки. Он переворачивает свой анорак задом наперед, натягивает капюшон на лицо, а затем болтает тупилеком между ног. Это заставляет его расти, и когда он достигает своего надлежащего размера, он скользит в воду и исчезает. Оно может превращаться во всевозможных животных и чудовищ и, как предполагается, принесет разорение и смерть человеку, против которого оно направлено; но если ему это не удастся, оно оборачивается против того, кто его послал.^[149]

Эти тупилеки сильно напоминают нам широко распространенную как в Норвегии, так и в Исландии веру в *ганд*, или "посланников", и вряд ли можно сомневаться в том, что эскимосы позаимствовали эту концепцию у наших предков в Гренландии. Исландский 'ганд' также является сказочным, волшебным существом, посланным волшебниками, обладающим способностью принимать любую возможную форму; и если ему не удастся уничтожить человека, против которого он послан, он возвращается и убивает отправителя. Однако в Гренландии, не в меньшей степени, чем в Исландии и Норвегии, он может быть подхвачен другими волшебниками или ведьмами, и таким образом предотвращается его дурное влияние.^[150]

Ринк видит в этих илиситсоках и их связи с силами зла возможное продолжение более древней или первобытной веры в Гренландии, которую преследуют священники новой веры, ангекоки.^[151] Точно так же мы обнаруживаем, что колдовство среди нас состояло в основном из остатков старого язычества и, следовательно, жестоко преследовалось христианами. Кажется, многое говорит в пользу этого остроумного вывода Ринка. Однако мне кажется

возможным, что поскольку тупилеки происходят от веры древних скандинавов в ганда, или "посланников", то происхождение всего ведьмовского предания можно найти в том же квартале. По-видимому, есть достаточно точек сходства, чтобы оправдать такую гипотезу.^[152] Ни в коем случае нельзя исключать, что именно эта вера в силу Лукавого, договор с сатаной, Черную Книгу и так далее — одним словом, вся вера в волшебство, которая лежала и в некоторой степени все еще лежит в самом корне суеверий нашей расы, можно сказать, даже глубже, чем вера в Бога, — могла быть первой заимствованной вещью эскимосами в их отношениях с нашими предками. Этот быстрый и простой способ получения сверхъестественной силы, должно быть, был особенно привлекателен для них. Насколько я также смог узнать, колдовство не играет такой уж заметной роли среди более западных эскимосов, если его вообще можно найти (?).

Мне еще предстоит поговорить о вере гренландцев в амулеты. Ими пользуются почти все, и они состоят из определенных предметов, обычно частей животных или человеческих существ. Над ними поют или бормочут заклинания, и родители дарят их своим детям, пока те еще совсем маленькие; или старшие инструктируют молодых людей, как найти амулеты для себя. Их носят всю жизнь, как правило, на теле или среди одежды. Мужчины, например, часто вшивают их в кожаные мешочки, сделанные специально для этой цели, и носят на груди, в то время как женщины часто завязывают их в узел на макушке своих волос. Другие помещаются на крыше дома или в палатке; или в каяке, чтобы предотвратить его опрокидывание. У одного человека, как правило, будет несколько амулетов. Предполагается, что они обладают силой защищать человека от колдовства и вреда, наносимого духами, оказывать помощь во время опасности и наделять своего обладателя определенными особыми способностями. Некоторые амулеты могут даже использоваться для маскировки их владельцев под животных и, таким образом, напоминают нам о 'хамлебинге' (облачении в соколиные, лебединые шкуры и т. Д.) В нашей старой мифологии. Если, например, у человека есть птица или рыба в качестве амулета, он может, призвав их, превратиться в птицу или рыбу; или он может превратиться в дерево, морскую водоросль или тому подобное, если его амулет состоит из куска дерева или морской водоросли. Вера в амулеты, как мы все знаем, распространена по всему миру, и ее можно проследить от самых примитивных до самых высокоразвитых рас. У эскимосов это, без сомнения, восходит к очень ранней стадии развития и является самой примитивной из существующих религиозных концепций. Происхождение этой веры представляется мне вполне объяснимым. Иногда, конечно, это могло возникнуть в результате простой внешней случайности, например, наблюдения за серией счастливых событий — что человеку, обладающему каким-то определенным предметом, всегда везло на рыбалке, и так далее. Но, как правило, его источник лежит глубже. Когда, например, человек видит, что птица, такая как сокол, рассекает воздух с невероятной легкостью и обладает необычайной способностью атаковать клювом и когтями, он склонен приписывать эти способности каждой части тела животного, и особенно голове с обитающей в ней душой, клюву и когтям. Нет ничего противоестественного в том, что бесплодные женщины, чтобы иметь детей, должны взять кусочки подошвы обуви европейца и повесить их себе на шею. Видя плодовитость европейцев, они думают, что через эти подошвы, на которых зиждется наша сила, какая-то ее часть "перейдет в их одежду и будет служить им до аналогичного конца".^[153] Когда мальчику, который плюется кровью и семья которого больна чахоткой, дают пробку из тюленьей крови в качестве амулета (пробку, которая используется для остановки кровотечения из ран пойманного тюленя), и когда это зашивают в куртку на груди, причина, безусловно, достаточно

ясна. Она основана на той же вере в *симпатический перенос*, которая играет столь важную роль в популярных суевериях всех стран. Эскимосы часто используют в качестве амулетов части одежды своих предков или другое имущество, как правило, принадлежавшее их дедам. Это, без сомнения, происходит из веры в то, что души умерших могут защитить их, и что, когда они носят с собой некоторые вещи умершего человека, им легче установить с ним контакт. Также зафиксированы случаи ношения с собой маленьких мужских и женских фигурок, которые служили амулетами.^[154] Переход от этой веры в амулеты к поклонению фетишу, или, скорее, идолопоклонству и изображениям, не кажется мне очень сложным.

Гренландцы также думают, что получают сверхъестественную помощь от своих чар. Они используются при болезни, в опасности, против врагов и т. Д. И оказывают примерно такое же влияние, как амулеты. Однако они имеют еще меньшую связь с духами, чем амулеты, и метод их действия неизвестен — никто не знает даже значения произносимых слов. Это просто старые формулы, которые передавались путем продажи из поколения в поколение. Они должны изучаться в тайне и оплачиваться на месте и по очень высокой ставке, иначе они не будут эффективны. Они произносятся медленно, приглушенным, мистическим тоном;^[155] кажется, что они были в определенной степени связаны с колдовством. Они сильно напоминают нам о наших старых ведьмах и их часто бессмысленных формулах. Мне кажется вероятным, что это, должно быть, воспоминания о старых обычаях, привезенных извне, чье первоначальное значение было утрачено. По словам Ринка, чарам также можно научиться, слушая пение птиц.^[156]

Помимо этих формул, используются также волшебные песни. Слова этих песен, однако, понятны, и их можно петь так, чтобы их слышали другие.

По словам Ринка, как правило, это умершие родственники и предки человека, использующего оберег, и особенно его бабушка и дедушка, к помощи которых обращаются в этих формулах и песнях. С другой стороны, из рассказа Холма мы не узнаем ничего подобного. Однако мне кажется вполне разумным предположить, что они, а также амулеты, часто имеют определенную связь с умершими и, таким образом, могут быть началом (или пережитком) более развитого культа предков. Когда мальчика впервые помещают в каяк, отец с помощью волшебных песен призывает для него защиту его умерших бабушки и дедушки, прадедушки и прабабушки.

Подношения сверхъестественным силам среди гренландцев встречаются очень редко. Наиболее распространенной формой подношения является посвящение духу моря, так называемый *кунгусутариссат* (множественное число от *кунгусутариак*). Они любят мясо лисиц и лисьи хвосты, которые поэтому предлагают им всякий раз, когда ловят лисицу, чтобы они могли сделать рыбалку успешной. Путешествуя, эскимосы также делают подношения определенным мысам, ледникам и тому подобному, которые они считают опасными, чтобы пройти мимо них невредимыми. Подношение, как правило, выбрасывается за борт в море; оно часто состоит из еды, но может также иметь форму бус или других ценных вещей.

Помимо этих религиозных церемоний, у гренландцев есть и другие, особенно определенные правила жизни, касающиеся поста, воздержания и тому подобного, которые должны соблюдаться, например, женщинами непосредственно перед или после рождения ребенка. Однако это завело бы нас слишком далеко, чтобы вдаваться в подробности этих вопросов.

Из этого обзора религиозных представлений гренландцев, несомненно, явствует, что они не настолько свободны от иностранного влияния, как многие были склонны думать. Мы можем проследить в них примеси из многих стран; мы нашли мифы, место происхождения которых, несомненно, столь же далеко, как Центральная Азия; более того, мы даже нашли некоторые, которые, несомненно, пересекают расстояние между Гренландией, Южной Африкой и островами Фиджи.[157] Распространение таких мифов предполагает огромные периоды времени. Однако, что, пожалуй, наиболее интересно для нас, так это следы визитов наших собственных предков в Гренландию, которые мы находим. Об их присутствии свидетельствуют не только несколько разрушенных зданий; они также оставили безошибочный отпечаток на духовной жизни местных жителей. Я приведу еще один или два примера поразительного сходства с европейскими, и особенно скандинавскими, суевериями, которые, по всей вероятности, возникли в результате общения с нашими предками.

Гренландцы верят, что дети, рожденные в тайне или убитые после рождения, становятся опасными призраками (*ангуак*). Среди прочего, у них есть привычка отыскивать собачий череп, который они используют как каяк, чтобы преследовать и убивать своих родственников — либо позже родившихся детей своей матери, либо, возможно, братьев своей матери, которые, упрекая ее в недостойном поведении, вынудили ее скрыть рождение. Иногда они также преследуют людей в виде пера, варежки и т. д.[158] Эта концепция очень похожа на веру в то, что называется *утбурден*, которая очень распространена в Норвегии. Это дети, которые, будучи рожденными в тайне и убитыми, не получили имени. Они не могут успокоиться, но в виде видимых или невидимых призраков преследуют либо мать, либо людей, которые проходят мимо места, где они были положены.[159] Сходство между этой норвежской концепцией и гренландским суеверием настолько велико, что есть все основания полагать, что оно было завезено в Гренландию древними скандинавами.[160]

Переходя к их сказкам, мы находим много таких, которые напоминают норвежские и другие европейские легенды. Например, у нас в Норвегии есть еще неопубликованная история[161] о трех сестрах, которые собирались выйти замуж. Одна сказала: "Я намерена выйти замуж, даже если мне в мужья достанется только лиса"; вторая сказала, что выйдет замуж, если ей достанется только коза, а третья - если ей достанется только белка. Вслед за этим пришли лиса, коза и белка и взяли каждый свою жену. После этого их отец нанес визит каждому из своих зятьев. Когда он пришел к беличьему дому, белка велела своей жене повесить котелок над огнем, а потом все трое вышли и подошли к реке, в которую белка нырнула и вытащила форель. Когда мужчина вернулся домой, он велел своей жене поставить котелок на огонь и выйти с ним на улицу. Добравшись до реки, мужчина попытался нырнуть, как это делала белка, но утонул. В Гренландии мы обнаруживаем, что эта история разделяется на две части. В одной из них две сестры спускаются к берегу и желают, одна - орла, другая - кита в качестве мужа; и эти животные сразу же приходят и уносят их.[162] В другом нам рассказывается о паре пожилых людей, которые живут одни со своей дочерью. Однажды приходит крупный незнакомый мужчина, который говорит, что живет недалеко от них, на юге, и просит замуж их дочь. Он добивается ее расположения и, покидая ее дом, просит своего тестя приехать и нанести им визит. Тесть так и делает. Когда он входит в дом, его дочь вешает чайник над огнем, а ее муж выходит. Старик смотрит ему вслед в окно, но видит только баклана, который летит над водой, ныряет и выныривает с морским скорпионом. Вскоре приходит зять с морским скорпионом,

которого он дает съесть своему тестю. Вернувшись домой, старик просит свою жену повесить горшок над лампой, затем гребет вместе с ней немного подальше от берега и привязывает камень себе на шею, а длинную веревку к поясу, говоря жене: 'Я нырну в воду, а когда я потяну за веревку, ты должна вытащить меня снова'. Он прыгает за борт и тонет, а когда жена вытаскивает его снова, он тонет.[163] Сходство между этой историей и последней частью норвежской настолько велико, что едва ли может быть какое-либо сомнение относительно ее происхождения. Мы должны, однако, принять во внимание возможность того, что это пришло не через древних скандинавов, а через Ханса Эгgede и его людей или даже позже.

Следующая история напоминает как азиатские, так и европейские легенды. Однажды охотник на северных оленей увидел несколько женщин, купающихся в озере. Он отобрал одежду у самой красивой из них, которая поэтому должна была последовать за ним домой и стать его женой, в то время как остальные бросились на берег, надели свою одежду, превратились в гусей или мергансеров и улетели. Его жена родила ему сына; но вскоре она принялась собирать перья, с помощью которых превратила и себя, и своего сына в птиц и улетела с ним в один прекрасный день, когда мужчина был на охоте. Он отправился на их поиски и наткнулся на человека, который рубил щепки из дерева, которые превращались в рыб. Этот человек посадил его на хвост большого лосося, который он сделал из чипсов, и велел ему закрыть глаза, после чего рыба принесла его к жене и сыну.[164] У американских эскимосов совершенно похожая история. У самоедов рассказывают, что мужчина отправился в путешествие и наткнулся на старую женщину, которая валила березы. Он помог ей и пошел с ней в ее палатку, где спрятался сам. Затем вошли семь девушек, которые поговорили со старухой и снова ушли. Она сказала ему: 'В самой темной части вон того леса есть озеро; там будут купаться семь девушек; сними одежду с одной из них' — и он так и сделал. Остальное сильно отличается от истории о Гренландии, и в ней вообще ничего нет о том, что они превратились в птиц, хотя их дом был в воздухе.[165] Эта история, сходство которой с гренландской легендой отмечает доктор Ринк,[166], однако, не так похожа на исландскую историю, в которой нам рассказывается, что однажды ранним утром человек шел вдоль моря и подошел ко входу в пещеру. Из пещеры доносились звуки танцев и веселья, а снаружи лежала грудa тюленьих шкур, одну из которых он забрал с собой домой. Позже в тот же день он снова подошел ко входу в пещеру; там сидела красивая молодая женщина, совершенно обнаженная, и плакала. Она была тюленем, которому принадлежала шкура. Он подарил ей одежду, забрал ее к себе домой, женился на ней, и у них родились дети. Но однажды, когда мужчина был на рыбалке, его жена нашла старую тюленью шкуру; искушение было слишком сильным для нее, она попрощалась со своими детьми, надела шкуру и бросилась в море.[167] История Гренландии в остальном напоминает легенды о лебедях, которые распространены почти по всему миру, и несколько из которых у нас есть в Европе. То, что он не мог быть завезен в Гренландию в последние годы, доказывается тем фактом, что Пол Эгgede слышал его там еще в 1735 году. Вероятность того, что он мог быть завезен в Гренландию древними скандинавами, мне кажется, подкрепляется тем фактом, что легенды о лебедях и истории подобного рода, по-видимому, не были распространены в Америке. Пауэрс, например, в своей книге об индейцах Калифорнии говорит, что он не может найти у них историй подобного рода.[168]

Если бы позволяло место, я мог бы привести несколько других замечательных совпадений между фольклором Гренландии и Европы, и особенно Скандинавии. Таким образом, представляется, что общение между древними скандинавами и туземцами, должно быть, было более тесным, чем принято считать.[169]

ГЛАВА XIV

ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Все эти суеверия, о которых я говорил, конечно, кажутся нам просто бессмысленной путаницей, искоренение которой должно быть несомненным преимуществом. Но если мы встанем на их точку зрения, то неужели она для них настолько бессмысленнее, чем наши христианские догмы, которые ведут их в совершенно чуждый им мир? Чтобы понять эти догмы, они должны были сначала перенести их в свой собственный образ мыслей, или, другими словами, они должны были сделать их более или менее языческими, прежде чем они вообще смогли по-настоящему понять их. Бесполезно воображать, что люди могут внезапно, по команде, начать мыслить совершенно по-новому. Это превращение стоило им большого труда, и хотя в глубине души они все еще язычники и верят в свои старые легенды, все же новое учение внесло путаницу в их представления. Одно это могло бы натолкнуть кого-то на мысль, что было бы лучше позволить им сохранить свою собственную веру в неприкосновенности. Это давало им, с их сравнительно скудными способностями к идеям, самое простое объяснение окружающего; это наделяло природу сверхъестественными силами, в которых они нуждались для утешения, когда реальность становилась для них слишком суровой и сложной. И как характерны эти мифы для эскимосов — например, представление о загробном мире! Здесь нет ни серебра, ни золота, ни роскошных одежд, ни сверкающих дворцов, как в наших рассказах; земные богатства не имеют ценности для эскимоса. Здесь также нет прекрасных женщин, цветущих садов и так далее. Нет; самое большее, что есть - глинобитная хижина, немного больше его собственной, и в ней сидят счастливые души, поедая гнилые тюленьи головы, которые неисчерпаемыми кучами лежат под скамейками; а вокруг нее раскинулись великолепные охотничьи угодья, где много дичи и много солнечного света. В его глазах наш Рай ангелов в белых одеждах, где блаженные сидят кругом на стульях, кажется скучным и бесцветным существованием, которого он не понимает и которое не возбуждает в нем тоски. Вряд ли стоит удивляться ан ангекоку, который сказал Нильсу Эгед, что ему гораздо больше нравится торнарссук, или "дом дьявола", где он часто бывал; 'Ибо на небесах нечего есть, зато в аду в изобилии водятся тюлени и рыба'.

Можно было бы ожидать, что победа миссионеров[170] над язычеством была бы очень легкой среди такого мирного и добродушного народа, как гренландцы; но вряд ли это было так. У туземцев было много возражений против христианских утверждений. Например, они не могли понять, что грех, совершенный Адамом и Евой, "мог быть настолько велик и повлечь за собой такие печальные последствия", что из-за него должен быть осужден весь род человеческий. "Поскольку Бог знал все, почему он позволил первым мужчине и женщине согрешить?" Идея свободы воли кажется им, откровенно говоря, сущим вздором, и, если бы не свобода воли, потомство Адама никогда бы не было развращено, и Сыну Божьему не пришлось бы страдать.

Одна девушка была совсем не удовлетворена ответом, который она получила на эти возражения. 'Она хотела получить на них такой ответ, чтобы она могла внутренне согласиться и

почувствовать, что ответ был правдивым, и что она могла заставить замолчать тех, кто так много хотел сказать против этой части нашей доктрины'. Точно так же они придерживались мнения, что Адам и Ева, должно быть, были очень глупы, раз подумали о беседе со змеем, и "что они, должно быть, очень любили фрукты, поскольку предпочли бы умереть и страдать от боли, чем отказаться от нескольких крупных ягод'. Другие думали, что это совсем как у кавдлунаков (европейцев), потому что "этим жадным людям никогда не бывает достаточно; у них есть и они хотят иметь больше, чем им требуется'. Один ангекок считал большим несчастьем, что Христос, великий ангекок, который мог даже оживлять мертвых, не родился среди эскимосов; они любили бы его и повиновались ему, а не поступали так, как глупые кавдлунаки. 'Что за безумцы! убить человека, который мог оживлять мертвых! Когда они увидели, что европейцы-христиане ссорятся и сражаются, они мало верили в христианские доктрины и сказали: 'Возможно, если бы мы знали столько же, сколько они, мы тоже стали бы бесчеловечными'. И они думали, что невозможно найти европейцев с хорошим поведением, "если только они не провели несколько лет в Гренландии и не изучили там *нравы*".

Некоторые спрашивали, поскольку христианство было так важно, почему Бог не научил их этому раньше, ведь тогда их предки тоже могли бы попасть на небеса. Когда Пол Эгед ответил, что, возможно, Бог увидел, что они не примут Слово, а скорее презирают его и тем самым становятся еще более виноватыми, один старик сказал, что он знал много замечательных людей и у него самого был благочестивый отец; и даже если некоторые из них, возможно, презирали Слово, 'все же были женщины и дети, которые все доверчивы'. Когда Пол Эгед объяснил им, что мирские блага - это "дребедень", совершенно недостойная того, чтобы попасть на небеса, кто-то ответил: "Я не знал, что об этих вещах не стоит думать; если там так хорошо, почему мы так не хотим покидать землю?"

Когда Священные Писания начали переводиться, возникли серьезные возражения. Многие даже из гренландцев-христиан считали, что было бы нежелательно, чтобы их неверующим соотечественникам рассказывали, например, о 'коварстве и вероломстве Иакова по отношению к своему отцу и брату, о полигамии патриархов и особенно о несравненной порочности Симеона и Левия'. 'Историю Лота' они тоже сочли неудачной. "Выбор того, что было самым важным, был бы лучше для этого народа".^[171]

Таинство жертвенника, конечно, казалось в их глазах самым вопиющим колдовством, как и крещение. Однажды, рассказывает Нильс Эгед, когда они видели, как несколько европейцев проходили эту церемонию, "один ангекок спросил меня, почему я всегда осуждаю тех, кто практикует колдовство, когда один из наших собственных священников совершает колдовство над нами?' На что Эгед не нашел лучшего ответа, чем сказать, что это было "в соответствии с повелением Христа"; он не думал, что "собака имела какое-либо право знать больше'. Однажды, когда миссионеры сказали человеку, 'что он должен особенно благодарить Бога, который дал ему много детей', он очень рассердился и ответил: "Это большая ложь - говорить, что Бог дал мне детей, потому что я сотворил их сам. - Разве это не так? - спросил он, поворачиваясь к жене.

Их критика доктрины и практики миссионеров иногда была настолько резкой, что умный и честный торговец Далагер вынужден был признать, что "даже самые глупые туземцы далеко за пределами колонии часто предъявляли мне такие возражения по этим пунктам, которые заставляли меня стонать, а на лбу у меня выступал пот".

Поначалу им, похоже, очень наскучила Божественная служба; они предпочитали слушать о Европе и задавали множество наивных вопросов: 'Был ли король очень большим? Был ли он сильным? Был ли он великим ангекоком? И много ли китов он поймал?' Пол Эгед пишет, что, когда им показалось, что проповеди его отца слишком длинные, 'они подошли к нему и спросили, не собирается ли он скоро остановиться. Затем ему пришлось отмерить на своей руке, сколько осталось от его речи, после чего они вернулись на свои места и сели, поминутно двигая руками по плечам. Когда проповедник делал паузу в конце абзаца, они поспешно вытягивали руку до самых кончиков пальцев; но когда он начинал снова, они восклицали "Ама" (то есть "Еще больше") и снова отводили руку назад до половины предплечья. Пение было по моей части, и когда я начинал новый псалом или пел слишком долго, они часто зажимали мне рот мокрой рукавицей из тюленьей кожи".

Обращение миссионеров с туземцами не всегда было самым мягким. Я могу привести пару примеров, выбранных наугад из их собственных заявлений: 'Я дал ему понять, ' говорит Нильс Эгед, - что, если он не позволит убедить себя честными средствами, но презрит Слово Божье, он должен получить от меня то же обращение, что и другие ангекоки и лжецы (а именно взбучку)'. "Когда я испробовал все, что мог, с помощью убеждения и увещаний, но безрезультатно, я прибегнул к своему обычному методу, хорошенько выпорол его и выгнал из дома".[172] Девушка была избита своим священником, "потому что она не могла поверить, что Бог был таким жестоким, каким он Его представлял; он сказал, что все ее предки были с Торнарссук и должны были подвергаться вечным пыткам, потому что они не знали Бога'. Она попыталась защитить их, предположив, что они не знают ничего лучшего, после чего он вышел из себя; и когда, наконец, она сказала, "что для нее было ужасно узнать, что Бог так ужасно разгневан на тех, кто согрешил, что он никогда не сможет простить их, как иногда делают даже злые люди", он избил ее.[173] Нас не может не потрясти известие о подобном поведении наших соотечественников и христианских миссионеров по отношению к столь миролюбивому народу; и вряд ли это произвело бы лучшее впечатление на самих туземцев. Мы можем только восхищаться их добродушием, которое помешало им выгнать миссионеров из их домов. В оправдание миссионеров мы должны помнить, что они родились в Европе и в гораздо более суровую эпоху, чем наша.

Обращение туземцев поначалу шло медленно и с трудом; но постепенно они обнаружили, что миссионеры на самом деле были великими ангекоками и что их церемонии, такие как крещение, их доктрины и формулы, христианские книги, и так далее, были магическими средствами, способными излечивать болезни, защищать от нужды, обеспечивать хороший промысел и другие преимущества; не говоря уже о том, что обращение и небольшая видимость раскаяния часто приносили немедленные плоды в виде небольших вознаграждений от усердных миссионеров. Соответственно, они сказали о них: 'Они хорошие люди, они давали нам еду, когда мы верили, и выглядели печальными". Отец, чей сын был опасно болен, после обращения к различным ангекокам посоветовался со старым и опытным человеком, 'не следует ли ему обратиться за помощью к священнику в Колонии", на что старик спокойно ответил: 'Вы можете поступать, как вам заблагорассудится; ибо я придерживаюсь мнения, что Слово Божье и слова умелых ангекоков одинаково могущественны'. Постепенно это стало общим мнением; и поскольку, к счастью, в нескольких случаях Слово Божье оказывалось более действенным, чем Слово ангекоков, было естественно, что некоторые позволяли крестить себя. Однажды приведенный пример давал повод многим последовать ему, особенно когда его вели выдающиеся охотники.

Но если гренландцы номинально перешли в христианство, они придерживались и до сих пор придерживаются в большей или меньшей степени своей старой веры. Поначалу было очень трудно убедить их в ложности гротескных выдумок их ангекоков. Когда их упрекали в доверчивости, они просто отвечали, "что у них нет привычки лгать и поэтому они верят всему, что им говорят".

Однако то, что они не были абсолютно простодушны, принимая все, что им говорили европейцы, становится очевидным из того, что, среди прочего, когда некоторые гренландцы не смогли убедить Нильса Эгgede поверить в их утверждение о том, что "на Диско они убили медведя, который был таким большим, что на спине у него был лед, который никогда не таял", они сказали: "Мы поверили тому, что вы нам сказали, но вы не поверите тому, что мы вам скажем".

Чтобы показать, насколько далеко продвинулось христианство и как некоторые из них, во всяком случае, все еще понимают крещение, я могу упомянуть, что несколько лет назад в Северной Гренландии катехизатор (человек, получивший теологическое образование и замещающий священника в его отсутствие) крестил не только своих прихожан, но и своих щенков во имя Отца, Сына и т.д. Его жена была бездетной, и он воспользовался этим средством, как ему казалось, чтобы исправить положение; и, конечно же, в следующем году она родила ребенка.

Той частью их старого язычества, которая сейчас больше всего преследует их воображение, насколько позволяет мой опыт, является вера в кивитутов, или горцев (см. Выше, стр. 266). Они пребывают в великом страхе перед ними и часто думают, что видят их. Пока мы были в Годтаабе, видели нескольких из них. Всякий раз, когда что-либо крадут из одной из их кладовых, это, конечно, делают кивиту, и если человек-кайак исчезает, а его тело не находят, предполагается, что он сразу же ушел в горы и стал кивитоком. Похоже, что в последние годы это убеждение значительно укрепилось. Катехизатор в 'Атуагагдлиутит' обращается к своим соотечественникам с упреком по этому поводу и восклицает: 'Нет, давайте верить о тех, кто погибает в коварном море, что они покоятся своими конечностями на великом кладбище на дне океана и что их души живут в радостях вечности'.

Однажды я получил неприятное доказательство укоренившейся природы этого суеверного ужаса. Однажды поздно вечером в Годтаабе я отправился в дом одного из гренландцев с письмом, которое должно было быть отправлено рано утром следующего дня с несколькими кайаками из другого места. Когда я вошел, весь дом был погружен в глубокий сон; мужчины и женщины лежали бок о бок на главной спальной скамье, как селедки на картошке. Чтобы не беспокоить их больше, чем необходимо, я хотел разбудить единственного неженатого сына в доме, Джейкоба, который одиноко лежал на скамейке у окна. Мы с ним были отличными друзьями и виделись ежедневно. Я встряхнул его и крикнул 'Джейкоб' ему в ухо. Он спал так же крепко, как и всегда, и мне пришлось долго и яростно трясти его, прежде чем он, наконец, приоткрыл глаза и что-то проворчал. Но когда он увидел, что я склонился над ним, его глаза остекленели от ужаса, и он сел, издав страшный вопль, пиная и колотя меня. Он продолжал кричать все более и более дико и отбивался назад на скамейке. Все сидевшие на главной скамье теперь тоже сели и уставились на меня в полном ужасе, в то время как бедный я стоял там в безмолвном изумлении от поднятого мной шума. Наконец ко мне вернулся дар речи, я подошел к Джейкобу, протянул к нему руки и произнес несколько ободряющих слов. Но от этого

ему стало только хуже, чем когда-либо. Когда я увидел, что слова бесполезны, я замолчал и начал смеяться, после чего вопли прекратились так же внезапно, как и начались, и Джейкоб покраснел так же сильно, как раньше был белым, и смущенно пробормотал что-то о том, что ему приснился кивиток, который хотел унести его в горы. Я отдал ему свое письмо и удалился так быстро, как только мог. На следующий день по всей Колонии стало известно, что я был кивитоком, потому что соседи слышали крики.

ГЛАВА XV

ЕВРОПЕЙЦЫ И ТУЗЕМЦЫ

Отношение европейцев к гренландцам во многих отношениях уникально, поскольку с эскимосами обращались более нежно, чем с любым другим первобытным народом, подвергшимся нашим экспериментам в области цивилизации. Правительство Дании, безусловно, заслуживает самого высокого уважения за свои действия в этом вопросе, и было бы очень желательно, чтобы другие государства последовали приведенному здесь примеру. Забота об истинном благополучии туземцев была в значительной степени определяющей в их политике, и едва ли найдется другой пример народа охотников, который вступил бы в такой тесный контакт с европейской цивилизацией и прозелитизмом и так хорошо держался в течение столь длительного времени.

Мы не часто встречаемся с таким энтузиазмом, как тот, который побудил нашего соотечественника Ханса Эгgede и первых миссионеров отправиться на поиски этой в то время почти неизвестной земли и заставил их пережить там столько трудностей. Они делали это из лучших побуждений и думали, что тем самым способствуют как духовному, так и материальному благополучию эскимосов. Если мы сравним эту миссию и отношение к Гренландии в целом с поведением европейцев при аналогичных обстоятельствах в других частях света, мы не можем не признать действия необычайно гуманного духа; и по мере того, как мы исследуем всю историю правительства Гренландии вплоть до наших дней, мы находим все новые и отрадные примеры проявления этого духа.

Однако, при всей доброй воле в мире, цивилизованные люди не могут противостоять тенденции смотреть свысока на примитивный народ как на своих подчиненных. Даже в истории Гренландии мы находим множество доказательств этого. Из его собственных сочинений мы узнаем, что преданный делу Ханс Эгgede сам питал немалое презрение к туземцам, обращать которых в христианство он считал своей миссией. Он даже рассказывает, как часто бил их, приказывал выпороть или привязывал к концу веревки. Однажды, узнав от маленького мальчика, что ангекок по имени Элик сказал, что искоренить иностранцев, прибывших в их страну, будет несложно, он отправился в путь с семьей вооруженными людьми, напал на ангекока, взял его в плен и доставил в колонию. Там 'он получил несколько ударов концом веревки и был закован в кандалы'. Вечером сыновья ангекока пришли справиться о своем отце, и им "разрешили, по их собственной просьбе, разбить свои палатки в колонии". Через несколько дней заключенного выпустили на свободу, и они ушли. Можно было бы предположить, что после такого обращения гренландцы будут испытывать

недоброжелательность к иностранцам; но их добродушие и гостеприимство ни с чем не сравнимы. По счастливой случайности, следующей зимой сын Ханса Эгеде, Пауль, принимавший участие в этом своевольном разбирательстве, был загнан погодными условиями в место, где он с удивлением обнаружил ангекок Элик. Это было не особенно приятно, как он сам признается; но, к его удивлению, его пригласили занять его комнату у ангекока, который расстелил для него оленью шкуру на его собственной спальной скамье. Там Полю Эгеде пришлось пробыть три дня, и его угощали всем самым лучшим.^[174] Это действительно "Воздавать добром за зло" и "Делать добро тем, кто тебя ненавидит"; но Эгеде объяснил это готовностью гренландцев "смириться с наказанием, когда они чувствуют, что заслужили его".

У Ханса Эгеде была и другая привычка, которая не выказывала ни малейшего уважения к туземцам; время от времени он брал детей к себе домой, вопреки желанию их родителей, и держал их там, чтобы выучить у них язык. В этой связи они сложили о нем песню: 'Из-за великого моря с Запада пришел чужой человек, который крадет мальчиков и дает им в пищу густой суп с кожурой (то есть кашу) и сушеную землю со своей земли (то есть корабельные галеты)'. Когда Поль Эгеде однажды предложил матери подарок, если она позволит своему сыну побыть с ним еще некоторое время, она ответила, что дети - это не предмет торговли.

В Гренландии мы все еще можем найти свидетельства того, как трудно нам избавиться от укоренившегося презрения ко всем так называемым аборигенам. Мотив, по которому европейцы поддерживают колонии в стране, заключается в том, что они могут быть для нее благословением; торговля ведется, конечно, исключительно ради миссии и туземцев. Тем не менее, отношения между туземцами и иностранцами основываются на совершенно неправильной основе. Иностранцы рассматриваются как ими самими, так и гренландцами как высшая раса и хозяева страны, которым надлежит всячески повиноваться; тогда как, если бы они действительно были там ради туземцев, они скорее должны были бы быть их самоотверженными слугами. Наполовину добровольно, наполовину невольно европейцы сами подчеркивали это отношение и все это время относились к туземцам как к подчиненной расе. Мы приехали в страну проповедовать христианство; но как это согласуется с нашим христианским учением о свободе и равенстве, и особенно с примером самого Христа?

В качестве примера того, до каких масштабов дошло это злоупотребление, я могу упомянуть, что в нескольких поселениях Южной Гренландии местным жителям запрещено держать собак, потому что горстка европейских семей, которые там живут, хотят держать коз. Этот запрет, правда, во многих случаях устанавливался местным советом (см. стр. 321); но он был предложен европейцами, а поскольку гренландцы, как я уже говорил, всегда следуют их примеру, было нетрудно добиться их согласия на это вопреки их собственным реальным желаниям. Я слышал, как они горько сожалели о том, что были настолько глупы, чтобы согласиться на такой запрет. Однако самую вопиющую несправедливость можно наблюдать в деревнях, где проживают немецкие миссионеры, и где только по той причине, что его собственные козы могут жить в мире, преподобный джентльмен издает указ, запрещающий его пастве держать собак.

Я говорил об этом со многими умными и добросердечными жителями Гренландии, но обнаружил, что все они придерживаются мнения, что, поскольку собаки преследовали коз и беспокоили их, само собой разумеется, что они должны быть запрещены. Когда я возразил, что европейцев мало, а гренландцев много, так что было бы разумнее, если бы последние запретили держать коз, они просто рассмеялись мне в лицо. Казалось, им и в голову не

приходило, что они сами вторглись сюда незваными гостями и что эскимосы держали собак с незапамятных времен. Они также не видели ничего особенно плохого в том, что козы часто срывали дерн с крыш и стен домов гренландцев, портили рыбу, когда ее развешивали сушиться, и так далее.

Другой результат разного отношения к правам европейцев и туземцев можно найти в правилах, касающихся продажи бренди. Хотя, как указано в главе V., продавать бренди коренным жителям страны незаконно, жители Европы могут употреблять его в таком количестве, в каком им заблагорассудится. Это прискорбно, ибо туземцев едва ли может не раздражать, когда им постоянно напоминают, что их считают недостаточно хорошими, чтобы доверить то, что может быть по желанию у самого подлого европейца. Но это постановление становится еще более пагубным из-за того факта, что гренландцам, поступающим на службу к европейцам, разрешается каждый день употреблять бренди, в то время как другие могут получить его, если продадут что-нибудь европейцам. То, что это может легко привести к серьезнейшим злоупотреблениям, достаточно ясно, и мы можем быть уверены, что это действительно произошло. Я пропускаю мимо ушей незначительные несоответствия, такие как тот факт, что некоторым отдельным уроженцам смешанного происхождения и имеющим социальную значимость разрешается ежегодно заказывать из Европы указанное количество бренди.

Конечно, была очевидная необходимость запретить продажу бренди в Гренландии под страхом значительного ускорения истребления местной расы. Но единственным правильным и последовательным решением было бы распространить запрет как на местных жителей, так и на европейцев. Многие утверждают, я знаю, что это означало бы создать несправедливые трудности для европейцев, которые всю свою жизнь привыкли к этому стимулятору; и я знаю, что это было бы особенно справедливо в отношении людей из Дании, где бренди пьют почти за каждым приемом пищи, даже среди рабочего класса, и где это, таким образом, рассматривается как почти жизненная необходимость. Но, несмотря на это, я не могу не придерживаться своего мнения, что общий запрет был бы единственно правильным и выгодным для обеих сторон. Такое требование нельзя назвать несправедливым, поскольку, если о запрете известно заранее, любой европеец всегда может воздержаться от поездки в Гренландию, и я не боюсь ничего, кроме того, что в любом случае в стране всегда будет много европейцев.

Но мои требования пошли бы еще дальше. Я считаю, что должна быть запрещена не только продажа бренди, но также продажа кофе, табака и других несомненно вредных или, во всяком случае, бесполезных продуктов, которые мы ввели среди туземцев. Совершенно очевидно, что они не испытывали к нему ни малейшего желания; напротив, нам потребовалось много времени, чтобы они приобрели нужный вкус. Жители Восточной Гренландии по сей день не любят кофе. На западном побережье, как уже говорилось, нам, к сожалению, удалось создать этот вкус, и кофе внес немалый вклад в упадок расы. Но если бы продажа кофе местным жителям была запрещена, то, конечно, следовало бы запретить и его ввоз для употребления европейцами. Многие назовут это фанатизмом, но я ничего не могу с этим поделать. Мое мнение таково, что если мы действительно приехали в их страну ради туземцев и обязались жить там и учить их, мы должны доказать это своим поведением, мы должны последовательно выполнять обязанности, возложенные на нас такой ответственной и трудной миссией, и мы должны смириться с небольшими лишениями, которые это может повлечь. Такая работа

самопожертвования не может быть продолжена без лишений. Апостолы Господа всегда считали страдание неотъемлемой частью своего призвания, и если мы не можем вынести его, мы не приспособлены и не достойны такой задачи, и должны вообще воздерживаться от нее. Если, с другой стороны, мы приехали в Гренландию не ради туземцев, а ради самих себя, это совсем другое дело; но в таком случае давайте называть вещи своими именами, а не использовать такие громкие слова, как цивилизация и христианство.

Чтобы исправить состояние беззакония, возникшее из-за неиспользования старых обычаев под влиянием миссионеров и из-за того факта, что самый подлый европеец чувствовал себя вправе смотреть на туземцев свысока и властвовать над ними, энтузиастическая энергия доктора Кинка привела к созданию так называемых местных советов (*forstanderskaber*), которые частично состоят из членов-туземцев, выбранных различными деревнями или небольшими округами. Намерение состояло в том, чтобы в этих советах регулировались все внутренние дела сообщества, определялся уровень бедности и, в целом, поддерживались закон и порядок. Однако, поскольку гренландцы сами не разбирались в этих вопросах, пастор в каждом округе должен был выступать в качестве председателя совета, а другие жители Европы должны были быть его членами, а также консультировать и направлять местных советников. Теперь кажется, что европейцы постепенно получили в свои руки всю реальную власть, а остальные просто подчиняются их желаниям. Это была прекрасная идея, достойная всякого признания, что туземцы должны приобрести привычку к самоуправлению, и нововведение доктора Ринка знаменует собой поворотный момент к лучшему в истории гренландцев. Однако она страдает недостатком, неотделимым от всех мер, которые европейцы могут изобрести на благо туземцев, а именно тем, что она возникла не среди самих людей, которые должны извлечь из нее выгоду. Введение новых социальных обычаев нигде не может быть осуществлено в одночасье; изменения не могут быть вызваны одним актом воли, но должны быть результатом длительного процесса развития самих людей. Институту, навязанному извне иностранцами, должно потребоваться, по крайней мере, очень много времени, чтобы укорениться в национальной жизни. Многие гренландцы сейчас считают за честь быть членом совета; но я также знал других, и эти самые способные среди них, которые не ценят этой чести, считая более важным заниматься охотой и обеспечивать свои семьи, чем преодолевать большие расстояния, чтобы присутствовать на собраниях, где, в конце концов, при их преувеличенном уважении к европейцам они не могут ничего сделать, кроме как последовать их примеру и согласиться с теми мерами, которые они предлагают.

Из того, что я только что сказал, и из многих других отрывков в этой книге, читатель, возможно, будет склонен заключить, что гренландцы - народ, не обладающий естественной независимостью и рожденный для подчинения. Это, однако, большая ошибка. Напротив, любовь гренландцев к свободе и независимости всегда была очень заметной. Когда европейцы впервые приехали в эту страну, туземцы считали себя, по крайней мере, равными себе, и мысль о том, чтобы занимать рабское или подчиненное положение по отношению к другому человеку, как это делают европейцы между собой, казалась им странной и унижительной. Это правда, что отец семейства пользуется определенной властью в своем собственном доме и, возможно, над всеми семьями, живущими в одном доме; но эта власть настолько мягкая и ненавязчивая, что ее едва ощущаешь. У них тоже есть слуги, настолько, что женщин, у которых нет родителей или других родственников, которые могли бы их обеспечивать, часто принимают в дом охотника, чтобы они помогали матери, дочерям и невесткам по хозяйству; но они находятся с ними на равных и, таким образом, являются слугами скорее номинально, чем на самом деле. Слуги-

мужчины совершенно неизвестны. Следовательно, они с трудом могли примириться с мыслью о том, чтобы поступить на службу; и больше всего на свете им по-прежнему не нравится, когда ими командуют властным образом, даже если их чрезвычайный миролюбивый нрав не позволяет им открыто протестовать.

Из-за этой любви к свободе европейцам поначалу было трудно нанять слуг-туземцев. Постепенно, однако, европейское влияние деморализовало туземцев и в этом отношении, так что даже охотники теперь поступают на службу к Компании и иногда испытывают определенную гордость за это; ведь, помимо всего прочего, они, как датские "официальные лица", имеют право на свой *spærsemik* (драхму) каждое утро.

Датские дамы до сих пор могут свидетельствовать о том, что не так-то просто не задеть гордость их гренландских служанок. Они активны и приятны до тех пор, пока с ними хорошо обращаются; но если в их адрес сказать грубое слово, они часто исчезают без церемоний и больше не возвращаются. Если хозяйка не готова съесть лук-порей и попросить прощения, она должна поискать другую служанку.

Если гренландец иногда производит впечатление человека с раболепным нравом, я думаю, что этот эффект обусловлен его поразительным терпением и способностью воспринимать все, даже самую откровенную несправедливость, с невозмутимым спокойствием. Должно быть, именно это терпение Эгgede описывает как 'врожденную глупость и хладнокровие гренландцев, их ленивое и грубое воспитание' и так далее. Я полагаю, что именно трудности их жизни научили их этому внешне флегматичному спокойствию. Сама неуверенность в их охоте, например, часто подвергает их терпение самым суровым испытаниям; как, например, когда они терпят неудачу и возвращаются домой день за днем без добычи для своих голодных семей. Эгgede меньше всего имели право жаловаться на эту черту характера, поскольку, если бы не она и их чрезвычайный миролюбивый нрав, они, конечно, не мирились бы так дружелюбно с часто жестокими действиями первых европейцев. У меня было много возможностей восхититься их стоическим терпением — когда, например, я видел их утром, как они часами стояли в коридоре дома Управляющего Колонией или ждали в снегу у его двери, чтобы поговорить с ним или его помощником, который был занят чем-то другим. Вероятно, им нужно было уладить с ними какое-нибудь небольшое дельце, прежде чем отправиться по домам, часто за много миль от колонии, и для них могло быть крайне важно уехать как можно скорее, чтобы вовремя добраться до места назначения. Если бы погода выглядела угрожающей, каждая минута была бы более чем драгоценна; но там они стояли бы в ожидании, такие же неподвижные, как всегда, и, судя по всему, такие же безразличные. Если я спрашивал их, собираются ли они отправиться в путь, они только отвечали: "Я не знаю", "Возможно, если погода не ухудшится" или что-то в этом роде; но я ни разу не услышал ни малейшего намека на нетерпение.

Следующий случай, за который ручается мой информатор, служит прекрасной иллюстрацией этой стороны их характера. Инспектор из Годтааба однажды отправил женскую лодку с командой в Амералик-фиорд косить траву для своих коз. Они долго отсутствовали, и никто не мог понять, что с ними стало. Наконец они вернулись; и когда инспектор спросил, почему они

так долго отсутствовали, они ответили, что, когда они добрались до места, трава была слишком короткой, так что им пришлось успокоиться и подождать, пока она вырастет.

С таким же терпением гренландцы ожидают, когда назреет их собственная гибель. Они терпеливый народ.

ГЛАВА XVI

ЧЕГО МЫ ДОСТИГЛИ?

Целью нашей миссии и нашей работы по развитию цивилизации в Гренландии было, во-первых, завоевать себе честь перед Богом и людьми и обеспечить наше собственное спасение в другом мире; и, во-вторых, принести пользу местным жителям. Но что мы наделали?

Давайте сначала посмотрим на чисто материальную сторону. На первый взгляд может показаться, что мы должны были бы суметь донести до таких людей, живущих практически в каменном веке, многое из того, что помогло бы им в их нелегкой борьбе за существование. На самом деле, это было отнюдь не так. Вещи, которые были для них наиболее важны, их оружие и охотничьи принадлежности, никоим образом не поддавались улучшению в наших руках. Это правда, что мы привезли им железо, которое пригодится для изготовления наконечников гарпунов и ножей; но гренландцы и раньше знали об этом не так уж плохо и, кроме того, вполне могут обойтись без него. Они снабжали свои гарпуны наконечниками из твердой слоновой кости или камня, они делали свои ножи из того же материала и ловили в те дни гораздо больше тюленей, чем сейчас.

Но разве наше огнестрельное оружие не принесло им большого преимущества? Совсем наоборот. Винтовка, например, позволила им совершать ужасные убийства северных оленей просто ради небольшой и сиюминутной выгоды. Это зашло так далеко, что на узкой полоске голой, изуродованной местности, протянувшейся вдоль западного побережья, ежегодно убивалось не менее 16 000 северных оленей, причем, как правило, отбирали только шкуру и продавали европейцам, а мясо оставляли гнить. Конечно, вскоре это привело к почти полному истреблению животных, и охота почти полностью прекратилась, потому что, как было объяснено, 'северные олени покинули побережье'. В прежние времена, когда они охотились с луком и стрелами, они могли убить все, что им требовалось, но убой никогда не был настолько велик, чтобы серьезно уменьшить численность северных оленей.

ПЕЙЗАЖ ФИОРДА НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ (В ТИНГМИАРМЬЮТЕ)

Для морской охоты винтовка также была обратной стороной преимущества. Когда во фьорде много тюленей, они пугаются выстрелов и уходят в море, тогда как охота на гарпун продолжается в тишине. Более того, конечно, легче убивать тюленей из ружья, чем загарпунить их, и поэтому винтовка привела к снижению мастерства обращения с гарпуном. И все же гарпун остается чрезвычайно важным; в то время как охотник с ружьем должен оставаться дома в плохую погоду, охотник за гарпуном может выходить на улицу в любую погоду и обеспечивать свою семью. Охота с гарпуном также является более рациональным методом, поскольку раненое животное почти всегда находится в безопасности; тогда как из тюленей, раненных ружьем, по крайней мере, столько же убегает и погибает без всякой цели, сколько добывается и доставляется домой.

Да и дробовик не принес настоящей пользы. Во многих районах это побудило жителей посвятить себя более легкой охоте на птиц, чем охоте на тюленей, которая является и должна быть занятием, от которого зависит само существование эскимосского сообщества; ибо тюлень дает мясо, жир как для еды, так и для топлива, а также шкуры для каяков, лодок, палаток, домов, одежды, обуви и так далее — ничто не может заменить этого. Другое зло заключается в том, что с помощью дробовика гренландцы получают возможность убивать так много птиц определенных видов (например, уток-гагарок), что их численность ежегодно уменьшается; и это вскоре приведет к большим страданиям, ибо охота на птиц в настоящее время стала главным средством существования многих семей. В Годтаабе, например, обитатели питаются им большую часть зимы, поскольку там мало способных охотников на тюленей. В прежние времена эскимос убивал птиц своим метательным дротиком. Это тоже было эффективным оружием, и птиц, которых он ранил, он добыл; когда теперь он посылает свою маленькую дробь в рассеянную стаю гагар, кто может сосчитать, сколько их уничтожается, не принося никому никакой пользы?

Нет, мы, конечно, не можем льстить себе надеждой, что усовершенствовали его методы охоты; мы лишь внесли в них беспорядок, всю степень разрушительных последствий которого мы пока даже не можем предвидеть.

Но хуже всего то, что все наши европейские товары нанесли ему непоправимый вред. Мы, как я показал, были настолько безнравственны, что позволили ему приобрести вкус к кофе, табаку, хлебу, европейским продуктам и нарядам; и он обменял нам свои незаменимые тюленьи шкуры и жир, чтобы добыть все эти вещи, которые доставляют ему лишь минутное сомнительное удовольствие. Тем временем его женская лодка пришла в негодность из-за нехватки шкур, его палатка тоже, и даже его каяк, важнейшее условие его существования, часто остается непокрытым на берегу. Лампы в его доме часто приходится гасить зимой, потому что осенний запас жира был продан Компании. Сам он должен ходить зимой в европейских лохмотьях, а не в теплой меховой одежде, которая у него была раньше. Он становился все беднее и беднее, от восхитительных летних путешествий по большей части пришлось отказаться из-за нехватки лодок и палаток для женщин, и теперь круглый год ему приходится жить в закрытых домах, где процветают заразные болезни, наносящие населению больший ущерб, чем когда-либо прежде. Чтобы показать, насколько велик был упадок в определенных районах, я могу упомянуть, что в местечке близ Годтааба, где несколько лет назад было одиннадцать женских лодок,^[175] теперь была только одна, и та принадлежала миссионеру.^[176]

Статистика численности населения Гренландии за последние годы может на первый взгляд показаться обнадеживающей. Например, в 1855 году число туземцев на западном побережье составляло 9644 человека, в то время как в 1889 году их было 10 177. Но мы не должны усыплять нашу совесть этими цифрами; к сожалению, они обманчивы, и цифры за прошедшие годы покажут, что численность населения колеблется очень сильно. В 1881 году их было не более 9 701, а в 1883 году - только 9 744 (таким образом, с 1855 года их количество увеличилось всего на 100). В 1885 году он вырос до 9 914, а в 1888 году - до 10 221; но затем снова упал в 1889 году до 10 177. У меня нет более поздней статистики. Эти цифры, в которых чередуются увеличение и уменьшение, показывают, что положение вещей не может быть здоровым. Не следует также забывать, что Ханс Эгед полтора столетия назад оценивал население западного побережья в 30 000 человек. Вероятно, это сильно завышенная оценка, но существует огромная разница между 30 000 и 10 177. Несомненно, что эти люди плывут с "трупом в грузе".^[177]

Заболеваемость в последние годы тревожно возросла. Особенно это касается бича гренландцев - чахотки, или, точнее, туберкулеза, который наносит все более масштабный ущерб. В мире может быть немного мест, где она поражает столь значительную часть населения. Не совсем ясно, завезли ли мы эту болезнь в Гренландию, но, скорее всего, это так; и в любом случае, как я уже несколько раз указывал, наше влияние во многих отношениях способствовало распространению этой и других заразных болезней.^[178] Туберкулез в настоящее время настолько распространен, что почти легче подсчитать тех, кто им не болеет, чем тех, кто болеет. Удивительно, однако, какую силу сопротивления этой болезни проявляют туземцы. Иногда в молодости они заходят в этом так далеко, что обильно сплевывают кровь и все же доживают до почтенного возраста. Я даже видел превосходных охотников, у которых была чахотка, и которые однажды лежали в постели, сплевывая кровь, а через несколько дней снова были в море. Эта сила сопротивления, вероятно, частично обусловлена количеством потребляемого ими жира, и особенно жира, который превосходно приспособлен для защиты от болезни. Доказано также, что люди в Колониях, которые, следовательно, живут в основном за

счет европейской пищи, наиболее склонны поддаваться ей. Однако, как правило, это снижает их силу повсюду, так что те, на кого оно нападает, мало что могут сделать для себя; и ясно, что это должно препятствовать деятельности столь небольшого сообщества. Гораздо предпочтительнее эпидемическая болезнь, такая как оспа, которую мы, конечно, тоже завезли и которая тем самым сильно проредила население, поскольку она убивает своих жертв сразу, а не заставляет их тянуться, как этот медленный, подкрадывающийся яд.^[179]

Таким образом, мы видим, что результатом нашего влияния на материальное положение гренландцев стало непрерывное снижение их прежнего благополучия и преуспевания к почти безнадежной бедности и слабости.

Многие признают это, но возражают, что на самом деле мы отправились в Гренландию только для того, чтобы повысить уровень их духовной жизни и культуры, и что этого нельзя сделать иначе, как за счет их временного благополучия. Давайте тогда немного посмотрим на эту сторону нашей деятельности. Многие люди думают, что высокоразвитое и цивилизованное сообщество может быть создано одним махом из такого бесперспективного материала, как примитивная раса. Это большая ошибка; человеческая природа не может быть преобразована по желанию отдельных людей. Она действительно способна к модификации; но развитие всегда происходит медленно, как и развитие природы в целом. Поэтому мы не должны воображать, что у нас есть право, как мы сделали в Гренландии и в других местах, нападать на примитивную расу с нашей цивилизацией и навязывать ей ее. "Попробуйте втиснуть руку с пятью пальцами в перчатку с четырьмя, - говорит Спенсер, - и трудность будет поразительно похожа на трудность внедрения сложной или составной идеи в ум, который не обладает соответственно сложной способностью".

Единственное изменение, которое может быть осуществлено с какой-либо быстротой среди примитивной расы, - это изменение в сторону вырождения и гибели. Такое изменение в духовной сфере наступает, как только мы пытаемся навязать этические концепции народу, находящемуся на стадии развития, отличной от нашей. Это именно то, чего мы достигли среди эскимосов. Когда, например, пренебрегая их собственными законами и постановлениями, мы пытались навязать им наши концепции собственности, которые, несомненно, подходят для более развитого, но менее любящего соседей сообщества, чем гренландское, как мы можем ожидать, что это приведет к чему-либо, кроме смятения и разорения? Вся их социальная схема была устроена так, чтобы соответствовать их примитивным социалистическим представлениям о собственности, и поскольку их образ жизни несовместим с новой и чуждой концепцией, вырождение неизбежно. И как с идеей собственности, так и со всеми другими идеями, которые мы стремились им привить.

Возьмем еще один пример: насколько пагубным для них было введение денег! Раньше у них не было средств копить труд или накапливать богатства, ибо продуктов их труда хватало ненадолго, и поэтому они раздавали свои излишки. Но затем они научились пользоваться деньгами; так что теперь, когда у них есть больше, чем им нужно в данный момент, искушение продать излишек европейцам, вместо того чтобы раздавать его своим нуждающимся соседям, часто слишком велико для них; ибо на деньги, которые они таким образом приобретают, они могут обеспечить себя столь желанными европейскими товарами. Таким образом, мы, христиане, помогаем все больше и больше разрушать, вместо того чтобы развивать их старую

самоотверженную любовь к своим ближним. А деньги еще больше подрывают гренландское сообщество. Их представления о наследовании раньше были очень расплывчатыми, поскольку, как упоминалось ранее, одежда и оружие умершего человека отправлялись вместе с ним в могилу. Теперь, с другой стороны, введение денег позволило оставшимся в живых продать имущество покойного, и они больше не стыдятся принимать в качестве наследства то, что они могут получить таким образом. Это может показаться преимуществом; но и здесь нарушается их старый образ мыслей. Ими овладели жадность и корыстолюбие — пороки, которые они раньше ненавидели превыше всего. Их умы извращены и очарованы деньгами.

Давайте, однако, рассмотрим другой аспект этого дела. Я полагаю, что нашей истинной целью, в конце концов, было сделать их образованным народом и открыть для них более широкий круг духовных интересов. Но даже если бы мы действительно могли достичь этой цели, не должно ли быть в высшей степени опасным давать такому народу, как эскимосы, новые интересы, которые могут отвлечь их от единственно необходимого — обязанности обеспечивать себя и свои семьи. То, что большинство уроженцев западного побережья теперь умеют и читать, и писать, превозносится как блестящее достижение. К несчастью для них, они могут; ибо этим искусствам нельзя учиться даром, и им действительно приходится дорого платить за свои приобретения. Самоочевидно, что эскимос не может посвящать свое время этим отраслям знаний и, тем не менее, быть таким же хорошим охотником, как тогда, когда у него был только один интерес в жизни, и он ничему не научился, кроме охоты и управления каяком.^[180] У нас есть прямые доказательства того факта, что мастерство владения каяком снизилось из-за многочисленных несчастных случаев, произошедших за последние годы. Раньше, по словам Ринка, в течение года при охоте на каяков происходило не более пятнадцати-двадцати смертей; но в 1888 и 1889 годах ежегодно происходил тридцать один несчастный случай с каяками со смертельным исходом.

Главная цель любого образования, несомненно, должна заключаться в том, чтобы сделать подрастающее поколение хорошими и способными гражданами общества, в котором им выпала судьба. Но каким образом эскимос становится способным гражданином своего маленького сообщества? Поскольку охота и рыболовство являются единственными средствами поддержания существования, назначенными Природой этому сообществу, из этого следует, что он может стать дееспособным гражданином, только приобретя максимально возможные навыки в этих занятиях. Какая польза, в таком случае, эскимосу от его умения читать и писать? Он, конечно, не обучается охоте с помощью этих искусств. Это правда, что с помощью тех немногих книг, которые у него есть, он может получить информацию о других, лучших странах, недостижимых условиях и облегчениях, о которых он раньше ничего не знал; и таким образом он становится недовольным своей собственной участью, которая раньше была самой счастливой, какую он мог себе представить. И потом, он тоже может читать Библию — но много ли он в ней понимает? И разве это не принесло бы ему столько же пользы, если бы дело об этом было связано с ним, как это было в старых легендах? Не может быть никаких сомнений в том, что преимущество приобретается дорогой ценой. Мы должны хорошо помнить, что эскимосское сообщество живет на самой грани возможного человеческого существования и что для того, чтобы оно могло продолжать борьбу с негостеприимной природой, необходимо сосредоточенное напряжение всей своей энергии. Еще немного балласта, и он должен пойти ко дну. Это то, что уже происходит, и вся мудрость в мире бесполезна.

Таким образом, результатом европейской деятельности в Гренландии стало вырождение и декаданс во всех отношениях. И единственная компенсация, которую мы сделали туземцам, - это введение христианства. Пока что мы достигли счастливого завершения, ибо, по крайней мере, номинально, все гренландцы западного побережья теперь христиане. Но мне кажется, что перед нами встает вопрос, не слишком ли дорого куплено и это христианство, и не должен ли самый ревностный верующий испытывать некоторые сомнения относительно благословений, которые оно даровало этому народу, когда он видит, как это стоило им всего их мирского благополучия?

Какую часть христианства следует ценить больше всего, его догмы или его моральное учение? Мне кажется, что даже лучший христианин должен признать, что именно последнее имеет непреходящую ценность; ибо история может научить его, насколько изменчивым и неопределенным всегда было толкование догматов. Какую же ценность тогда имели для эскимоса эти догмы, которые он понимает так несовершенно? Может ли кто-нибудь всерьез утверждать, что для народа важно, в какие догмы он исповедует свою веру? Разве моральные законы, которым он подчиняется, не должны всегда быть предметом первостепенной заботы? А эскимосская мораль была, как мы видели, во многих отношениях по крайней мере такой же хорошей, как у христианских общин. Так что результатом всего нашего учения стало то, что и в этом отношении раса выродилась.

И, наконец, возникает такой вопрос: может ли эскимос, который номинально является христианином, но который не может прокормить свою семью, имеет слабое здоровье и погружается во все более глубокие страдания, считаться гораздо более завидным, чем язычник, который живет в "духовной тьме", но может прокормить свою семью, крепок телом и полностью доволен жизнью? Во всяком случае, с точки зрения эскимосов, ответ не может быть сомнительным. Если бы эскимос мог видеть его истинный интерес, он, несомненно, обратился бы с такой горячей просьбой: "Боже, спаси меня от моих друзей, с моими врагами я могу справиться сам".

ГЛАВА XVII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Давайте оглянемся назад на предыдущие главы и отметим, какой урок они нам преподают.

Они показывают нам высокоодаренный от природы народ, который привык жить счастливо и, несмотря на свои недостатки, стоял на высоких моральных позициях. Но наша цивилизация, наши миссии и наши коммерческие продукты привели ее материальные условия, мораль и социальный порядок в состояние такого печального упадка, что вся раса кажется обреченной на уничтожение.

И все же, как мы видели, с ним обошлись более доброжелательно и вдумчиво, чем с любым другим народом в аналогичных условиях. Разве это не серьезное предупреждение для нас? И если мы посмотрим на другие первобытные народы, не обнаружим ли мы, что результат их контакта с европейской цивилизацией и христианством везде был одинаковым?

Что стало с индейцами? Что стало с некогда такими надменными мексиканцами или высокоодаренными инками Перу? Где аборигены Тасмании и коренные народы Австралии? Скоро среди них не останется ни одного, кто мог бы поднять обвиняющий голос против расы, приведшей их к уничтожению. А Африка? Да, она тоже должна быть обращена в христианство; мы уже начали ее грабить, и если негры не более цепки в жизни, чем другие расы, они, несомненно, пойдут тем же путем, когда однажды христианство придет к ним во всем своем великолепии. И все же нас это никоим образом не останавливает, и мы всегда готовы произнести высокопарные фразы о том, чтобы принести бедным дикарям благословения христианства и цивилизации.

Если мы посмотрим на задачи сегодняшнего дня, не усваиваем ли мы почти везде один и тот же урок? Возьмем, к примеру, такой народ, как китайцы, стоящий на высоком уровне цивилизации и поэтому, можно было бы предположить, более приспособленный для восприятия новой доктрины. Один из "самых просвещенных мандаринов Китая, сам христианин и получивший образование в европейских университетах", пишет в *North China Daily News* статью о миссионерах и их влиянии, в которой, среди прочего, он говорит: "Разве это не ни для кого не секрет, что только самые подлые, самые беспомощные, самые невежественные, нуждающиеся и пользующиеся дурной репутацией среди китайцев были и остаются теми, кого миссионеры называют "обращенными"?... Я спрашиваю, нельзя ли доказать, что эти новообращенные — люди, которые отказались от веры своего детства, люди, которым их учителя запретили проявлять какое-либо сочувствие или даже что-либо, кроме презрения, к воспоминаниям и традициям нашей древней истории, — нельзя ли доказать, что эти люди, как только им пришлось отказаться от надежды на мирскую выгоду, показали себя хуже, чем худшие из обычного китайского сброда? Миссионеры достаточно готовы сказать своим слушателям, что мандарины - это кучка идиотов, которые верят в небесные знамения и во всю подобную чушь, в то время как уже на следующий день они, вероятно, будут рассказывать тем же слушателям, что солнце и луна действительно остановились по приказу еврейского генерала Иисуса Навина ". Что касается предполагаемой благотворности миссии по отношению к местным жителям в плане облегчения бедности и невзгод, автор спрашивает: "Можно ли доказать, что эта помощь дает хотя бы ничтожный эквивалент тем деньгам, которые китайское правительство вынуждено платить за защиту местных жителей?" миссионеры? Я считаю, что одних процентов с этих огромных сумм было бы достаточно для содержания гораздо большего штата квалифицированных европейских врачей и медсестер.... Пусть будет показано, какая доля из миллионов, которые сострадательные люди в Европе и Америке подписывают на китайские миссии, действительно идет на облегчение страданий. Пусть будет показано, сколько средств уходит на поддержку миссионеров, их жен и детей, на строительство их прекрасных домов и санаториев, на почтовые расходы и бумагу для их объемистых розовых докладов, на расходы по проведению их конгрессов и на многое другое.... Разве ни для кого не секрет, что вся миссия - это не что иное, как благотворительный фонд в пользу безработных в Европе и Америке?" Далее он спрашивает, не является ли печально известным тот факт, что миссионеры, "с их высоким мнением о собственной непогрешимости, часто бывают назойливыми и высокомерными и склонны вмешиваться с помощью самозванного авторитета в дела, которые их не касаются? Если кто-то сомневается в том, что миссионеры, взятые в целом, склонны к этим порокам, пусть изучит и обратит внимание на тон и дух их собственных трудов".

Этот отчет о событиях во многих деталях убедительно напоминает нам о том, что мы только что видели в Гренландии. Главное отличие состоит в том, что когда китайцы оказывают

сопротивление миссионерам, пришедшим к ним без приглашения, на них не просто надевают наручники и пороют. Осознавая угрожающее им зло, они "умоляют иностранные державы в интересах Китая, а также Америки и Европы отозвать миссионеров", и, будучи напрасно умоляющими, затем они пытаются изгнать их силой; после чего эти джентльмены, приехавшие проповедовать Евангелие мира, вызывают к своим правительствам о защите, и их поддерживают канонерские лодки и войска, которые ведут разрушительный огонь снарядами и картечью по туземцам и добиваются для благочестивых миссионеров кровопролитной компенсации за ущерб, нанесенный их товарам и снаряжению, а также за то, что они были вынуждены покинуть страну. хотя никогда не было написано: "Не кладите ни золота, ни серебра, ни меди в кошельки ваши" (Матфея х. 9).

Во всем этом мы признаем расу, которая, когда Китай стремился защитить себя от губительного опиумного яда, вынудила его посредством кровопролитной войны открыть свои гавани для пагубной торговли, чтобы европейцы могли разбогатеть, в то время как китайская социальная структура была подорвана - от начала до конца образец такого бесстыдного негодяйства, что ни в одном языке нет подходящих слов, чтобы описать это. К сожалению, эскимосы, похоже, не так уж сильно ошибаются, считая европейцев развращенной и бесчестной расой, которой следовало бы приехать в Гренландию, чтобы научиться морали.

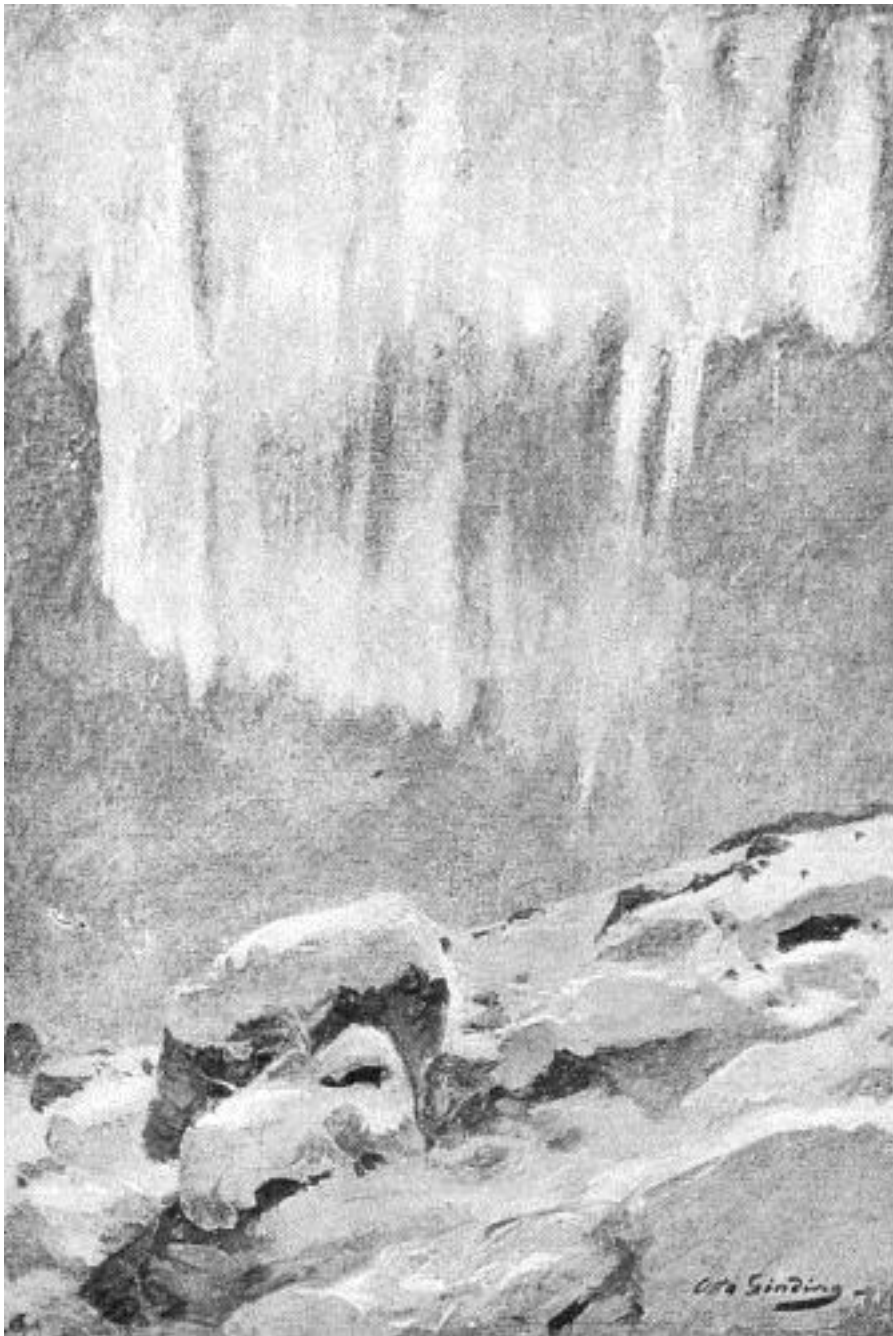
Но разве миссии в других странах не дают лучших результатов? Вряд ли. Недавно были опубликованы статистические данные о преступности в Индии, которые ставят под серьезное сомнение выгоды, получаемые от миссионерской деятельности. Что касается Африки, я не могу найти статистических данных, но из всего, что я могу узнать, складывается впечатление, что и там результатами миссий похвастаться нечем. Я полагаю, африканские путешественники единодушны в том, что местные жители, обращенные в христианство, ни в коем случае не являются теми, кого они предпочитают брать к себе на службу или на кого они в чем-либо полагаются. И Норвегия тоже вносит свой вклад сотнями тысяч человек^[181] ежегодно в миссии как в Африке, так и в Индии! Неужели у нас так много избыточного богатства, что мы не можем использовать эти деньги с большей пользой дома? Желание помочь этим бедным дикарям, которых мы никогда не видели и нужды которых нам неизвестны, без сомнения, благородное стремление; но я задаюсь вопросом, не было бы ли еще благороднее помочь тысячам несчастных, нужды которых мы ежедневно видим перед нашими глазами? Поскольку мы стремимся творить добрые дела, почему бы не начать с тех, кто нам ближе всего? Затем, когда все дома перестанут нуждаться в помощи, будет достаточно времени, чтобы посмотреть за границу и узнать, нет ли где-нибудь других людей, нуждающихся в нашей помощи. "Благотворительность начинается дома".

Я ни в коем случае не утверждаю, что любое миссионерское начинание обязательно должно приносить вред; но я придерживаюсь мнения, что для того, чтобы быть действительно полезным, оно должно соответствовать условиям, которые в наше время почти недостижимы. Во-первых, это требует такого количества благородных, самоотверженных и в целом замечательных людей, которых мы не можем надеяться найти всех сразу. Один может выйти на фронт, возможно, двое или трое, но постоянного снабжения ими быть не может. И затем, мы должны помнить, что вслед за миссией следует так много злых влияний, что самые идеальные миссионеры не могут ни игнорировать их, ни возместить ущерб, который они наносят туземцам. Так что результат в итоге всегда один и тот же.

Неужели мы никогда не откроем глаза на то, что мы делаем на самом деле? Разве не должны все истинные друзья человечества, от полюса до полюса, поднять единодушный и сокрушительный протест против всех этих злоупотреблений, против этого самодовольного и скандального обращения с нашими собратьями, исповедующими другую веру и находящимися на другом этапе цивилизации?

Придет время, когда потомство сурово осудит нас, и эти злоупотребления, которые мы сейчас считаем совместимыми с фундаментальными принципами христианства, будут заклеены как глубоко аморальные. Мораль тогда разовьется настолько, что люди больше не будут считать себя оправданными в нападении на первых примитивных людей, которые попадутся им на пути, чтобы удовлетворить свое собственное религиозное тщеславие и совершать 'добрые дела', которые будут способствовать их самоуспокоению, но которые могут быть полезны, а могут и не быть полезными для рассматриваемой расы. Тогда только компетентные и во всех смыслах хорошо оснащенные люди возьмутся за изучение жизни и цивилизации другой расы, чтобы понять, нуждается ли она в нашей помощи, и если да, то каким образом ее можно наилучшим образом предоставить; и если результат исследования покажет, что мы не можем принести им никакой пользы, их оставят в покое. Но прежде чем это время наступит, большинство таких рас, даже тех, которые сейчас выживают, будут сметены.

Если мы спросим в заключение, нет ли надежды на спасение у эскимосской общины, то каждый, кто знаком с обстоятельствами, будет вынужден признать, что единственным выходом для европейцев было бы постепенный уход из страны. Предоставленные самим себе и свободные от разрушительного иностранного влияния, эскимосы, возможно, восстановили бы свои старые привычки к жизни, и раса еще могла бы быть спасена. Но эту возможность, несомненно, следует рассматривать просто как утопическую, во всяком случае, на многие долгие годы вперед. Во-первых, было бы серьезным ударом по тщеславию европейского государства отказаться от эксперимента в области цивилизации, который оно когда-то начало и который оно записало крупными буквами в счет своей деятельности в другом мире; и, во-вторых, датским колониям было бы бесполезно отступать, если бы не удалось удержать корабли других наций от торговли с местными жителями и импорта европейских товаров, особенно бренди.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ — "МЕРТВЕЦЫ В ИГРЕ"

Но помимо их общения с нами, эскимосам угрожает еще одна опасность, а именно тревожное сокращение численности тюленей. Это не связано с их собственным рыболовством, при котором 'добыча' бесконечно мала по сравнению с сотнями тысяч новорожденных детенышей тюленей, которых европейские и американские охотники на тюленей забивают каждый год, особенно на дрейфующих льдах у Ньюфаундленда. И здесь снова белая раса причиняет вред эскимосу; но даже если бы он знал об этом, у него не было бы власти установить какие-либо пределы насилию; его голос не может быть услышан. И все же охота на тюленей - это отрасль, без которой наше общество вполне могло бы обойтись, в то время как для эскимосов тюлень означает саму жизнь.

Таким образом, мы обнаруживаем, что этому милому народу неизбежно суждено либо полностью исчезнуть, либо кануть в тень того, чем он когда-то был. Но гренландец держится бодро и, возможно, счастливее, чем мы склонны быть; он не осознает собственной гибели и не ненавидит нас, но оказывает нам дружеский прием, когда мы приходим к нему.

Когда-то Гренландия была отличным источником доходов датского правительства, но это время прошло. Сейчас Королевская гренландская компания и миссия ежегодно обходятся в большие суммы, и эти суммы будут расти еще больше. Следует ли ожидать, что датское правительство будет продолжать это вечно? Не было бы лучше и мудрее для нас сначала отозвать наши аванпосты, а затем постепенно вывести колонии и передать склады и здания туземцам? По моему собственному мнению, самое лучшее, что мы могли бы сделать в конце концов, - это упаковать все припасы, погрузить их и торговцев на борт девяти кораблей Компании и отплыть со всем этим обратно в Данию. Рано или поздно это придется сделать, но, возможно, не раньше, чем не останется туземцев, населяющих эту землю. Безжизненное оцепенение внутренних льдов распространится до самой кромки моря, где у безлюдных берегов будут слышны только жалобные крики чаек. Солнце будет всходить и заходить, расточая свое великолепие над пустынной землей. Лишь изредка какой-нибудь гонимый штормом корабль будет огибать пустынные берега. Но долгими зимними ночами мертвые будут танцевать в мерцающих полосах света над вечной тишиной заснеженных полей.

КОНЕЦ.

НАПЕЧАТАНО
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КО", НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР,
ЛОНДОН

Август 1893 г. Классифицированный каталог ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

	СТРАНИЦА
БАДМИНТОН БИБЛИОТЕКА ()	9
БИОГРАФИИ, МЕМУАРЫ, И Т. Д.	6
ДЕТСКИХ КНИГ	20
КЛАССИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ПЕРЕВОД И Т. Д.	14
КУЛИНАРИИ И ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ	22
ЭВОЛЮЦИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ДР.	14
ФАНТАСТИКИ, ЮМОРА И ДР.	16
ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА, И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ	3
УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ,	2
ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И НАУКИ	13
УМСТВЕННОЙ, НРАВСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	10

РАЗНОЕ И КРИТИЧЕСКИХ РАБОТ	23
ПОЭЗИИ И ДРАМЫ	15
ПОЛИТЭКОНОМИИ И ЭКОНОМИКИ	13
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ	18
СЕРЕБРО БИБЛИОТЕКА (В)	21
СПОРТА И ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ	8
ПУТЕШЕСТВИЯМ И ПРИКЛЮЧЕНИЯМ	7
СПРАВОЧНИКИ,	20
ЛОНДОН	
ЛОНГМАНС, ГРИН И КО.	
НЬЮ-ЙОРК: 16-я ВОСТОЧНАЯ УЛИЦА, 15	

СНОСКИ:

[1] Ханс Эгед. *Пер.*

[2] Сетер==горный шалет. *Пер.*

[3] Эскимосы называют себя *инуитами*, то есть "человеческими существами"; всех остальных людей они считают принадлежащими к другому роду животных.

[4] К северу от 68-го градуса они могли в изобилии убивать тюленей и китов со льда всю зиму; и этому способу охоты они, должно быть, научились дальше на север, где он был бы для них наиболее важным.

[5] Густав Шторм: *Исследования о путешествиях в Вайнленд*, Выдержки из *Воспоминаний Королевского общества северных антикваров*, 1888, стр. 53.

[6] У самих эскимосов есть несколько легенд об их встречах с древними скандинавами. См. Ринк: *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 308-321.

[7] Некоторые авторы на основании упоминания "женщин-троллей" во 'Флоаманнасаге' пришли к выводу, что еще в 1000 году или около того Торгильтс Оррабейнсфостре, должно быть, столкнулась с эскимосами на юго-восточном побережье Гренландии. Но, как указал профессор Сторм, романтический характер этой саги запрещает нам делать на ее основе какие-либо подобные выводы. Следует также помнить, что дошедшая до нас рукопись датируется не ранее 1400 года, намного позже того времени, когда скандинавы вступили в контакт с эскимосами на западном побережье. Даже если в отрывке о женщинах-троллях имеются в виду эскимосы, что крайне сомнительно, вполне возможно, что это поздняя интерполяция.

[8] Соби: *Гренландия; выдержки из дневника, который велся в этой стране с 1770 по 1778 годы*. Лондон: 1818.

[9] *Медделельсер из Гренланда*. Пт. 10, стр. 58. Копенгаген: 1889.

[10] Норвежский, *сеннегрос*. Пер.

[11] Индейцы Северо-Запада и чукчи — и даже, если я не ошибаюсь, кориаки и камчатканцы - используют один и тот же гарпун с леской и большим пузырем для охоты на морских животных, бросая гарпун с носа своих больших открытых каноэ или лодок из шкур. Однако представляется вероятным, что они научились пользоваться этими инструментами у эскимосов.

[12] В Северной Гренландии существует еще третья, более крупная форма гарпуна, который используется при охоте на моржей и метается без метательной палки; вместо нее у него две костяные ручки, одна для большого и одна для указательного пальца.

[13] Что касается различных форм метательной палки у эскимосов, см. Статью Мейсона о них в Ежегодном отчете и проч. Смитсоновского института за 1884 год, часть II. стр. 279.

[14] В некоторых местах — например, в самой южной части Гренландии и на Восточном побережье — есть только углубление для большого пальца, в то время как другая сторона гладкая или окаймлена кусочком кости с зазубринами для предотвращения скольжения руки.

[15] По этому поводу см. Даже таких ранних авторов, как Кук и Кинг, *Путешествие в Тихий океан и др.*, 3-е изд., ii. стр. 513, Лондон, 1785.

[16] Примечательно, что жители острова Святого Лаврентия, похоже, вообще не пользуются каяком. У них большие открытые лодки из кожи (*байдары*) той же конструкции, что и у чукчи. (Сравните Норденшельда, *Путешествие на "Вега"*, ii. стр. 254, Лондон, 1881.)

[17] Пока лопасть выдвигается вбок, пока она не встанет под прямым углом к каяку, ее держат слегка наклонно, так что лопасть при движении поднимает воду под собой и приобретает направленный вверх рычаг.

[18] *Hættesæl*, взрослого самца *Klapmyts* (мочевого пузыря-нос). На носу у него надет капюшон, который он может сильно раздуть.

[19] Когда тюлень убит, каждый из людей-кайаков по соседству получает кусочек его жира, который он обычно тут же съедает.

[20] "Когда они видели, как наши беспутные матросы ссорятся и дерутся, они расценивают такое поведение как бесчеловечное и говорят: "Они не относятся друг к другу как к людям". Точно так же, если один из офицеров ударит подчиненного, они сразу же воскликнут: "Он ведет себя со своими товарищами, как с собаками".

[21] Далагер, *Гренландский корреспондент*, Копенгаген, 1752, стр. 15-16.

[22] Однако в список необходимо добавить собак, а в случае жителей Северной и Восточной Гренландии - собачьи упряжки.

[23] Когда несколько человек охотятся компанией, существуют фиксированные правила, определяющие, кому принадлежит дичь. Если двое или более стреляют в северного оленя, животное принадлежит тому, кто первым попал в него, даже если он лишь слегка ранил его. Что касается правил охоты на тюленей, Далагер говорит: "Если гренландец поражает тюленя или другое морское животное своим легким дротиком, и оно не убивается, а уходит с дротиком, и если затем подходит другой и убивает его своими дротиками, оно, тем не менее, принадлежит

первому; но если он использовал обычный гарпун, и леска обрывается, и другой подходит и убивает животное, первый теряет свое право на него. Если, однако, они оба бросают одновременно и оба гарпуна попадают в цель, животное разрезают вдоль надвое и делят между ними шкуру вместе со всем остальным". "Если двое бросают в птицу одновременно, она делится между ними". "Если найден мертвый тюлень с застрявшим в нем гарпуном, если владелец гарпуна известен в округе, он получает свое оружие обратно, но нашедший оставляет тюленя себе". Аналогичные правила, похоже, действуют и на восточном побережье.

[24] В качестве шкур, как упоминалось ранее (стр. 45), обычно используются шкуры седлового или капотного тюленя; но также используется шкура бородатого тюленя, а иногда кольчатого тюленя или даже пестрого или обыкновенного тюленя (*Phoca vitulina*).

[25] *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 94.

[26] Иногда случалось также, что он заставлял других делать это за него; но дело всегда должно было принимать форму захвата или похищения. Подобные обычаи, как хорошо известно, ранее преобладали в Европе и даже в некоторых местах сохранились до наших дней.

[27] В. А. Граах, *Рассказ об экспедиции к восточному побережью Гренландии*, Лондон, 1837, стр. 140-143.

[28] Холм, *Медицинский центр Гренландии*, стр. 10, стр. 96.

[29] Холм, *Медицинский центр Гренландии*, стр. 10, стр. 103.

[30] Далагер утверждает, что в его время на западном побережье "едва ли у каждого двадцатого гренландца было две жены, у очень немногих — три и еще реже -четыре; я, однако, знал мужчину, у которого было одиннадцать". -*Гренландский родственник*, стр. 9.

[31] Ангекок==знахарь или священник.

[32] Далагер: *Гренландский релятор*, стр. 9.

[33] Holm: *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 96.

[34] Холм: *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 102.

[35] В. А. Граах, *Рассказ об экспедиции к восточному побережью Гренландии*, Лондон, 1837, стр. 135.

[36] Сравните Р. Еgede, *Efterretninger om Grönland*, стр. 107; и Holm, *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 91.

[37] Хотя, как мы видели, эскимосы не очень радуются рождению дочерей, у них нет привычки убивать девочек, в отличие от многих других первобытных народов.

[38] Как указано на стр. 28, зеленые верхние узлы носят незамужние женщины, у которых были дети.

[39] Одну из причин этого также следует искать в естественном отборе, поскольку метисы в настоящее время обычно считаются более красивыми, чем чистокровные эскимосы, и, следовательно, им отдается предпочтение в браке.

[40] Holm: *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 100.

[41] Пауль Эгедэ много лет был миссионером в Гренландии, но к этому времени (1756 г.) вернулся в Копенгаген.

[42] *Официальный представитель Гренландии.*

[43] Пауйя или Павия - эскимосское искажение имени Павел.

[44] [Очевидно, землетрясение в Лиссабоне.— *Пер.*]

[45] Вероятно, голландский и английский.—[Конечно, скорее французский и английский.— *Пер.*]

[46] Несомненно, Америка.

[47] Датский, *сотня*.

[48] Датский, *тусинде*.

[49] Наиболее важный вклад в наши знания об эскимосском искусстве в его первобытном состоянии можно найти в поучительном рассказе капитана Холма об эскимосах в Ангмагсалике, *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 148 и др., с иллюстрациями.

[50] Недалеко от мыса Прощания.

[51] *Ирак* представляет собой продолжение спальной скамьи (обычно квадратной), на которую ставят лампу с деревянной подставкой.

[52] Дешевые нюрнбергские или швейцарские часы относятся к числу предметов роскоши, которые торговля ввела в Гренландию; их можно найти в самых отдаленных уголках страны.

[53] Который в настоящих эскимосских хижинах очень низкий.

[54] О строении души см. также Пауля Эгедэ, *Исследователя Гренланда*, стр. 149, и Кранца, *Историю Гренланда*, стр. 258.

[55] Пауль Эгедэ прямо говорит (*Efterretninger om Grönland*, стр. 126), что местные жители не делают различия между *тарраком* и *тарнеком* (*тарником*), и он сам использует эти два слова безразлично. См. также ту же работу, стр. 92.

[56] *История фон Гренланда*, стр. 257.

[57] См. Holm, *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 112.

[58] Аналогичная идея также распространена на западном побережье (сравните *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 342), но, похоже, там упоминается обычная душа умершего. Следовательно, различие между душой и именем не может быть четко проведено между различными племенами.

[59] В сносках к этой главе доктор Нансен щедро выражает признательность за помощь, оказанную ему профессором Мольтке Мо. Я рискнул сосредоточить эти повторяющиеся

признания в этой единственной заметке и буду ссылаться на профессора Мо только там, где он фигурирует как авторитет для констатации факта.—Пер.

[60] См. также Либрехт, *Цур Фольксунде*, стр. 311.

[61] Клемм, *Culturgeschichte*, iii. стр. 77; Тайлор, *Первобытная культура* (1873), ii. стр. 4; *Антиквариат Tidsskrift*, 1861-63, стр. 118.

[62] Мне кажется, что экзогамия между двумя людьми с одной фамилией, которая встречается у многих рас (см. стр. 175), может быть легко объяснена на основе этого принципа, поскольку одно и то же имя создает тесную духовную близость, которая, подобно кровному родству, может служить препятствием для вступления в брак.

[63] См. Holm, *op. cit.* стр. 111, где приведены примеры таких переименований. Холм считает, что 'старые имена появляются снова, когда покойный совершенно забыт'. Мне кажется более естественным предположить, что это происходит сразу после того, как ребенка назвали в честь умершего человека.

[64] Нироп, *Миндре Афандлингер удгивне из филологическо-исторического Самфонда*, Копенгаген, 1887, стр. 147-150.

[65] Nyrop, указ. соч. стр. 136 и 137.

[66] Либрехт, *Академия*, iii. (1872), стр. 322.

[67] *Meddelelser om Grönland*, стр. 10, стр. 113.

[68] См. Скулкрафт, в *Антиквариатном сборнике*, 1861-63, стр. 119 и др., также Андре, *Этнографический параллель и Верглих*, стр. 180; Тайлор, *Ранняя история человечества*, стр. 142.

[69] Такое нежелание преобладало среди наших предков. "Сигурд скрыл свое имя, потому что в старые времена люди верили, что проклятие умирающего имеет огромную силу, когда он называет своего врага по имени". —Семундарова Эдда, изд. Софуса Бугге, стр. 219.

[70] Информация получена от проф. Мольтке Мо.

[71] Способ, которым имя и вещь сливаются воедино, ясно виден, если упомянуть один пример, в швабском обычае "бросать имена трех сварливых женщин" в вино, чтобы превратить его в хороший уксус.

[72] Сравните Нансена: *Первое пересечение Гренландии*, i., стр. 328; сокращенная редакция., стр. 160.

[73] Что касается значения имени и его упоминания среди различных рас, сравните всеобъемлющее эссе Кристофера Найропа "Сила имени" в *Журнале "Философско-исторический фонд"*, Копенгаген, 1887, стр. 119-209. См. также Б. Грендаля в *"Летописи nordisk Oldkyndighed"*, 1863, стр. 127 и др.; Мольтке Моу, в *"Письмах Штедтске Тидсскрифту"*, 1879, стр. 286 и др.; С. Грундтвиг, *Датский гамле Фолькевизер*, ii. стр. 339 и др.; Х. Спенсер, *"Принципы социологии"*, vi. стр. 701.

[74] Сравните Ринк, *Аарберер для nordisk Oldkyndighed og Historie*, 1868, iii. стр. 202.

[75] Сравните Пауля Эгед, *переводчика из Гренланды*, стр. 149.

[76] Холм, *Медицинский центр Гренландии*, часть 10, стр. 113.

[77] Передано мне Мольтке Мо.

[78] См. По тому же вопросу Пол Эгед, *Научный сотрудник Гренланды*, стр. 117. Согласно некоторым рассказам, ведьмы и "злые люди" отправляются в потусторонний мир.

[79] Передано МО Мольтке. Сравните также J. Flood, *Гренландия*, Кристиания, 1873, стр. 10, примечание. Говорят, что подобные представления распространены в Баварии и на Маркизских островах. Сравните Либрехта в *"Академии"*, iii. (1872), стр. 321.

[80] П. Эгед, *Научный сотрудник Гренланды*, стр. 109. See also H. Egede, *Det gamle Grønlands nye Perlestratation*, p. 84. Cranz, *Historie von Grönland*, p. 301.

[81] *Meddelelser om Grönland*, часть 10, стр. 106, примечание.

[82] Тайлор, *Первобытная культура* (1873), i. стр. 472.

[83] Эта концепция второй смерти, или смерти души, встречается у многих рас: индусов, татар, греков, кельтов, французов, скандинавов, немцев и т.д.

[84] Тайлор, *Первобытная культура*, ii. стр. 44.

[85] Кнорц, *Вигвам Аус дем*, Лейпциг, 1880, стр. 133; сравните стр. 142.

[86] Интересно отметить, что эскимосы Аляски, похоже, верят в существо, подобное этому торнарску с восточного побережья Гренландии, с длинными щупальцами и т. Д. См. Holm: *Meddelelser om Grönland*, часть 10, стр. 115, примечание 1.

[87] *Тарток* означает "темный". У эскимосов Южной Аляски то же слово, *тайтук*, означает 'туман'. В Восточной Гренландии *тартек* означает "черный". (Сравните каток: *Meddelelser om Grönland*, часть 11, стр. 152.)

[88] Ринк: *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 44. В Шотландии пение в ушах называется 'звоном отбоя' и предвещает смерть друга. Хогг: *Горный бард*, 3-е изд. стр. 31.

[89] *Продолжение Треди*, и с., стр. 74.

[90] Холм, однако, сообщает нам (*Meddelelser om Grönland*, часть 10, стр. 105), что на восточном побережье тело иногда вытаскивают через проход в доме с помощью ремня, обмотанного вокруг ног. В таких случаях, как я понимаю, страх прикоснуться к телу, должно быть, побеждал страх выносить его через коридор, потому что, если его выносят через окно, его нужно поднять и держать в руках. Вытягивая его ногами вперед и указывая наружу, они, вероятно, думают помешать душе совершить повторный вход.

[91] Из информации, предоставленной мне Мольтке Мо. Compare also Liebrecht, *Zur Volkskunde*, p. 372.

[92] Моррис и Магнуссон, *Библиотека Саг*, том ii. "Обитатели Прошлого", стр. 88.

[93] Смотрите статью Мольтке Мо в *Norske Universitets-og Skoleannaler*, 1880, и цитируемые там работы.

[94] Холм, *Медицинский центр Гренландии*, часть 10, стр. 107.

[95] Hans Egede, *Det gamle Grönlands nye Perlustration*, p. 83.

[96] См. Перевод Эдды П. А. Гедеке, стр. 170, и примечания к стр. 335.

[97] Пол Эгед, *Продолжение отношений и др.*, стр. 45; Ханс Эгед, *Перлюстрация Гренландса NYE*, стр. 118; Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 40, 466.

[98] Индейцы племени Дакота рассказывают, что по дороге в Ванаратебе есть колесо, которое со страшной скоростью катится по дну пропасти под горным хребтом, упомянутым на стр. 239. К этому колесу привязаны те, кто пренебрежительно относился к своим родителям. См. Либрехт, *Gervasius Otia Imperialia* (1856), стр. 91, примечание.

[99] Ссылка, переданная Мольтке Мо.

[100] See Sophus Bugge, *Mythologiske Oplysninger til Draumekvædi*, in *Norsk Tidsskrift for Videnskab og Literatur*, 1854-55, p. 108-111; Grimm, *Mythologie*, p. 794; Liebrecht, *Gervasius Otia Imperialia*, p. 90. Compare also H. Hübschmann, *Die parsische Lehre vom Jenseits und jüngsten Gericht*, in *Jahrbücher für protestantische Theologie*, v. (Leipzig, 1879), p. 242.

[101] Сравните Н. Hübschmann, указ. соч., стр. 216, 218, 220, 222.

[102] Тайлор, *Первобытная культура*, ii. 50. Сравните также представление индейцев о горном хребте, остром, как самый острый нож (см. стр. 239). Конечно, возможно, что индейцы позаимствовали эту идею у эскимосов или, что более вероятно, у европейцев после открытия Америки.

[103] Софус Бугге, указ. соч., стр. 114.

[104] Тайлор, указ. соч., стр. 50. Сравните Кнортц, *Вигвам Аус дем*, стр. 142.

[105] Передано Мольтке Мо из его неопубликованного сборника народных сказок. Смотрите также рассказ, переданный из Флэтдала в *Fedraheimen*, 1877, № 18; рассказ Хардангера (смягченный) в книге Хаукенеса "*Natur, Folkeliv og Folketro i Hardanger*", ii., 233. Варианты датского языка в кл. Berntsen, *Folke-Æventyr*, I. (Odense, 1873) p. 116; Et. Kristensen, *Jyska Folkeminder*, v. 271.

[106] Ринк, *Справочник по Гренландии*, часть 11, стр. 17. Сравните Боаса, "*Mittheilungen*" Петерманна, 1887, стр. 303; Ринк и Боас, "Сказки и песни эскимосов" в журнале *американских фольклорных исследований*, 1889 (?), стр. 127.

[107] Примечание Глана в "*Истории фон Гренланда*" Кранца, Копенгаген, 1771, стр. 348. Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 440; Датское издание. стр. 87, 166, дополнение. стр. 44.

[108] Передано МО Мольтке.

[109] I. 551, 553.

[110] Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 440; Датская редакция. стр. 87.

[111] Сравните Софуса Бугге, указ. соч., стр. 115.

[112] Отмечено Мольтке Мо.

[113] Холм, *Медицинский работник Гренланда*, часть 10, стр. 144.

[114] Сравнить К. Кнорц, *Aus dem Wigwat*, стр. 130. Х. де Шаранси (*Мелузина*, i. 225) упоминает (цитируя Мальтея, *Грамматика Хидатсы*, 1873, Введение, стр. xvii), что предки миннетари, племени, принадлежащего к региону Миссури, жили на дне большого озера и выбрались на поверхность земли с помощью большого дерева, которое в конечном итоге сломалось, так что многим из них пришлось остаться внизу. (Из неопубликованной рукописи Мольтке Мо.) Эта легенда представляет собой еще более близкую аналогию с легендой о игнерссуитах, которые обитают под водой.

[115] См. J. Krohn, *Finska Litteratur-Historie*, 1-я часть, *Калевала* (1891), стр. 165. Мольтке Мо обратил мое внимание на это сходство и предоставил мне рукопись еще неопубликованного эссе о легендах этого класса. Как правило, связь между землей и небом осуществляется с помощью огромного дерева, по которому люди взбираются вверх и спускаются вниз. Миф о таких небесных деревьях встречается почти в каждом уголке мира. Мы находим это в Скандинавии (Игдрасиль) не реже, чем в Полинезии, на Целебесе, Борнео, в Новой Зеландии и т. Д. У воголов сын первых двух человеческих существ (см. Выше) превращается в белку, взбирается на дерево до небес, а затем снова спускается вниз. (Сравните А. Ланга, *Миф, ритуал и религия* (1887). i. 182, примечание 2.) У индейцев первый человек взбирается на дерево в погоне за белкой и таким образом достигает небес, откуда возвращается с элементами цивилизации или, по мнению некоторых, для того, чтобы снова забрать с собой свою сестру. (Сравните Тайлора, *Ранняя история человечества* (2-е изд.), стр. 349.) У цыган на границах Трансильвании есть легенда о большом дереве, с которого на землю падала плоть и из листьев которого появлялись люди (Х. фон Вислоцкий, *Мир и Саген дер транссилванич Зигеунер*, № 1.) Вероятно, есть какая-то связь между этими мифами и гренландской легендой; вполне естественно, что в эскимосской версии дерево должно было исчезнуть.

[116] Сравните А. Ланга, *Миф, ритуал и религия*, глава 181.

[117] Сравните J. Krohn, указ. соч., стр. 163-173.

[118] Передана МО Мольтке. Другие рассказывают, что Ева прятала уродливых детей или что она стыдилась того, что у нее их было так много. (См. Faye, *Norske Folkesagn*, 2-е изд., стр. xxv.; Серард, *Fra Fjeldbygderne*, стр. 102; *Dölen*, 1862 (III.) № 17; Сторакер и Фуглестедт, *Folkesagn fra Lister og Mandals Amt*, стр. 51; Финн Магнусен, *Эддалерен*, iii. стр. 329; Гримм, *Немецкая мифология*, 4-е изд. iii. 163 и с.) Легенда изначально еврейская и может восходить к раввинам; см., например, Либрехта о *Gervasius Tilberiensis Otia Imperialia*, стр. 70.

[119] Пол Эггеде дает несколько иной отчет о том, как костюм игнерса перестал быть достоянием человечества. Они "прежде жили на земле до времени великого потопа, из—за которого земля опрокинулась, так что то, что раньше было самым верхним, теперь оказалось внизу". - *Продолжение после реляции*, стр. 96.

[120] Это наводит на мысль о нашем норвежском "друге", который плавает в половинной лодке (т.е. лодке, разделенной надвое в продольном направлении); и не кажется невозможным, что мы можем здесь проследить влияние старых скандинавских поселенцев.

[121] Пауль Эгед: *Терретнингер О.М. Гренланд*, стр. 172.

[122] Поскольку легенды о людях-собаках широко распространены по всему миру (они встречаются, например, у греков), вполне возможно, что эскимосы, возможно, получили их из какой-то другой страны и применили к индейцам, которые, как они знали, утверждали, что произошли от собаки.

[123] Compare Tobler: 'Ueber sagenhafte Völker des Altertums,' &c., in *Zeitschrift der Völkerpsychologie*, vol. xviii. (1888), стр. 225.

[124] См. Hammer, *Meddelelser om Grönland*, часть 8, стр. 22; Е. Skram в *Тильскуэрене*, октябрь 1885 г., стр. 735. Что касается кивитута, см. также Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*.

[125] См. Арнасен, *Исленцкарджодсогур*, ii. 160-304, перевод Пауэлла и Магнуссона (Лондон, 1866), стр. cxlvi и 101-231. Maurer *Isländische Volkssagen*, p. 240; Carl Andersen, *Islandske Folkesagn*, 2nd ed., p. 258.

[126] П. Эгед, *Исследователь Гренланда*, стр. 172; Тайлор, *Примитивная культура*, i. 391; Тоблер, указ. соч., стр. 238; Либрехт в *Академии*, iii. (1872), 321.

[127] П. Эгед, *Продолжение в отношении*, стр. 97; Х. Эгед, *Перлюстрация Гренландии*, стр. 117.

[128] Сравните Liebrecht, *Zur Volkskunde*, стр. 332, и приведенные там авторитетные источники. См. также Мольтке Мо в *"Письмах Штедтске Тидсскрифт"*, 1879, стр. 277-281.

[129] Х. Эгед, *Перлюстрация Гренландии*, стр. 117; П. Эгед, *Продолжение после реляции*, стр. 47; Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 471; *Справочник о Гренландии*, часть 10, стр. 290, 342.

[130] Ринк и Боас, *Журнал американского фольклора* (1888?) стр. 124.

[131] F. Liebrecht, *Zur Volkskunde*, 1879, pp. 17-25; J.C. Müller, *Geschichte der americanischen Urreligionen*, pp. 134, 65.

[132] П. Эгед, *Продолжение в отношении*, стр. 32, 80; *Терретнингер О.М. Гренланд*, стр. 127, 106. Х. Эгед, *Перлюстрация Гренландии*, стр. 117.

[133] Тайлор, *Первобытная культура*, i. 355; А. Ланг, *Мифология* (Париж, 1886), стр. 204, 206; Смитсоновский институт, *Ежегодный отчет Бюро этнологии*, 1879-80, стр. 45. Выбор между днем и ночью в гренландской форме мифа, возможно, прямо или косвенно позаимствован из библейской космогонии.

[134] Christaller in *Zeitschrift für afrikanischen Sprachen*, I. 1887-88, pp. 49-62. Сравните также Блика, *Рейнеке Фукс в "Африке"* (Веймар, 1870): Тайлор, указ. соч., стр. 355; А. Ланг, указ. соч., стр. 203.

[135] Ханс Эгеде, *Перлюстрация Гренландии*, стр. 117; П. Эгеде, *Продолжение в отношении*, стр. 20, 60. Что касается мытья мочой (см. стр. 29), я могу заметить, что это, по-видимому, был обычай несказанной древности. Мы находим упоминания об этом даже в священных писаниях парсов. Так, сказано (*Вендидад*, 8, 13), что носильщики трупов должны умываться мочой "не мужчин или женщин, но мелких животных или тягловых животных".

[136] П. Эгеде, *Продолжение после реляции*, стр. 16; Х. Эгеде, *Перлюстрация Гренландии*, стр. 121; Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 236; Холм, *Справочник по Гренландии*, часть 10, стр. 268.

[137] А. Ланг, *Обычай и миф*, стр. 132; Тайлор, *Первобытная культура* i. 288.

[138] Сравните Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 237, 440. Датское изд. дополнение. стр. 44. Либрехт в *Германии*, том 18 (1873), стр. 365.

[139] Холм, *Медицинский центр Гренландии*, часть 10, стр. 142.

[140] Этот миф настолько поразительно похож на гренландскую легенду, что едва ли может быть сомнение в том, что они возникли из одного и того же источника. Среди хасиа любить свою тещу - тягчайший грех, в то время как среди гренландцев любить свою сестру - худший.

[141] Тайлор, *Первобытная культура*, глава 354. См. также А. Ланг, *Миф, ритуал и религия*, i. стр. 128.

[142] П. Эгеде, *Терретнингер из Гренланда*, стр. 150, 206.

[143] Холм, *Geografisk Tidsskrift* (Копенгаген, 1891), xi. 16. Идея о том, что дождь происходит из-за переполнения озера во всем мире, возможно, прослеживается в более южных регионах, где практикуется сельское хозяйство и искусственное орошение, и где, соответственно, горные озера были перекрыты плотинами. В гренландском мифе также упоминается о том, что озеро было закрыто плотинкой. (Сравните Эгеде и Кранц.)

[144] See Schwartz, *Die poetischen Naturanschauungen*, i. pp. 138, 259; ii. p. 198; Schmidt, *Das Volksleben der Neugriechen*, i. p. 31; *Belgisch. Музей*, т. с. 215; Игн. Goldziher, *Der Mythos bei den Hebräern*, p. 88.

[145] Эта идея повторяется в нескольких частях света. Сравните сорокадневное одиночество Христа в пустыне.

[146] Так в оригинале (*Пер.*).

[147] Холм, *Медицинский центр Гренландии*, часть 10, стр. 131.

[148] Ангекоки тоже могут быть любого пола, но женщины, похоже, всегда были среди них в меньшинстве.

[149] Холм, *Медделельсер о Гренландии*, часть 10, стр. 135; Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 53, 151, 201, 461; Н. Эгеде, *Продолжение истории о взаимоотношениях*, стр. 43, 48; П. Эгеде, *Терретнингер О.М. Гренланд*, стр. 18 и далее.

[150] Сравните Карла Андерсена, *"Островные народные сказки о событиях"*, 2-е издание. (1877) стр. 144-149. Интересно сравнить эти исландские сказки с легендой Восточной

Гренландии, рассказанной Холмом (*Meddelelser om Grönland*, часть 10, стр. 303), которая очень похожа по содержанию, хотя, конечно, адаптирована к условиям жизни в Гренландии. Аналогичные истории можно найти и в Норвегии, согласно Мольтке Мо, который обратил мое внимание на это замечательное сходство.

[151] Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 42.

[152] Одной из характеристик илиситсоков, так же как и ангекоков, является то, что они дышат огнем. В средневековых легендах и даже в более поздних европейских фольклорных произведениях эта способность приписывалась дьяволу и часто распространялась на тех, кто продался ему. Гренландский огнедышащий, вероятно, связан с этим средневековым суеверием. Более того, илисицоки, которых ангекоки видят во время своих экзорцизмов, кажутся черными от кистей рук до локтей — черта, которая также может происходить от популярного в Европе представления о дьяволе и его воинстве черного цвета.

[153] Hans Egede, *Grönlands Perustration*, p. 116.

[154] Сравните Холма, *Медделельсера из Гренланда*, часть 10, стр. 118.

[155] Холм, *Справочник по Гренландии*, часть 10, стр. 119.

[156] *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 51; Датское изд. дополнение. с. 194.

[157] Что касается большей части этих мифов, теория о том, что они были изобретены независимо в разных частях света, кажется совершенно неприемлемой; совпадения слишком многочисленны и слишком характерны. Действительно, можно привести примеры того, что одно и то же изобретение было сделано независимо различными расами, расположенными далеко друг от друга; но они удивительно редки. С другой стороны, удивительно, как определенные инструменты, культурные растения, искусства или достижения передавались от человека к человеку на огромных пространствах земли. (Compare Peschel, *Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde*, 1877, i. p. 468).

[158] Глан, *NYE Samling af det kongelige norske Videnskabelige Selskabs Skrifter*, i. 1784, стр. 271. Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 45, 391, 439; Кляйншмидт, *Гренландский ордобог*, стр. 33.

[159] См. Введение Мольтке Мо в "Квигстад и Сандберг": *"Лапписк Эвентюр ог Фолксагн"*, стр. vii; *Нироп*, Миндре Афандлингер, *занимающийся филологией и историей Самфонда*, Копенгаген, 1887, стр. 193; Либрехт, *Цур Фолькскунде*, стр. 319.

[160] Однако я не должен упускать из виду, что схожие концепции можно найти в разных частях мира. Говорят, что на Таити таким образом появился ороматус, самый могущественный из духов, а у полинезийцев души детей обычно считаются особенно опасными. (Сравните Ф. Либрехта в *"Академии"*, iii. 1872, стр. 321.) Одна из причин, по которой я думаю, что гренландцы, возможно, позаимствовали свой ангиак у скандинавов, заключается в том, что, насколько я могу установить, у других эскимосских племен такой веры нет — по крайней мере, она не может быть распространена среди них. Об ангиаках нет упоминания даже среди легенд, собранных Холмом на восточном побережье. С другой стороны, существует несколько явно более примитивных мифов об обычных детях, которых превращают в монстров. (Сравните *Meddelelser om Grönland*, часть 10, стр. 287; Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 258; Датское изд.

дополнение, стр. 125.) Один из них, который на восточном побережье является ребенком Луны от матери-человека (*Meddelelser om Grönland*, часть 10, стр. 281), на западном побережье стал ангьяком. Это, без сомнения, поздняя переработка легенды — теория, которая подтверждается тем фактом, что на западном побережье встречаются варианты, в которых ангиак - обычный ребенок.

[161] Передано Мольтке Мо.

[162] Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 126; Холм, *Медделельсер о Гренланде*, часть 10, стр. 276.

[163] Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, датское изд. дополнение. с. 119.

[164] П. Эгед, *Продолжение после реляции*, стр. 19; *Терретнинггер о Гренланде*, стр. 55; Ринк, *Сказки и традиции эскимосов*, стр. 145; *Медделельсер о Гренланде*, часть 11, стр. 20, Дополнение к стр. 117.

[165] Кастрен, *Этнологические исследования в Леснингаре*, Гельсингфорс, 1857, стр. 182.

[166] *Справочник о Гренландии*, часть 11, Дополнение. стр. 117.

[167] К. Андерсен, *Islandske Folkesagn*, 1877, стр. 205.

[168] У ирокезов, однако, есть легенда о семи мальчиках, которые превратились в птиц и улетели от своих родителей. У них также есть история о молодом человеке, который отправляется на рыбалку и натывается на нескольких мальчиков, которые сложили крылья и плавают. Они дают ему пару крыльев, которые позволяют ему улететь вместе с ними; но впоследствии они отнимают у него крылья и оставляют его беспомощным. Сравните Rink, *Meddelelser om Grönland*, часть 11, стр. 21.

[169] До сих пор предполагалось, что нет никаких следов такого общения, кроме как в легендах эскимосов (упомянутых в главе I.) об их встречах со старыми скандинавами и в трех следующих словах: *nīsa* для *nise* (морская свинья), *kuánek* для *kvanne* (ангелика) и *kalâlek* (что означает гренландец). Происхождение *nīsa* (древнескандинавское *nīsa*) и *kuánek* кажется достаточно вероятным, хотя последнее вызывает некоторые сомнения из-за того факта, что на Лабрадоре это слово применяется к съедобным водорослям. *Калалек* предполагалось, что это то же самое, что норвежское скреллинг - название, данное нашими предками эскимосам, которое в устах эскимоса звучало бы примерно как калалек. Однако довольно удивительно найти то же самое слово у эскимосов Аляски в форме *katlalik* или *kallaaluch*, что означает ангекок или вождь (Rink, *Meddelelser om Grönland*, часть 11, Дополнение. стр. 94; *Tales and Traditions of the Eskimo*, датское изд. дополнение. стр. 200). Однако возможно, что это слово было импортировано на Аляску из Гренландии в наше время. Еще одна вещь, которая, как мне кажется, может быть пережитком древних скандинавов, - это арбалет, который Холм нашел на восточном побережье и который раньше использовался также на западном побережье. Насколько я знаю, он не встречается у индейцев.

[170] Миссионерская деятельность в Гренландии, в то время владении норвежской короны, была начата в 1721 году Хансом Эгед, который с этой целью основал объединенную коммерческую и миссионерскую компанию в Бергене. Впоследствии эта миссия была поддержана датско-норвежским правительством, а после отделения 1814 года, в результате

которого Дания сохранила норвежские владения Фарерских островов, Исландии и Гренландии, только датским правительством. Через десять лет после прибытия Эгед в страну граф Цинзендорф, прослышавший о его миссии, отправил трех моравских братьев в Гренландию. Они также сформировали небольшую общину, и немецкая миссия, или Хернхутт, также получила опору. В настоящее время у него есть несколько станций в районе Годтааб и одна или две на крайнем юге страны. Особенность этих общин эрнхутов, насколько я мог судить, заключается в том, что в них туземцы погрузились в еще большую пучину нищеты, чем где бы то ни было.

[171] Сравните Paul Egede, *Efterretninger om Grönland*, стр. 117, 162.

[172] Нильс Эгед, *Продолжение Трэди в отношении*, стр. 32, 45.

[173] Пол Эгед, *Научный сотрудник Гренланда*, стр. 221.

[174] П. Эгед, *Научный сотрудник Гренланда*, стр. 21; сравните также стр. 25.

[175] То, что мужчина должен иметь женскую лодку, что раньше было общим правилом, теперь рассматривается как убедительное доказательство исключительного богатства и способностей; поскольку он, конечно, должен ловить много тюленей, чтобы иметь достаточно шкур для этого. Сравните *ставки* на стр. 85.

[176] Следует, однако, упомянуть, что случайные обстоятельства, такие как переезд некоторых хороших охотников в другие места, в некоторой степени способствовали этому значительному спаду.

[177] Отсылка к хорошо известному морскому суеверию.—Пер.

[178] Например, заставляя туземцев носить худшую одежду и круглый год жить в своих сырых, антисанитарных домах, где микробы болезней находят наилучшую почву для размножения, вводя европейские продукты питания и так далее.

[179] Странно, что гренландцы в значительной степени избежали сифилиса, который обычно является одним из первых даров, которыми мы наделяем тех примитивных людей, которых мы выбираем в качестве объектов для наших экспериментов в цивилизации. Он встречается только в одном месте, в Арсуке на юге Гренландии, где его пытаются изолировать. Она была введена только в последние годы, но, судя по тому, что я слышал, она, похоже, распространилась, и представляется вероятным, что это будет продолжаться и со временем затронет все население.

[180] Как раз в тот момент, когда я отправляю это в печать, появляется книга Гейерстама "*Культуркампен и Херьедален*", в которой автор, как и я, утверждает, что наше школьное преподавание погубило лопарей, ослабив их интерес к делу своей жизни.

[181] Кроны, при этом *крона* равна 1с. 1½г.—Пер.

Примечания переписчика:

Исправлены очевидные типографские ошибки. Расстановка переносов стандартизирована, за исключением случаев, когда это могло повлиять на значение, например, "переплет". Все остальные несоответствия такие же, как в оригинале. Очевидные опечатки были исправлены. Буквы "s" и "d" (валюта) выделены курсивом для согласованности. Оригинальное выделение

сохранено. Оригинальное написание сохранено, за некоторыми исключениями, например, из соображений секретности, от написания песен к авторам песен, от Розетти к Россетти, от воспитания к воспитанию, от переводчика к переводчику.